

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

Уильям Блум

УБИЙСТВО ДЕМОКРАТИИ

Операции
ЦРУ и
Пентагона
в период
холодной
войны

Реальная политика

Уильям Блум

**Убийство демократии:
операции ЦРУ и Пентагона
в период холодной войны**

«Кучково поле»

1995

Блум У.

Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны / У. Блум — «Кучково поле», 1995 — (Реальная политика)

«Убийство демократии» американского историка-исследователя Уильяма Блума – это наиболее полное описание инструментария открытой и скрытой деятельности американских внешнеполитических ведомств и спецслужб. Четкий исторический анализ 56 открытых и тайных вмешательств США в годы холодной войны доказательно демонстрирует глобальный масштаб американской агрессии и жестокую изощренность исполнения в каждом конкретном случае. Блум доказывает, что Соединенные Штаты, вопреки их риторике и общепринятому мнению, занимались отнюдь не продвижением демократии. Наоборот, в одном государстве за другим, методично и безжалостно, напрямую и руками наемников, США уничтожали неугодные им мнения, движения, партии, людей, чтобы привести к власти своих ставленников. Изобилующая деталями и ссылками, книга Блума – это настоящий учебник по внешней политике США, который должен стоять под № 1 в списке литературы любого человека, имеющего отношение как к внешней, так и внутренней политике в России. Если вы хотите понимать, что происходит на шахматной доске мировой политики, вы обязаны знать, как разыгрывались подобные партии в прошлом. Знание истории освещает понимание настоящего и прогнозирование будущего.

© Блум У., 1995

© Кучково поле, 1995

Содержание

Об авторе	6
Предисловие от российских издателей	7
Уильям Блум к российским читателям	9
Предисловие	10
1. Китай, 1945–1960	25
2. Италия, 1947–1948	33
3. Греция, 1947–1950	41
4. Филиппины, 1940–1950	47
5. Корея, 1945–1953	54
6. Албания, 1949–1953	65
7. Восточная Европа, 1948–1956	68
8. Германия, 1950-е	73
9. Иран, 1953	78
10. Гватемала, 1953–1954	86
11. Коста-Рика, середина 1950-х	97
12. Сирия, 1956–1957	99
13. Ближний Восток, 1957–1958	104
14. Индонезия, 1957–1958	115
15. Западная Европа, 1950-1960-е	120
16. Британская Гвиана, 1953–1964	125
17. Советский Союз, конец 1940-х – 1960-е	132
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Уильям Блум
Убийство демократии: операции ЦРУ
и Пентагона в период холодной войны

William BLUM

Killing Hope: US Military and CIA Interventions Since World War II

Об авторе

Уильям Блум (William Blum, род. 1933) – американский автор, историк-исследователь, активист, критик внешней политики США.

Он ушел из Государственного департамента США в 1967 году, отказавшись от госслужбы из-за несогласия с действиями США во Вьетнаме.

После увольнения основал и возглавил Washington Free Press – первую газету в Вашингтоне, содержание которой шло вразрез с официальными позициями США.

В 1969 году он написал и опубликовал материалы о ЦРУ, в которых раскрыл имена и адреса более чем двухсот кадровых сотрудников Управления.

Работал в качестве журналиста-фрилансера в США, Европе и Южной Америке. Во время пребывания в Чили в 1972–1973 годах писал о «социалистическом эксперименте» правительства Альенде и его падении в результате разработанного ЦРУ переворота. События в Чили вызвали чувство личной причастности и еще более укрепили интерес к деятельности правительства США в разных концах света.

В середине 1970-х в Лондоне работал вместе с бывшим сотрудником ЦРУ Филипом Эйджи (Philip Agee) и его коллегами в рамках проекта по разоблачению преступлений ЦРУ.

В конце 1980-х Уильям Блум переехал в Лос-Анджелес, где написал несколько сценариев. Эти сценарии не были реализованы, поскольку речь в них шла о том, что не укладывалось в головах голливудских деятелей: об идеях и их последствиях.

В 1999 году получил премию проекта «Цензурированный» (Project Censored – премия за журналистские расследования калифорнийского университета Сонома) за «достойную подражания журналистскую работу». Премия была присуждена за статью о предоставлении Соединенными Штатами Ираку материалов для развития химического и биологического оружия в 1980-х; эта статья вошла в десятку наиболее цензурированных текстов в 1988 году.

В настоящее время живет и работает в Вашингтоне. Занимается написанием книг и ежемесячного «Антиимперского доклада» (The Anti-Empire Report).

Уильям Блум – автор ряда известных книг:

America's Deadliest Export: Democracy. The Truth about US Foreign Policy and Everything Else, 2013.

Killing Hope: US Military and CIA Interventions Since World War II, 1995, 2004. Rogue State: A Guide to the World's Only Superpower, 2005.

Freeing the world to death: Essays on the American Empire, 2004.

West-Bloc Dissident: A Cold War Memoir, 2002.

The CIA: A Forgotten History, 1986.

Сайт: [битая ссылка] www.killinghope.org

Предисловие от российских издателей

«Убийство демократии» Уильяма Блума – одна из тех редких работ, которые формируют мировоззрение человека и навсегда остаются в сознании.

Книга поражает даже тех людей, которые неплохо разбираются в истинных целях и методах внешней политики Соединенных Штатов. Четкий анализ 56 тайных и открытых вмешательств США в годы холодной войны, доказательно демонстрирующий глобальный масштаб американской агрессии и жестокую изощренность исполнения в каждом конкретном случае, наносит такой удар по иллюзиям и предвзятым идеям о политических процессах в мире, что после этого уже невозможно мыслить и действовать как раньше.

«Убийство демократии» доказывает, что Соединенные Штаты, вопреки их риторике и общепринятому мнению, занимались отнюдь не продвижением демократии. Наоборот, в одном государстве за другим, методично и безжалостно, напрямую и руками наемников, США уничтожали негодные им мнения, движения, партии, людей, чтобы привести к власти своих ставленников, готовых обслуживать американские интересы. Ни одно государство, которое в XX веке попыталось взять независимый курс и провести прогрессивные реформы в интересах своего народа, не избежало безжалостного американского вмешательства. Уильям Блум приводит неумолимую статистику: с 1945 по 2003 год Соединенные Штаты пытались свергнуть правительства более чем в 40 государствах, подавили более 30 народно-патриотических движений, боровшихся против диктаторских режимов, нанесли бомбовые удары по 25 странам; в результате погибло нескольких миллионов человек, и еще миллионы были обречены жить в агонии и отчаянии.

В советскую эпоху любое стремление к независимости в Вашингтоне называли «коммунизмом». Уильям Блум, однако, показывает, что «советская экспансия» и «коммунизм» в подавляющем числе случаев служили лишь предлогом для американского вмешательства. Независимость и левые устремления, пишет автор, отнюдь не были навязаны Советским Союзом, а являлись инициативой народов многих государств – в некоторых случаях СССР помогал, но чаще нет.

В начале 2000-х на смену «коммунизму» в качестве предлога для агрессии пришел терроризм. А те государства, которым такую угрозу не припишешь, как России, становятся объектами жесткого политического давления по линии «отсутствия демократии» и «нарушений прав человека».

Книга Блума – это учебник по истинной внешней политике США. Это также наиболее полное описание инструментария открытой и скрытой деятельности американских внешнеполитических ведомств и спецслужб: от запуска воздушных шаров с пропагандистскими листовками и подделки талонов на еду с целью вызвать дефицит и недовольство населения до террористических актов «под чужим флагом» и открытых бомбардировок «агентом оранж».

Изначально антикоммунист, мечтавший о государственной службе, Уильям Блум, по его словам, потерял иллюзии об американской «демократии» в ходе Вьетнамской войны. В 1960-е он работал в Государственном департаменте США и изнутри увидел, что такое американская внешняя политика. В результате его миссией стало стремление «если не свернуть, то хотя бы остановить экспансию американской империи, которая причиняет столько страданий всему миру». Блум не стал коммунистом, он даже не был приверженцем советского строя; он исследует интервенции США с позиции честного историка и защитника истинной демократии как волеизъявления народа. При этом автор не только блестящий аналитик и глубокий историк, он также и известнейший активист, один из лидеров протеста против имперской политики США. Уильям Блум выступает на стороне независимости и самоопределения народов, социального прогресса и справедливости. Он верит в народ, верит в его способность выбрать правильный

для себя путь и добиться успеха – если на его пути не окажутся поставленные Вашингтоном диктаторы, полицейские режимы и эскадроны смерти.

Книга Блума чрезвычайно актуальна сегодня. С разрушением Советского Союза США не изменили целеполагания – американская внешняя политика стала еще более агрессивной в отсутствии сдерживающего фактора. Теперь они могли безнаказанно бомбить Югославию и Ливию. В Сирии в 1957–1958 годах, как пишет Блум, переворот был организован подпольными методами, а сегодня США в открытую вооружают и обеспечивают боевую подготовку террористов в рамках силовой «смены режима». В Иране в 1953 году ЦРУ вместе с британскими спецслужбами свергли демократически избранного премьер-министра Мосаддыка и сегодня используют полную батарею политических, экономических, военных и подрывных методов против иранского руководства. Проблеме Каддафи, после 40 лет непрерывных американских атак, в марте 2011 года было найдено уникальное по своей жестокости и лицемерию «окончательное решение». Что касается Латинской и Центральной Америки, то государства этого региона, который США уже два века считают своим «задним двором», ни на год не сходили с оперативной карты открытых и секретных операций США.

О сегодняшних американских операциях в силу их засекреченности мы можем знать не все. Но прошлые вмешательства, теперь детально описанные, наглядно показывают тактику, подходы, методы и модели поведения американской империи. Единственное, что меняется со временем, это технологическое обеспечение процесса – сегодня появились интернет и социальные сети.

«Убийство демократии» – третья книга в серии «Реальная политика», инициированной Институтом внешнеполитических исследований и инициатив. В этой серии мы публикуем ключевые издания западных авторов, раскрывающих подлинную, реальную политику США и их союзников – в противоположность той пропагандистской версии, которую нам подают из Вашингтона и проамериканских «гнезд» в России. Эти книги – настоящие учебники по политике Соединенных Штатов, американскому видению мира и средствам реализации этого видения. Это базовая информация, без которой невозможно обрести истинное понимание того, что происходило и происходит в мире. Если вы хотите сесть за пресловутую шахматную доску, вы обязаны знать, как разыгрывались подобные партии в прошлом. Знание истории освещает понимание настоящего и прогнозирование будущего.

Вероника Крашенинникова,
генеральный директор

Института внешнеполитических исследований и инициатив (ИНВИССИН)

Уильям Блум к российским читателям

Враждебность США к России после холодной войны

Были ли когда-нибудь стоящие основания верить, что конец холодной войны явит лучший, более безопасный мир? Большинство населения планеты имело все основания расценивать происшедшие исторические события в положительном свете. Американскому народу были обещаны различные блага, которые последуют за окончанием холодной войны. Триллионы долларов могли бы тратиться на нужды людей вместо военных приготовлений. С окончанием «коммунистической опасности» и «коммунистической угрозы» противостояние между США и Советским Союзом, которое пагубно охватывало весь третий мир, должно было кануть в Лету.

Но этого не случилось, и никаких благ американский народ, конечно же, не получил. Военный бюджет США продолжал покорять космические вершины (образно и буквально), в то время как десятки миллионов американцев продолжали жить в постоянной нищете. Что же произошло на самом деле?

Главное, что случилось, – раскрылась настоящая сущность холодной войны. Холодная война была битвой Соединенных Штатов не только против Советского Союза. Это была битва Соединенных Штатов против стран третьего мира.

Америка отправилась во всемирный крестовый поход не для того, чтобы остановить советскую экспансию. Этот всемирный крестовый поход Америки ставил целью блокировать политические и социальные изменения, предпринятые народами третьего мира, которые не устраивали американскую правящую элиту.

Это не было благородным движением свободы и демократии против коммунистического тоталитаризма. Это было глубоко циничное движение Вашингтона в поддержку многочисленных диктаторов, защищавших американские капиталистические интересы в своих странах.

Советского Союза больше не существует. Его бывшие республики и союзники теперь независимые государства. Россия больше не является социалистической страной. У Америки больше нет оснований опасаться «международного коммунистического заговора». Однако Соединенные Штаты по-прежнему занимают активную враждебную позицию по отношению к России, окружая ее силами НАТО, системами ПРО, различными военными базами. Что же происходит?

Незыблемым осталось одно – одержимая решимость США доминировать в мире.

Но Россия остается сильной. Она обладает крупнейшим по величине ядерным арсеналом в мире и многочисленными системами доставки боеголовок. У России самые крупные в мире запасы нефти и газа. Россия высокоразвитая страна. Семьдесят лет холодной войны научили русских преодолевать благоговейный страх перед мифической Америкой. Какая другая ненаатовская держава может стать таким мощным барьером против американской гегемонии в мире, как Россия? Только Китай, и сегодня Соединенные Штаты также окружают его и бросают ему вызов.

В годы холодной войны, прежде чем запустить интервенцию против какой-либо страны в третьем мире, вашингтонские политики всегда должны были учитывать реакцию Советского Союза. Позиция СССР часто была единственным препятствием на пути «естественного права» Америки править в мире. Распад Советского Союза снял это препятствие. Вашингтон убежден, что ни Россия, ни Китай никогда не смогут вновь достичь того могущества, чтобы снова править в мире.

Предисловие

Краткая история холодной войны и антикоммунизма

Страх перед тем, что коммунизм может в один прекрасный день захватить большую часть мира, зашорил нас настолько, что мы не видим того, как антикоммунизм уже сделал это.

Майкл Паренти (Michael Parenti) [1]

Однажды, еще в самом начале боевых действий во Вьетнаме, один офицер-вьетконговец задал вопрос пленному американскому военнослужащему: «После войны мы считали вас героями. Мы читали американские книги, смотрели американские фильмы, и обычным желанием вьетнамца в то время было «стать таким же богатым и ловким, как американец». Что же произошло?» [2]

Десятьлет до этого подобный вопрос мог задать американцу житель Гватемалы, Индонезии, Кубы или же уругваец, чилиец и грек десятилетие спустя. Доброжелательное отношение и доверие, которые питали к Соединенным Штатам народы других стран в конце Второй мировой войны, исчезали с каждой новой интервенцией, государство за государством отворачивались от них. Шанс построить разоренный войной мир заново, заложить основы мирной жизни, процветания и справедливости рухнул под тяжким грузом антикоммунизма.

Этот груз накапливался исподволь, на самом деле с первого дня русской революции. Летом 1918 года американские войска численностью около 13 тыс. человек вторглись на территорию молодой Советской России. Два года спустя, потеряв тысячи солдат и офицеров, американцы убралась восвояси, так и не выполнив своей миссии, состоявшей в том, чтобы «задушить большевистское государство в колыбели», как выразился Уинстон Черчилль.

В то время молодой еще Черчилль был военным министром и министром королевского военно-воздушного флота. Именно ему принадлежит главная роль одного из организаторов вторжения союзников (Великобритании, США, Франции, Японии и некоторых других стран) в Советскую Россию, войска которых выступили на стороне контрреволюционной Белой гвардии. Годы спустя Черчилль – уже как историк – написал о той редчайшей афере следующие строки в своих мемуарах, оставленных для потомков: [3]

«Находились ли они (союзники) в состоянии войны с Россией? Разумеется, нет; но советских людей они убивали без разбора. Они были захватчиками на русской земле. Они вооружали врагов советской власти. Они блокировали порты России и топили ее боевые корабли. Они деятельно желали ей гибели и составляли планы по ее свержению. Но война – это же ужасно! Интервенция – это же позор! Им совершенно все равно, твердили они, как русские решают свои внутренние дела. Они были совершенно непредвзяты... стреляя!» [4]

Что же было такого в большевистской революции, если она так встревожила самые мощные державы мира? Что заставило их вторгнуться в страну, чья армия сражалась более трех лет в союзе с ними и понесла больше потерь, чем любое другое государство во время мировой войны?

Большевики осмелились заключить сепаратный мир с Германией, чтобы выйти из войны, которую считали империалистической и ни в коем случае не своей, и попытались восстановить изнуренную и опустошенную Россию. Но большевики пошли дальше этого и вознамерились свергнуть феодальнокапиталистическую систему, провозгласив первое в истории человечества социалистическое государство, а это была уже наглость, не имеющая границ. Это было пре-

ступлением, за которое полагалось наказание, это был вирус, который подлежал уничтожению: иначе он заразит и их народы. Вторжение не достигло своей непосредственной цели, однако его последствия оказались глубокими, и они ощущаются по сей день. Профессор Университета Вандерbilt (Vanderbilt University) Д. Ф. Флеминг (D. F. Fleming), историк холодной войны, отмечал:

«Для американского народа интервенция в Россию отнюдь не являлась трагедией космического масштаба – скорее, это был незначительный инцидент, давно забытый. Для народов же Советской России и их руководителей это время, наоборот, было периодом бесконечных убийств, мародерства и грабежей, болезней и голода, нескончаемых страданий десятков миллионов людей – трагедией, которая намертво врезалась в сознание нации, которая не будет забыта многими и многими поколениями, если вообще будет забыта когда-либо. И жестко регламентированная жизнь советских людей в течение многих лет может быть оправдана целиком их страхом перед тем, что капиталистические державы однажды вернуться, чтобы завершить свое дело. Поэтому не удивительно, что в своем обращении 17 сентября 1955 года в Нью-Йорке Председатель Совмина СССР Хрущев вдруг напомнил нам об интервенции, «времени, когда вы послали войска, чтобы задушить революцию», как он выразился» [5].

В докладе, опубликованном Пентагоном в 1920 году и посвященном этому вмешательству, являющимся дурным предзнаменованием бесчувственности сверхдержавы к проблемам других народов, читаем: «Эта экспедиция представляет собой прекрасный пример помощи народу, борющемуся за новую свободу в череде благородных, бескорыстных действий при очень трудных обстоятельствах» [6].

История не показала нам, как бы выглядел Советский Союз, если бы ему было позволено развиваться «нормальным» путем – путем, который он выбрал сам. Однако мы хорошо знаем суть того Советского Союза, который пережил вторжение уже на стадии становления, поднялся один в изоляции, находясь во враждебном окружении, а когда смог выжить и достичь зрелости, подвергся нападению со стороны военной машины нацистов с благословения западных держав. Как результат, незащищенность и страх перед внешней агрессией неизбежно привели к деформации характера народа подобно тому, как это происходит с отдельным человеком, выросшим в схожих условиях, когда его жизнь подвергается опасности.

Нам, живущим на Западе, не позволяют забывать политические недостатки (реальные и мнимые) Советского Союза, но в то же время никогда не напоминают о том, что скрывается за этими недостатками. Антикommунистическая пропагандистская кампания началась даже раньше, чем интервенция. Еще не закончился 1918 год, а выражения: «красная опасность», «большевики атакуют цивилизацию», «красные являются угрозой для всего мира» уже пестрели на страницах газеты «Нью-Йорк таймс».

В феврале и марте 1919 года Юридический подкомитет Сената США проводил слушания, на которых рассматривались «ужасы, творимые большевиками». Характер некоторых показаний можно по достоинству оценить, просмотрев заголовки номера обычно сдержанной и уравновешенной газеты «Нью-Йорк таймс» от 12 февраля 1919 года:

УЖАСЫ, ТВОРЯЩИЕСЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КРАСНЫХ. Р. Э. СИМОНС (R. E. SIMONS) И У. У. УЭЛШ (W. W. WELSH) РАССКАЗАЛИ СЕНАТОРАМ О ЖЕСТОКОСТЯХ БОЛЬШЕВИКОВ – ОНИ РАЗДЕВАЮТ ЖЕНЩИН НА УЛИЦАХ – ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВСЕХ КЛАССОВ, КРОМЕ ОТЪЯВЛЕННЫХ ПОДОНКОВ, ПОДВЕРГАЮТСЯ НАСИЛИЮ СО СТОРОНЫ ЧЕРНИ.

Историк Фредерик Льюис Шуман (Frederic Lewis Schuman) писал: «Конечным итогом этих слушаний... стало то, что Советскую Россию начали изображать как некое подобие сумасшедшего дома, населенного бесправными рабами, находящимися полностью во власти шайки маньяков-убийц, имеющих целью разрушить устои цивилизации и вернуть народ назад в варварство» [7].

Ни одну историю о большевиках не считали слишком надуманной, невероятной, гротескной или извращенной, чтобы ее не напечатать, чтобы не верить ей: начиная от национализации женщин и кончая пожиранием младенцев (кстати, в этом язычники обвиняли ранних христиан, да и евреи выслушивали подобные обвинения в Средние века). Истории с жуткими подробностями о женщинах, ставших государственной собственностью и обязанных принудительно вступать в брак, рассказы о «свободной любви» и т. д. «передавались на всю страну по тысячам каналов», писал Шуман, «и они, наверное, сделали больше, чем все остальное, – для того чтобы создать в сознании американских граждан штамп о коммунистах, как о преступниках-извращенцах» [8]. Подобные сказки имели широкое хождение даже после того, как госдеп был вынужден официально объявить их все фальшивками. (О том, что советские люди едят своих детей, рассказывали членам политической организации «Общество Джона Берча» (John Birch Society) на их занятиях, по крайней мере, до 1978 года) [9].

К концу 1919 года, когда поражение союзников и Белой гвардии уже было весьма вероятным, газета «Нью-Йорк таймс» потчевала своих читателей статьями под следующими заголовками:

30 декабря 1919 г. – «Красные стремятся к войне с Америкой».

9 января 1920 г. – «Официальные круги считают большевистскую угрозу на Ближнем Востоке крайне опасной».

11 января 1920 г. – «Официальные лица и дипломаты союзных стран полагают, что вторжение в Европу возможно».

13 января 1920 г. – «Дипломатические круги союзных стран боятся вторжения в Персию».

16 января 1920 г. – заголовок на первой полосе шириной в восемь колонок: «Британии грозит война с красными. Она созывает заседание совета в Париже». «Хорошо информированные дипломаты ожидают военного вторжения в Европу и наступления Советов в Юго-Восточной Азии». На следующее утро, однако, новое сообщение: «Никакой войны с Россией. Союзники готовы с ней торговать».

7 февраля 1920 г. – «Красные собирают армию для нападения на Индию».

11 февраля 1920 г. – «Угроза вторжения большевиков на территорию Японии».

Читателям «Нью-Йорк таймс» предлагали поверить в то, что угроза вторжения исходит от страны, разрушенной так, как немногие другие государства в истории человечества были разрушены; от страны, все еще пытающейся оправиться от ужасов Первой мировой войны, страдающей от хаоса, вызванного только что завершившейся коренной социальной революцией невиданного доселе масштаба, и ввергнутой в жестокую гражданскую войну против сил, пользующихся поддержкой ведущих держав мира. Промышленность этой страны, и ранее не считавшаяся передовой, лежит в руинах, а народ находится в тисках голода, который, прежде чем закончиться, унесет еще многие миллионы человеческих жизней.

В 1920 году журнал «Нью-Рипаблик» (The New Republic) представил подробный анализ новостных репортажей «Нью-Йорк таймс», посвященных российской революции и интервенции. Среди всего прочего журнал отметил, что в течение двух лет после Октябрьской револю-

ции 1917 года «Нью-Йорк таймс» не менее 91 раза заявляла, что «Советы либо уже приближаются к виселице, либо уже нашли свой конец» [10].

Если реальность представляла такой на страницах столь «уважаемого» издания, можно себе представить, каким дьявольским варевом потчевали своих читателей другие американские газеты.

Таковым было первое знакомство американского народа тогда с новым феноменом, появившимся в мире, так сказать, первой лекцией о сущности Советского Союза и штуке под названием «коммунизм». Студенты так и не оправились после этого урока, впрочем, как и сам Советский Союз.

Военная интервенция завершилась, однако агрессивная пропаганда никогда не прекращалась, за полным или частичным исключением периода Второй мировой войны. В 1943 году журнал Life посвятил целый выпуск достижениям Советского Союза, явно выйдя за рамки того, чего требовала солидарность военного времени; издание зашло так далеко, что назвало Ленина, «возможно, самым великим человеком современности» [11]. Однако два года спустя, когда в Белом доме уже находился Гарри Трумэн (Harry Truman), такое выражение братских чувств вряд ли имело шанс на успех. В конце концов, именно Трумэн был тем человеком, который заявил через день после вторжения нацистов на территорию СССР: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны будем помогать России, а если начнет побеждать Россия, мы должны будем помогать Германии, и пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя я не желаю победы Гитлера ни при каких обстоятельствах» [12].

Поводом для пропагандистской шумихи стал и советско-германский пакт 1939 года, хотя ее авторы полностью проигнорировали тот факт, что русские были вынуждены заключить его из-за неоднократного отказа западных стран, особенно США и Великобритании, объединить свои усилия с Москвой и выступить против Гитлера единым фронтом [13], также как и отказ прийти на помощь ориентирующемуся на социализм правительству Испании, которое боролось с агрессией немецких, итальянских и испанских фашистов начиная с 1936 года. Сталин прекрасно осознавал, что если Запад не защитит Испанию, то, конечно, не спасет и Советский Союз.

Начиная с «красной угрозы», о которой кричали в 1920-х, в эпоху маккартизма, свирепствовавшего в 1950-е, и вплоть до «крестового похода против империи зла», объявленного Рейганом в 1980-х, американский народ неустанно подвергался регулярным инъекциям антикоммунизма. Американцы впитывают подобные идеи с молоком матери, черпают их из книг, комиксов и школьных учебников. Об этом кричат заголовки ежедневных газет, которые рассказывают гражданам обо всем, что те должны знать, то же самое проповедуют министры, вторят политики в своих предвыборных выступлениях, а на этом всем делает деньги журнал «Ридерс дайджест» (Reader's Digest).

В результате такой вероломной атаки на сознание граждан растет глубокое убеждение в том, что на мир было ниспослано ужасное проклятие, может быть, самым дьяволом, но в образе людей, и мотивы этих людей далеки от нужд, умения, чувств и морали обычного человека, который управляет себе подобными; они вовлечены в чрезвычайно хитрый международный заговор, имеющий целью захватить весь мир и поработить его, руководствуясь не вполне понятными причинами, хотя зло не нуждается в других мотивах, кроме желания творить зло. Более того, любое заявление этих людей о том, что они являются разумными человеческими существами, стремящимися сделать мир и общество лучше, – есть притворство и обман с целью ввести в заблуждение других и прикрыть их коварство; репрессии и жестокости, творившиеся в Советском Союзе, представляют собой свидетельство полной несостоятельности добродетели и дьявольских намерений этих людей, в какой бы стране они ни находились и как бы они сами себя ни называли; и – что самое важное – единственная альтернатива, открытая для каждого в Соединенных Штатах, это возможность выбирать исключительно между амери-

канским образом жизни и образом жизни советским, и ничего между ними и за пределами этого пути построения мирового порядка не существует.

Примерно так все это видится простым гражданам США. Между тем и образованные, умудренные опытом люди, если копнуть поглубже и посмотреть, что скрывается за их внешней ученостью, оказывается, думают точно так же.

Для человека, выросшего в Соединенных Штатах, истинность антикоммунизма является сама собой разумеющейся, – как когда-то не вызывало никаких сомнений утверждение, что земля плоская, или как русский народ верил в виновность жертв сталинских чисток, искренне считая их изменниками Родины.

Чтобы понять превратности американской внешней политики после Второй мировой войны, необходимо учитывать предшествующую часть американской истории. Особенно это касается того вклада – как видно из этой книги, – что привнесли американские вооруженные силы, ЦРУ и другие ветви власти народам мира.

В 1918 году американским финансовым кругам не требовалось иных причин для того, чтобы развязать войну против коммунизма, кроме угрозы их богатствам и привилегиям – правда, их враждебность тогда выражалась лишь в терминах морального негодования.

В период между двумя мировыми войнами американская «дипломатия канонеров» действовала в Карибском море, чтобы сделать это «американское озеро» безопасным для судеб компаний «Юнайтед фрут» (United Fruit) и «W. R. Grace & Co.» и одновременно предупредить большевистскую угрозу, выраженную в действиях таких людей, как никарагуанский повстанец Аугусто Сандино.

К концу Второй мировой войны каждый американец старше сорока лет прожил приблизительно 25 лет в условиях облучения антикоммунистической истерией – период, достаточный для развития злокачественных образований. Антикоммунизм породил собственную модель жизни, независимую от ее капиталистического «родителя». Вашингтонские политики и дипломаты средних лет в послевоенный период все чаще и чаще рассматривали весь мир как состоящий из «коммунистов» и «антикоммунистов», а не из наций, движений или отдельных индивидуумов. Это видение мира, похожее на комикс с праведными американскими суперменами, борющимися везде с коммунистическим злом, превратилось из циничных пропагандистских упражнений в моральный долг американской внешней политики.

Даже концепция «третьего пути», подразумевающая некоторую степень нейтралитета, получила только скудную легитимность в этой парадигме. Джон Фостер Даллес (John Foster Dulles), один из главных архитекторов послевоенной американской внешней политики, кратко выразил это с присущим ему морализмом: «Для нас существуют два типа людей в мире: есть христиане, поддерживающие свободное предпринимательство, и все остальные» [14]. Как подтверждают некоторые тематические исследования в данной книге, Даллес воплотил свое кредо в твердую практику.

Слово «коммунист» (как и «марксист») было настолько затасканно и извращено американскими руководителями и СМ И, что потеряло свой фактический первоначальный смысл. Но ведь даже простое наличие названия чего-то – ведьм или летающих тарелок – предполагает определенную веру в его существование.

В то же время американскую общественность, как мы увидели, основательно натренировали, чтобы она реагировала на этот термин, словно «собаки Павлова» на звук: он, «коммунизм», означал и худшие беззакония сталинской эпохи – от массовых репрессий до сибирских гулаговских лагерей; он означал, как заметил Майкл Пэренти (Michael Parenti), что «классические марксистско-ленинские прогнозы [относительно мировой революции] рассматриваются в качестве заявок на практические действия современного коммунизма» [15]. Это означало «мы» против «них».

Среди «них» мог быть филиппинский крестьянин, никарагуанский граффитчик, законно избранный премьер-министр в Британской Гвиане или европейский интеллектуал. Среди «них» мог оказаться камбоджийский сторонник «третьего пути» или африканский националист – все они были каким-то образом частью единого заговора, каждый из «них» в некотором роде оказывался угрозой американскому образу жизни; любая страна, даже маленькая, очень бедная или расположенная слишком далеко, все равно представляла угрозу, «коммунистическую угрозу».

События, описанные в этой книге, ярко демонстрируют, что для агрессоров никогда не было по-настоящему важно, называли себя какие-то люди, политические партии, общественные движения или правительства «коммунистами» или нет. Не имело никакого значения – были они специалистами по диалектическому материализму или же никогда не слышали о Карле Марксе; были они атеистами или священниками; была сильная и влиятельная коммунистическая партия на политической арене или нет; пришло правительство к власти путем кровавой революции или же мирных выборов. Все были целями, все были «коммунистами».

Еще меньшее значение в этой картине мира имело присутствие советского КГБ. Часто озвучивалось утверждение, что ЦРУ выполняет свои грязные трюки в основном как ответ на операции КГБ, которые были «еще более грязными». Это чистейший обман. Возможно, и были отдельные случаи такого рода в ходе деятельности ЦРУ, но они остались тайной. Отношения между двумя зловещими агентствами отмечены более глубокими дружбой и уважением к коллегам-профессионалам, чем рукопашная схватка. Бывший сотрудник ЦРУ Джон Стоквелл (John Stockwell) написал:

«На самом деле в ходе большинства рутинных операций оперативные сотрудники больше опасались американского посла и его сотрудников, сдерживающих действия штаба, и еще любопытных, сплетничающих местных жителей, которые могли стать угрозой для операций. Тогда прибыла бы местная полиция, за ней и пресса. Последними из всех было КГБ, за мои 12 лет службы я никогда не видел или не слышал о ситуации, в которую бы КГБ вмешивался или затруднял какую-либо операцию ЦРУ» [16].

Стоквелл добавляет, что различные разведывательные службы не хотят «усложнять» жизнь, убивая друг друга:

«Так не поступают. Если у оперативного сотрудника ЦРУ вдруг темной ночью на пустынной дороге спустится шина, он без смущения примет предложение подвезти его от сотрудника КГБ, и, вероятно, эти двое еще заедут в какой-нибудь бар, чтобы вместе выпить. Фактически работники ЦРУ и КГБ частенько приглашали друг друга в гости домой. В архивах ЦРУ полно упоминаний о таких отношениях почти на каждом Африканском участке» [17].

Сторонники теории «борьбы огня с огнем» временами схлестываются и утверждают, что если КГБ, например, приложил руку к свержению правительства Чехословакии в 1968 году, то для ЦРУ вполне приемлемо приложить руку к свержению правительства Чили в 1973 году. Якобы уничтожением демократии КГБ вносит денежные средства на банковский счет, с которого затем ЦРУ оправданно может их снять.

Что же тогда связывало различные объекты американской агрессии, что вызывало гнев, а то и грохот пушек самой могущественной страны в мире? Фактически в каждом из случаев, касающихся стран третьего мира, описанных в этой книге, это была в той или иной форме политика «самоопределения»: желание, рожденное необходимостью и принципом, следовать независимым от целей внешней политики США путем развития. Обычно это прослеживалось в: а) стремлении освободить себя от экономической и политической зависимости от США; б)

отказе свести на нет отношения с социалистическим блоком, отказе от подавления «левых» у себя дома или отказе от размещения американских военных баз на своей территории – короче говоря, отказе быть пешкой в холодной войне; в) попытке переделать или заменить правительство, которое не придерживалось ни одного из этих направлений, правительством, поддерживаемым Америкой.

Такая политика независимости проявлялась в деятельности многочисленных лидеров и революционеров третьего мира, при этом на нее нельзя навешивать ярлык «прокоммунистической» или «антиамериканской», их позиция была простым проявлением нейтралитета или неприсоединения к той или иной сверхдержаве. Однако, как мы увидим, США не были готовы мириться с таким положением вещей. Арбенс в Гватемале, Мосаддык в Иране, Сукарно в Индонезии, Нкрума в Гане, Джаган в Британской Гвиане, Сианук в Камбодже... – все они, настаивал Дядя Сэм, должны однозначно занять сторону «свободного мира» или ответить за последствия отказа. Случай отказа от неприсоединения Нкрума (Nkrumah) описал следующим образом:

«Суть эксперимента, который мы предприняли в Гане, состоял в том, чтобы развивать страну, сотрудничая со всем миром как единым целым. Неприсоединение означало именно то, что и должно означать это слово. По сравнению с правительствами старых колониальных держав мы не были враждебны странам социалистического мира. Следует напомнить, что в то время как у себя дома британская метрополия следовала курсу сосуществования с Советским Союзом, британским колониальным территориям никогда это не позволялось делать. Книжки по социализму, которые публиковались и находились в свободном доступе в Великобритании, были запрещены в британской колониальной империи, и после того как Гана стала независимой, за границей предполагали, что страна продолжит следовать тем же самым сдерживающим идеологическим методам. Когда же мы повели себя так же, как и британцы в отношениях с социалистическими странами, нас обвинили в том, что ведем просоветский курс и несем самые опасные идеи в Африку» [18].

Это напоминает о событиях Американского юга XIX столетия, когда множество жителей южных штатов были обижены до глубины души, что такое большое количество их темнокожих рабов сбежало в ходе гражданской войны на сторону северян. Они действительно полагали, что черные должны были быть благодарны за все то, что их белые хозяева сделали для них, и что они были счастливы и довольны своей судьбой. Знаменитый хирург и психолог из штата Луизиана доктор Сэмюэль А. Картрайт (Samuel A. Cartwright) вполне серьезно утверждал, что многие рабы пострадали от формы психического заболевания, которое он назвал «драпетомания», симптомом чего было не поддающееся контролю стремление сбежать из рабства. Во второй половине XX века эта болезнь в странах третьего мира обычно называлась «коммунизмом».

Возможно, наиболее укоренившимся антикоммунистическим предрассудком стала убежденность в том, что Советский Союз (или Куба, или Вьетнам и т. д., действующие как суррогат Москвы) – это тайная сила, скрывающаяся за фасадом самоопределения, но имеющая целью разбудить гидру революции или просто устроить беспорядок – здесь и там, везде, где только можно; еще одно воплощение, правда, в намного большем масштабе, пресловутого «внешнего врага», который регулярно появляется на протяжении всей истории. Король Георг обвинял французов в подстрекательстве американских колоний к восстанию; разочарованные американские землевладельцы и ветераны боевых действий, протестующие против своего тягостного экономического положения после революции (восстание Шейса), клейми-

лись как британские агенты, стремящиеся разрушить новую республику; трудовые забастовки в конце XIX века в Америке являлись рукой «анархистов» и «иноземцев», во время Первой мировой войны – «немецких агентов», после войны – «большевиков».

А в 1960-х американская «Национальная комиссия по причинам и предотвращению насилия» заявила, что Джон Эдгар Гувер (J. Edgar Hoover) «смог навязать полиции убеждение, что массовые протесты любого вида являются следствием распространения тайных заговоров агитаторами, обычно коммунистами, «которые дезориентируют думающих иначе людей» [19].

Последняя ключевая мысль, которая раскрывает сущность конспирологического менталитета людей, пребывающих во власти, – это идея о том, что никакой народ, за исключением того, кто живет под властью врага, не может быть столь несчастным и недовольным, чтобы прибегать к революции или массовым протестам; это – исключительно агитация внешних сил, которые сбивают всех с истинного пути.

Таким образом, если бы Рональд Рейган допустил, что у народа Сальвадора есть серьезные основания для протестов против своего ужасного существования, это поставило бы под вопрос его обвинения Советского Союза (и только его ли?) в том, что именно он со своими кубинскими и никарагуанскими союзниками является главным, кто подстрекает сальвадорцев: мол, это везде – магическая сила коммунистов, которая легким движением «красной руки» превращает мирных, счастливых людей в яростных партизан. И это поставило бы под вопрос и целесообразность американского вмешательства. ЦРУ прекрасно известно, насколько это сложный трюк. ЦРУ, как мы увидим, пыталось поднять массовые восстания в Китае, на Кубе, в Советском Союзе, Албании и всюду в Восточной Европе без единого шанса на успех. Сотрудники Управления возложили вину за эти неудачи на «закрытый» характер обществ, вовлеченных в эти события. Но в некоммунистических странах ЦРУ вынуждено было прибегать к военным переворотам или иным уловкам, чтобы поставить у руля своих людей. ЦРУ ни разу не смогло разжечь пламя народной революции.

Если уж считать благом вмешательство Вашингтона в революционные процессы третьего мира, то имеет смысл задать вопрос: почему Соединенным Штатам, если они обязательно должны вмешиваться, не стать на сторону восставших? Это могло бы не только послужить во благо прав человека и справедливости, но и позволило бы перехватить инициативу у Советского Союза. Не будет ли это лучшим способом разрушить мировой коммунистический заговор? Но это – вопрос, который не осмеливались озвучивать в Овальном кабинете, вопрос, который имеет отношение ко многим историям в этой книге.

Вместо этого Соединенные Штаты по-прежнему остаются верными политике установления и/или поддержки самой отвратительной тирании в мире, с ее бесчинствами против своих собственных граждан, с которыми мы сталкиваемся ежедневно на страницах наших газет: зверская резня; систематические изощренные пытки; публичные порки; солдаты и полицейские, стреляющие в толпу; правительственная поддержка эскадронов смерти; десятки тысяч пропавших без вести людей; экономическая разруха... Все это стандартный «стиль жизни» практически всех союзников Америки – от Гватемалы, Чили и Сальвадора до Турции, Пакистана и Индонезии. Зато все они денно и ночью готовы к «священной войне против коммунизма», все они – страны «свободного мира», мира, о котором мы слышим так много, а видим так мало.

Нарушения гражданских свобод, имеющие место в коммунистическом блоке, при всей их серьезности бледнеют по сравнению с замороженными освенцимами «свободного мира»; эти нарушения не имеют никакого отношения и не идут ни в какое сравнение с разного рода американскими вмешательствами, совершаемыми якобы ради высшего блага. И только странный интеллектуальный ландшафт, заселенный закоренелыми антикоммунистами, считает по-другому.

Интересно отметить, что как для американских лидеров уже стало привычным говорить о свободе и демократии, поддерживая разного рода диктатуры, так и советские лидеры говорят

о национально-освободительных войнах, антиимпериализме и антиколониализме, при этом на практике они делают слишком мало в подтверждение этих слов, что бы там по этому поводу ни говорила американская пропаганда. Советский Союз считал себя лидером стран третьего мира, но оставался безучастным зрителем, ограничиваясь лишь недовольным ворчанием, когда прогрессивные движения или даже коммунистические партии в Греции, Гватемале, Британской Гвиане, Чили, Индонезии, на Филиппинах и в других странах терпели поражение из-за натиска американцев.

В начале 1950-х годов Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США спровоцировало несколько военных вторжений в коммунистический Китай. В 1960 году самолеты ЦРУ безо всякого повода бомбили суверенное государство Гватемала. В 1973 году Управление инспирировало кровавое восстание против правительства Ирака. В американских средствах массовой информации и, соответственно, в мыслях американцев этих событий вообще не было.

Фраза «мы не знали, что происходило» стала клише для высмеивания тех немцев, которые утверждали, что не ведали о событиях, совершаемых при нацистах. Был ли действительно их дежурный ответ так неправдоподобен, как нам кажется? По трезвому размышлению следует отметить, что в нашу эру скоростных глобальных коммуникаций Соединенным Штатам во многих случаях удавалось развернуть ограниченные или крупномасштабные военные операции, предпринять другие, не менее вопиющие формы агрессии без ведома американской общественности – люди узнавали о них только несколько лет спустя, если узнавали вообще. Часто единственное упоминание о событии или участии США исходило от коммунистических правительств – тип новостей, которые американский народ приучили отмечать без обсуждения, а прессу – не развивать; точно так же немецкий народ учили, что новости из-за границы о нацистских преступлениях были не более чем коммунистической пропагандой.

За редким исключением случаи агрессии никогда не становились заголовками газет или темами вечерних теленовостей. Некоторые кусочки истории всплывали тут и там, но редко объединялись в единое целое, чтобы сформировать связную и ясную картину происходящего. Подробности обычно появляются спустя долгое время после события, спокойно похороненного среди других историй, столь же беспечно забытых. Лишь иногда они вырывались на передний план, когда это диктовалось чрезвычайными обстоятельствами: например, захват в заложники сотрудников американского посольства и других граждан США иранцами в Тегеране в 1979 году вызвал массу статей о роли Соединенных Штатов в свержении иранского правительства в 1953 году. Редакторов изданий как будто подвели к мысли: «Послушайте, что же мы такого наделали в Иране, что заставило их всех так нас ненавидеть?».

И хотя в недавнем прошлом Америки было много таких «иранов», но поскольку они не привлекли внимания «Нью-Йорк дейли» или «Лос-Анджелес таймс», не брали за шиворот американцев и не тыкали их лицом в происходящее, а N BC не связывало все это в реальную картину реальных людей для своей аудитории, – эти столкновения не стали событиями для большинства американцев, и они могут честно сказать: «Мы не знали, что происходило».

Бывший китайский премьер-министр Чжоу Эньдай (Chou En-lai) однажды подметил: «Одна из удивительных особенностей американцев – это то, что у них нет абсолютно никакой исторической памяти».

Дело, возможно, обстоит еще хуже, чем он себе представлял. Во время несчастного случая на АЭС «Три-Майл-Айленд» в Пенсильвании в 1979 году японский журналист Ацуо Канеко (Atsuo Kaneko) из японской информационной службы Киото провел несколько часов, интервьюируя людей, временно размещенных на хоккейном поле; в основном это были дети, беременные женщины и молодые матери. Он обнаружил, что никто из них не слышал о Хиросиме. Упоминание этого слова упиралось в стену непонимания [20].

Также в 1982 году судья в Окленде, штат Калифорния, сказал, что был потрясен, когда опросил приблизительно 50 будущих присяжных заседателей для суда по делу об убийстве и «никто из них не знал, кто такой Гитлер» [21].

Для внешнеполитической олигархии в Вашингтоне это больше, чем естественно. Это – неперемненное условие.

Отчеты об американском вмешательстве были столь засекречены, что в 1975 году, когда исследовательской службе библиотеки Конгресса (Congressional Research Service) поручили провести исследование всех тайных на тот момент действий ЦРУ, она смогла отыскать только очень незначительную часть заграничных инцидентов, представленных в данной книге за тот же самый период [22].

Вся эта информация, которая прорвалась в массовое сознание или в школьные тексты, энциклопедии и другие стандартные справочные издания, вполне могла быть подвергнута строгой цензуре в Соединенных Штатах.

Читателю предлагается ознакомиться с соответствующими разделами в трех основных энциклопедиях страны: «Американской» (Americana), «Британники» (Britannica) и «Кольера» (Colliers). Образ энциклопедии в качестве конечного хранителя объективных знаний терпит фиаско. Непризнание такими уважаемыми изданиями американских интервенций происходит оттого, что они позаимствовали схожий с документами Пентагона критерий, что вполне соответствует стилю Вашингтонских чиновников. «Нью-Йорк таймс» обобщила это очень интересное явление таким образом:

«Тайные операции против Северного Вьетнама, например, не видны... как и нарушение Женевских соглашений 1954 года, завершивших колониальную войну Франции в Индокитае, или как противоречащая публичным заявлениям государственная политика различных министерств и ведомств. Тайные операции, в силу их засекреченности, не существуют – с позиции международных договоров и общественного мнения страны. Далее, секретные обязательства перед другими странами вовсе не рассматриваются как нарушение компетенции заключения международных договоров Сенатом, ибо эти обязательства публично не признаны» [23].

Фактическая цензура, которая оставляет так много американцев по-настоящему непросвещенными в истории иностранных дел США, может быть еще более эффективной, потому что она не является чересчур официальной, сложной или конспирологической, так как она бесхитростно вплетается в ткань образования и СМИ. Не нужно никакого заговора. Редакторам «Сборника новостей» (Reader's Digest) и «Американских новостей и мировых сводок» (U. S. News & World Report) нет необходимости тайно встречаться с представителями «Эн-би-си» (NBC) на конспиративной квартире ФБР, чтобы запланировать сюжеты и программы следующего месяца. Истина заключается в том, что эти люди не достигли бы занимаемых ими должностей, если бы они сами не прошли по тем же туннелям закамуфлированной истории, выходя оттуда с избирательной памятью и общепринятым мнением.

«Переворот в Китае – это революция, вызванная, если проанализировать, теми же причинами, что и британская, французская и американская революции» [24]. Это – космополитическое и великодушное мнение Дина Раска (Dean Rusk), тогда еще заместителя госсекретаря по дальневосточным делам, позже госсекретаря США. Когда мистер Раск говорил это в 1950 году, другие члены его правительства активно участвовали в заговоре с целью свержения китайского революционного правительства.

Это было обычным явлением. Во многих случаях, описанных далее в этой книге, можно найти высказывания Вашингтонских чиновников высшего и среднего звена, которые ставят под вопрос политику вмешательства, выражают дурные предчувствия, основанные или на прин-

ципах (иногда показывая лучшие стороны американского либерализма), или на озабоченности, что вмешательство не послужит достижению достойной цели, а то и вовсе приведет к катастрофе. Я придавал мало значения таким расходящимся во мнениях заявлениям; также, в конечном счете, делали и те, кто принимал решения в Вашингтоне, которые в острой мировой обстановке разыгрывали антикоммунистические карты. Представляя в книге вмешательства США, я заявляю, что американская внешняя политика является именно тем, что она делает.

В 1993 году я столкнулся с обзором книги о людях, отрицающих реальность холокоста. Я написал автору, профессору из университета, что ее книга заставила меня задаться вопросом, знала ли она о существовании холокоста, совершенного Америкой, и что его отрицание превосходит по силе отрицание нацистского холокоста. Опровержение американского холокоста настолько широко и глубоко, что люди, отрицающие его, даже не знают о существовании несогласных с ними или их аргументах. Между тем несколько миллионов человек погибли в результате американского холокоста, еще больше были обречены жить в нищете и муках в результате американских вмешательств, начиная от Китая и Греции в 1940-х до Афганистана и Ирака в 1990-х. Я приложил список этих вмешательств, которые, конечно же, являются главной темой этой книги.

В своем письме я также предложил обменяться экземплярами наших книг, но она написала мне, что не хочет этого делать. И это было все, что она сказала. Она не прокомментировала остальную часть письма, касающуюся отрицания американского холокоста, как бы не обратив внимания, что я поднял этот вопрос. Ирония отрицания ученым нацистского холокоста и участие в подобном опровержении американского холокоста достаточно показательны. Меня озадачило, почему хороший ученый не соизволил ответить вовсе.

Ясно, что если мои тезисы не удостоились ответа от научного человека, то в других кругах я и мои тезисы столкнулись с крутым противодействием. В 1930-х, а затем снова после войны в 1940—1950-х, антикоммунисты различных мастей в Соединенных Штатах изо всех сил старались разоблачить преступления Советского Союза, такие как массовые убийства и репрессии. Но произошла странная вещь. Истина, казалось, не имела значения. Американские коммунисты и сочувствующие продолжали поддерживать Кремль. Даже допуская преувеличение и дезинформацию, регулярно оплачиваемую антикоммунистами и вредящую их репутации, продолжительное игнорирование и/или отрицание такой ситуации американскими «левыми» просто достойны уважения.

К концу Второй мировой войны, когда победоносные союзники обнаружили немецкие концентрационные лагеря, в некоторых случаях немецких граждан из близлежащих городов привозили туда, заставляя встретиться лицом к лицу с этим учреждением, с горами трупов и все еще живыми скелетоподобными людьми; некоторые почтенные бюргеры даже были вынуждены хоронить мертвых. Каков был бы удар по американской психике, если бы заставить истинно верующих и отрицающих эти события людей посмотреть на последствия прошедшего полувека американской внешней политики? Что если бы все эти милые, аккуратные и подтянутые, здоровые американские парни, которые сбрасывали бесконечный тоннаж бомб на дюжину разных стран, на людей, о которых они ничего не знали, – словно они персонажи видеоигры – увидели бы свои мишени и понюхали бы запах горячей плоти?

Стало общепринятым мнением, что упорная жесткая антикоммунистическая политика правительства Рейгана с ее изнуряющей гонкой вооружений привела к краху и изменению Советского Союза и его сателлитов. Американские книги по истории, возможно, уже начали высекать этот тезис в мраморе. Тори в Великобритании говорят, что Маргарет Тэтчер и ее жесткая политика также способствовали этому «чуду». Восточные немцы тоже верили в это. Когда Рональд Рейган посетил Восточный Берлин, люди приветствовали его и благодарили «за

его роль в освобождении Востока». Даже многие левые аналитики, в частности те, кто был причастен к заговору, верили в это.

Но эта точка зрения не является общепризнанной; так и не должно быть. Ведущий в течение длительного времени советский эксперт по Соединенным Штатам Георгий Арбатов, директор московского Института США и Канады, написал свои мемуары в 1992 году. В рецензии его книги для «Лос-Анджелес таймс» Роберт Шир (Robert Scheer) подвел частичный итог:

«Арбатов очень хорошо понимал недостатки советского тоталитаризма в сравнении с экономикой и политикой Запада. Из этой откровенной и детальной биографии становится ясно, что желание перемен исподволь развивалось внутри самых высших коридоров власти сразу же после смерти Сталина. Арбатов не только представляет существенные доказательства противоречивой точки зрения, что эти перемены произошли бы и без давления извне, он настаивает, что американское военное наращивание сил в течение срока правления Рейгана на самом деле препятствовало этому развитию» [25].

Джордж Ф. Кеннан (George F. Kennan) с этим согласен. Бывший американский посол в Советском Союзе и идейный отец теории «сдерживания» СССР утверждал, что «предположение, будто какая-либо администрация Соединенных Штатов имела возможность реально повлиять на курс колоссального внутреннего политического переворота в другой великой стране, на другом конце земного шара, – просто ребячество». Он настаивает, что чрезвычайная милитаризация американской политики укрепила позиции сторонников жесткого курса в Советском Союзе. «Таким образом, основной эффект экстремизма холодной войны заключался в том, что это скорее задерживало, чем ускоряло большие изменения, охватившие Советский Союз» [26].

Хотя, безусловно, затратная гонка вооружений нарушила устои советской гражданской экономики и общества еще больше, чем в Соединенных Штатах, так как она продолжалась на протяжении 40 лет – до прихода к власти Михаила Горбачева, но без малейшего намека на неминуемый крах. Близкий советник Горбачева – Александр Яковлев на вопрос, заставили ли Советский Союз более высокие военные расходы правительства Рейгана в совокупности с его риторикой об «империи зла» занять более сговорчивую позицию, ответил:

«Это не играло никакой роли. Никакой. Я могу сказать Вам это с полнейшей ответственностью. Горбачев и я были готовы к изменениям в нашей политике независимо оттого, был ли американским президентом Рейган, или Кеннеди, или кто-то еще более либеральный. Было ясно, что наши военные расходы огромны, и мы должны были их сократить» [27].

Понятно, что некоторые советские руководители не захотят признать, что они были вынуждены совершить революционные изменения из-за их злейшего врага, что они проиграли в холодной войне. Однако в этом вопросе мы не можем полагаться на мнение какого-либо одного конкретного человека, русского или американца. Мы просто должны взглянуть на исторические факты.

С конца 1940-х и приблизительно до середины 1960-х американской стратегической целью было спровоцировать крушение советского правительства и нескольких восточноевропейских режимов. Сотни российских эмигрантов организовывались, обучались и снаряжались ЦРУ, затем тайком отправлялись обратно на родину создавать шпионские сети, организовывать вооруженную политическую борьбу, совершать убийства и акты саботажа: крушения поездов, взрывы мостов, порчу военных предприятий и электростанций, и так далее. Советское правительство, задержавшее многих из этих людей, было, конечно, прекрасно осведомлено, кто за всем этим стоит.

Администрация Рейгана могла расценивать такую политику как одну из причин возможной капитуляции. Однако какими были плоды этой ультра-жесткой антикоммунистической политики? Регулярные серьезные конфронтации между Соединенными Штатами и Советским Союзом в Берлине, на Кубе и в других странах, советские вмешательства в Венгрии и Чехословакии, образование Варшавского договора (прямой ответ на создание НАТО), никакой гласности, никакой перестройки, только сеяние подозрительности, цинизма и враждебности с обеих сторон. Оказалось, что после всего этого русские остались людьми – они отвечали твердостью на твердость. И следствие: на протяжении многих лет прослеживалась прямая взаимосвязь между дружелюбным настроением в советско-американских отношениях и числом евреев, эмигрировавших из Советского Союза [28]. Мягкость породила мягкость.

Если и есть персоны, которым следует приписать изменения, произошедшие в Советском Союзе и Восточной Европе – как выгодные, так и сомнительные, – то это, конечно, Михаил Горбачев и люди, которых он вдохновил. Нужно помнить, что Рейган находился у власти более четырех лет, прежде чем Горбачев пришел к власти, а Тэтчер – в течение шести, но за это время ничего значительного на пути советских реформ не произошло, несмотря на неутраченную озлобленность Рейгана и Тэтчер к коммунистическому государству.

Часто выдвигается аргумент, что легко задним числом хулить американскую манию холодной войны ради национальной безопасности страны – со всей ее прогрессирующей паранойей и нелепостью, ее натовской надгосударственной военной могущественной силой, ее системами дальнего радиолокационного обнаружения и тренировками воздушных налетов, ее ядерными бункерами и самолетами-разведчиками U-2. Но после войны в Европе Советский Союз действительно выступил десятифутовым монстром, представляющим угрозу всему миру.

Этот аргумент разбивается вдребезги от единственного вопроса, который достаточно было задать: зачем СССР вторгаться в Западную Европу или бомбить Соединенные Штаты? Он явно ничего не выиграл бы такими действиями, разве что получил бы гарантированное разрушение своей страны, которая только начинала восстанавливаться после войны.

К 1980-м вопрос, который не осмелились задать, породил военный бюджет в 300 млрд долларов и программу «звездных войн».

На самом деле, в наличии имеются многочисленные внутренние документы государственного департамента, Министерства обороны и ЦРУ послевоенного периода, в которых политологи один за другим ясно дают понять свой серьезный скептицизм относительно «советской угрозы» – раскрывая существенные военные слабости русских и/или оспаривая их предполагаемые агрессивные намерения, – в то время как высокопоставленные лица, включая президента, публично озвучивали явно противоположные мнения [29].

Историк Роджер Моррис (Roger Morris), бывший член Совета национальной безопасности при президентах Джонсоне и Никсоне, описал это явление так:

«Творцы американской политики должны были делать свое дело «честнее, чем сама правда», и «вдалбливать в массовое сознание мнение правительства», как выразился госсекретарь Дин Ачесон (Dean Acheson)... Они это делали. Новое Центральное разведывательное управление начинает систематическое завышение советских военных расходов. Чудесным образом на американских правительственных диаграммах склеротическую советскую экономику заставляют жужжать и расти вверх. К конной армии Сталина – в комплекте с дрянным вооружением, разрушенными войной дорогами и лживой моралью – Пентагон добавляет фиктивные подразделения и затем вдобавок приписывает новым силам сценарии вторжения.

Американские деятели «преувеличили советские возможности и намерения до такой степени», говорится в последующем исследовании архивов, «что удивительно, кто вообще вос-

принимал их всерьез». Подпитываемые мрачными правительственными заявлениями и отражающимся общественным страхом, американская пресса и люди не видели в этом ничего странного [30].

Тем не менее, продолжают настаивать оппоненты, было много чиновников, занимавших высокие посты, которые просто и искренне не поняли советских сигналов. Советский Союз, говорили они, был очень деспотичным и закрытым обществом, особенно до смерти Сталина в 1953 году. Так, в 1983 году бывший консервативный член парламента Великобритании Энох Пауэлл (Enoch Powell) заметил:

«Международное недопонимание почти всегда полностью произвольно: международное недопонимание – это противоречие, ведь для того, чтобы что-то сознательно неправильно понять, нужно по крайней мере понимать, что нуждается в понимании... [Недопонимание Америкой Советского Союза] имело функцию поддержания мифа – мифа о Соединенных Штатах как «последней, лучшей надежде человечества». Святой Георгий и Дракон – жалкое зрелище без реального дракона, желательнее покрупнее и более чешуйчатого, в идеале извергающего из пасти пламя. Недопонимание Советской России стало незаменимо для самооценки американской нации: и она не была бы благосклонна к тем, кто попытался бы ее этого лишиться» [31].

Можно также приводить доводы в пользу того, что веру нацистов в большую опасность, исходящую от «международного еврейского заговора», следует рассматривать в первую очередь и только потом осуждать преступников холокоста.

И американцы, и немцы верили собственной пропаганде или делали вид, что верят. При чтении *Mein Kampf* поражает тот факт, что в значительной части то, что Гитлер писал о евреях, перекликается с тем, что американские антикоммунисты писали о коммунистах: они исходят из той предпосылки, что евреи (коммунисты) – это зло и хотят доминировать над миром; далее, любое поведение, которое, оказывается, противоречит этому, рассматривается как простая уловка для того, чтобы одурачивать людей и доводить свое дело до конца, такое поведение всегда является частью заговора, в который вовлечено множество людей. Гитлер приписывает евреям великую, практически мистическую силу манипулирования обществом и экономическими системами. Он обвиняет евреев в «бедах», связанных с промышленной революцией, – например, классовом расслоении и борьбе между ними. Он открыто осуждает евреев за интернационализм и отсутствие национального патриотизма.

Были, конечно, и такие «бойцы холодной войны», которые уверяли, что главный план мирового господства Кремля заключался в грубом вторжении в Западную Европу или сбрасывании бомб на Соединенные Штаты. Имелся и более тонкий, можно сказать, дьявольски умный план свержения: изнутри, страна за страной, через страны третьего мира, окружить и удушить «Первый Мир» – поистине международный коммунистический заговор, «заговор, – сказал сенатор Джозеф Маккарти (Joseph McCarthy), – в столь огромном масштабе, который затмит любое предыдущее такое предприятие в истории человечества».

Этому факту и уделяется основное внимание в данной книге: как Соединенные Штаты во всем мире боролись с этим заговором везде и когда угодно, как только он напоминал о себе.

Существовал ли международный коммунистический заговор на самом деле?

Если он действительно существовал, почему «бойцы холодной войны» ЦРУ и других правительственных учреждений должны были идти на такие невероятнейшие преувеличения? Если они по-настоящему верили в существование дьявольского, единого международного коммунистического заговора, с какой стати они должны были выдумывать так много о нем, чтобы убеждать американский народ, Конгресс и остальной мир в существовании этого зла? Зачем им нужно было закулисно руководить, устраивать ловушки, фабриковать доказательства, исто-

рии, подделывать документы? Страницы этой книги полны многочисленных примеров антикоммунистических речей американского правительства и выдумок СМ И о «советской угрозе», «китайской угрозе» и «кубинской угрозе». И все время нас пугали этими историями: в 1950-х было «отставание в бомбардировочной авиации» между США и Советским Союзом, а также «отставание гражданской обороны». Затем возникло «отставание по ракетам», за которым последовало «отставание по антибаллистическим ракетам (ПРО)». В 1980-х было «отставание в расходах». И наконец, «отставание лазерных технологий». И все это было ложью.

Теперь нам известно, что ЦРУ при Рональде Рейгане и Уильяме Кейси регулярно «политизировало оценки разведки», чтобы поддержать антисоветскую направленность администрации, и скрывало отчеты даже собственных аналитиков, которые противоречили этому курсу. Мы теперь знаем, что ЦРУ и Пентагон регулярно переоценивали экономическую и военную мощь Советского Союза, а также преувеличивали масштабы советских ядерных испытаний и количество совершенных «нарушений» по существующим договорам об их запрете, в которых Вашингтон тогда обвинял русских [32]. Делалось все, чтобы показать врага более крупным и более подлым, – с тем чтобы увеличить бюджет военных расходов, обеспечить безопасность и обосновать необходимость работы «бойцов холодной войны».

Время после холодной войны, время «нового мирового порядка» – счастливое время для военно-промышленного и разведывательного комплекса и его глобальных партнеров по преступлениям – Всемирного банка и МВФ. Они распоряжаются Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА) и Всемирной торговой организацией. Они диктуют экономическое, политическое и социальное развитие во всех странах третьего мира и Восточной Европы. Реакция Москвы на события нигде больше не играет сдерживающей роли. «Кодекс поведения транснациональных корпораций» ООН, находившийся в процессе создания 15 лет, мертв. Все, что подвластно взгляду, приведено в беспорядок и приватизировано. Капитал бродит по земному шару с такой свободой, которой он не обладал до Первой мировой войны, избавленный от сил трения и тяготения. Весь мир стал безопасным для транснациональных корпораций [33].

Но значит ли это, что жизнь масс стала лучше, чем была при холодной войне? Оказалась ли больше забота о простом народе с тех пор, как этот вопрос встал на повестку дня много веков назад? «Безусловно», говорит Капитал, предлагая другую подготовленную теорию «просачивания благ сверху вниз», принцип которой заключается в том, что бедные должны существовать благодаря крошкам, упавшим со стола богачей, и чем больше блюдо будет подано богачам, тем больше перепадет бедным для их существования.

Сыны Капитала так же фыркают от смеха в свои бокалы мартини по поводу смерти социализма. Это слово вовсе исключили из светских бесед. И они надеются, что никто не заметит, что каждый социалистический эксперимент любой значимости в XX веке – без исключений – был сокрушен, свергнут, извращен, ниспровергнут или дестабилизирован благодаря Соединенным Штатам. Ни одному социалистическому правительству или движению – от российской революции до сандинистов в Никарагуа, от коммунистического Китая до Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти в Сальвадоре – не было позволено возвыситься или пасть благодаря исключительно собственным заслугам; ни одно из них не оставалось достаточно защищенным, чтобы иметь возможность изгнать войска всемогущего внешнего врага и свободно, спокойно управлять своей страной.

Это как если бы первые эксперименты братьев Райт с летательными аппаратами провалились из-за того, что в интересах автомобильной промышленности саботировался бы каждый их испытательный полет. А затем добрые и богобоязненные люди мира посмотрели бы на это, сделали выводы из случившегося, с умным видом коллективно склонили головы и торжественно произнесли: человек никогда не сможет летать.

1. Китай, 1945–1960

Был ли Мао Цзэдун параноиком?

На протяжении четырех лет многие американцы – как политики, так и простые граждане – старались на афишировать свою убежденность в том, что Вторая мировая война была «войной ошибочной и велась она не с теми врагами». Они считали, что единственным подлинным противником исторического курса Америки был коммунизм. Не тем ли объясняется тот факт, что Гитлера игнорировали, терпели, умиротворяли и помогали ему, для того чтобы нацистская военная машина повернула на Восток и стерла большевизм с лица земли раз и навсегда? К несчастью, оказалось, что Адольф Гитлер страдал манией величия и двинул свои полчища также и на Запад.

Но война закончилась, и у этих американцев теперь нашлись дела в каждом уголке мира. Не успели высохнуть чернила на акте капитуляции Японии, как Соединенные Штаты начали использовать японских солдат, все еще находившихся в Китае, наряду с американскими войсками в совместной борьбе против китайского коммунизма. (На Филиппинах и в Греции, как мы увидим далее, США даже не дожидались окончания войны, чтобы использовать результаты победы над Японией и Германией для своего антикоммунистического крестового похода.)

Китайские коммунисты тесно сотрудничали с американскими военными во время войны, предоставляя им важные разведданные о японских оккупационных войсках, спасая и ухаживая за сбитыми американскими летчиками [1]. Но для американцев это не имело значения. Генералиссимус Чан Кайши стал человеком Вашингтона. Он возглавлял орган, считавшийся центральным правительством Китая. По оценкам Управления стратегических служб (УСС, предшественник ЦРУ), основная часть военных усилий Чан Кайши была направлена скорее против коммунистов, нежели против японцев. Чан Кайши также приложил все усилия, чтобы не допустить сотрудничества между красными и американцами. На том этапе его армия состояла из японских частей, а его административный аппарат был полон чиновников, запятнавших себя сотрудничеством с прояпонским марионеточным китайским правительством [2]. Однако для США все это не имело никакого значения. Генералиссимус был антикоммунистом до мозга костей. Более того, он был прирожденным американским клиентом. Поэтому его войска следовало должным образом обучить и оснастить для битвы против Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая.

Президент Трумэн довольно откровенно назвал это «использованием японцев для сдерживания коммунизма»:

«Нам было совершенно ясно, что если мы заставим японцев немедленно сложить оружие и выйти к побережью, вся страна будет захвачена коммунистами. Поэтому мы вынуждены были сделать этот необычный шаг – использовать вражеские гарнизоны до тех пор, пока мы не сможем перебросить по воздуху части вооруженных сил Китая под командованием Чан Кайши в Южный Китай и отправить морскую пехоту для защиты морских портов» [3].

Развертывание частей морской пехоты США имело незамедлительные и впечатляющие результаты. Если спустя две недели после окончания войны Пекин был окружен войсками коммунистов, то появление американской морской пехоты в городе воспрепятствовало взятию города красными [4]. И пока части Мао занимали пригороды Шанхая, американские транспортные самолеты перебрасывали войска Чан Кайши для захвата города [5].

В борьбе за то, чтобы взять под контроль ключевые центры и порты раньше коммунистов, США перебросили по морю и по воздуху от 400 до 500 тысяч солдат армии Чан Кайши со всех бескрайних просторов Китая и Маньчжурии в места, куда они никогда бы не добрались без американской помощи.

Поскольку гражданская война набирала обороты, 50 тысяч морских пехотинцев были поставлены Трумэном на охрану железнодорожных путей, угольных шахт, портов, мостов и других стратегических объектов. Они неизбежно оказывались вовлеченными в боевые столкновения, и потери исчислялись десятками, а то и сотнями. Американские войска, по свидетельствам коммунистов, нападали на территории, контролируемые красными, открывали по ним огонь, арестовывали офицеров и разоружали солдат [6]. Американцы безжалостно уничтожили небольшую китайскую деревню, писал морской пехотинец конгрессмену своего штата: никого не интересовало, «сколько невинных людей было убито» [7].

Самолеты ВВС США регулярно совершали разведывательные полеты над территориями коммун истов для разведки расположения их сил. Коммунисты утверждали, что американские самолеты часто атаковали и бомбили их войска и в одном из случаев обстреляли из пулеметов удерживаемый коммунистами город [8]. Степень вовлеченности летчиков ВВС США в эти воздушные операции доподлинно неизвестна.

Впрочем, после многочисленных крушений американских самолетов находились и выжившие. Удивительно, но красные продолжали спасать сбитых американских летчиков, лечить их и возвращать на американские базы. Сейчас в это трудно поверить, но в то время загадочное обаяние и миф об Америке все еще владел воображением многих людей во всем мире; китайские крестьяне, будь они коммунистами или нет, не были исключением. Во время войны красные помогли спасти множество американских летчиков и перебросить их через занятые японцами районы в безопасные места. «Коммунисты, – писала газета «Нью-Йорк таймс», – не потеряли ни одного нашего летчика, взятого под их защиту. И для них было делом принципа не брать никаких наград за спасение американских летчиков» [9].

К началу 1946 года в Китае все еще находились приблизительно 100 000 американских военнослужащих, обеспечивающих поддержку Чан Кайши. США официально объясняло их присутствие необходимостью разоружения и репатриации японских войск. В конечном итоге данная задача была действительно выполнена, но она была вторичной политической задачей военных, как предельно четко объясняет Трумэн в процитированном выше заявлении.

Среди американских солдат в Китае поднялась волна протестов, вызванная задержкой их отправки домой. Недовольство было подхвачено по всему миру другими военнослужащими США, остававшимися за рубежом по политическим (обычно антикоммунистическим) мотивам, которые преследовала американская администрация. «Солдаты спрашивают у меня, почему они все еще здесь, – рассказывал лейтенант морской пехоты в Китае во время рождественских праздников в 1945 году. – Как офицер я должен им ответить, но невозможно объяснить человеку, что он здесь для того, чтобы разоружать японцев, в то время как он охраняет одну и ту же железную дорогу вместе с [вооруженными] японцами» [10].

Достаточно странно выглядела посредническая роль Соединенных Штатов в гражданской войне, учитывая, что они были активным и могущественным участником конфликта, занимающим одну из сторон. В январе 1946 года президент Трумэн, очевидно, понимая, что выбор стоял между компромиссом с коммунистами и попаданием всего Китая под их влияние, направил туда генерала Джорджа Маршалла с задачей добиться прекращения огня и договориться о создании некоего коалиционного правительства. Несмотря на то что в определенной степени удалось достичь договоренности о перемирии, в целом идея коалиционного правительства была обречена на такой же провал, как и гипотетический союз между царем и большевиками. Как выразился историк Д. Ф. Флеминг, «невозможно объединить умирающую олигархию с рождающейся революцией» [11].

Незадолго до начала 1947 года Соединенные Штаты начали частичный вывод войск, хотя помощь и поддержка правительства Чан Кайши продолжались в той или иной форме еще долгое время после этого. Приблизительно в это же самое время в боевых действиях начали принимать участие «летающие тигры» – легендарная американская эскадрилья под командова-

нием генерала Клэра Шэнно (Claire Chennault), которая уже сражалась на стороне китайцев против японцев как до мировой войны, так и во время нее. На этот раз Шэнно, бывший советник Чан Кайши по вопросам ВВС, «реанимировал» свою эскадрилью под названием САТ (Civil Air Transport), и вскоре ее «пилоты удачи» оказались в самом пекле сражений, выполняя бесконечные миссии по переброске грузов находящимся в осаде города националистам. Уклоняясь от артиллерийских обстрелов коммунистов, они доставляли продовольствие, боеприпасы и всевозможное снабжение и эвакуировали раненых [12]. Официально САТ была частной авиакомпанией, арендованной правительством Чан Кайши. Однако еще до окончания гражданской войны авиакомпания начала работать на ЦРУ и стала первым подразделением в растущей воздушной империи Управления, впоследствии сменив название на Air America.

К 1949 году помощь Соединенных Штатов националистам с начала войны составила почти два миллиарда долларов наличными и один миллиард военной техникой. США обучили и вооружили 39 дивизий Национальной революционной армии [13]. И, несмотря на все это, «государство» Чан Кайши разваливалось на куски. Этому способствовали не только атаки коммунистических противников Чан Кайши, но и враждебность китайского народа в целом к его тирании, его необоснованной жестокости, чрезмерной коррумпированности и упадку всей его бюрократической и социальной системы. И напротив, обширные районы, находившиеся под контролем коммунистов, были образцом честности, прогрессивности и справедливости. Целые дивизии генералиссимуса переходили на сторону коммунистов. Американские политические и военные лидеры не питали иллюзий на предмет сущности и форм правления Чан Кайши. Национальная революционная армия, по словам главы американской военной миссии в Китае генерала Дэвида Барра, находилась в руках «самого худшего в мире командования» [14].

Генералиссимус, его ближайшие сторонники и солдаты бежали на прибрежный остров Тайвань (Формоза). За два года до этого они подготовили свое прибытие туда, принудив жителей острова к покорности – учинив резню, унесшую 28 тысяч человеческих жизней [15]. До побега националистов на остров американское правительство даже не испытывало сомнений относительно того, что Тайвань был частью Китая. Позже в умах Вашингтонских политиков стало проскальзывать чувство неопределенности. Кризис был разрешен удивительно простым способом: США согласились с Чан Кайши в том, что наиболее подходящее решение в данной ситуации – это считать Тайвань не частью Китая, а исходить из того, что Тайвань и есть Китай. На том и порешили.

Сразу за последовавшим успехом коммунистов, ученый-китаевед Феликс Грин (Felix Green) отметил: «Американцы просто не могли поверить в то, что китайцы, несмотря на все их прогнившее руководство, могут отдать предпочтение коммунистическому правительству» [16]. Это можно было объяснить, с точки зрения американцев, лишь искусным заговором международного масштаба, у рычагов управления которого находился, как и следовало ожидать, Советский Союз. Доказательства такого заговора, однако, были неуловимы. Действительно, с тех пор как вера Сталина в построение «социализма в отдельно взятой стране» одержала верх над интернационализмом Троцкого 1920-х, позиция Чан Кайши казалась для русских ближе, чем позиция Мао; из Москвы Мао не раз советовали распустить его армию и присоединиться к правительству Чан Кайши [17]. Советскому Союзу, вынужденному в послевоенные годы решать тяжелейшие задачи по восстановлению своей собственной экономики, вовсе не улыбалась перспектива оказывать помощь самому крупному по численности населения государству мира в деле его восстановления. В 1947 году генерал Маршалл публично заявил, что не располагает никакими свидетельствами поддержки китайских коммунистов Советским Союзом [18].

Но отсутствие свидетельств поддержки со стороны СССР вовсе не рассеяло американский миф о том, что Америка «потеряла» Китай. Для создания мифа использовались такие тезисы, как «советская интервенция», «коммунисты в Госдепартаменте США», «трусы в Белом

доме», «глупость военных и дипломатов», «коммунистические обманщики и их соучастники в СМИ», «предательство повсюду»...

Администрация Трумэна, говорил сенатор Джозеф Маккарти с присущим ему «обаянием», состоит из «подхалимов и пустозвонов-либералов», защищавших «коммунистов и гомиков», которые и «продали Китай в атеистическое рабство» [19].

Однако же, кроме широкомасштабного вторжения в страну многочисленного контингента американских войск, трудно представить, что еще американское правительство могло предпринять, чтобы предотвратить падение Чан Кайши. Даже после того, как генералиссимус сбежал на Тайвань, США с упорством продолжали проводить против коммунистического правительства военные операции, несмотря на просьбу Чжоу Эньлая об оказании помощи и установлении дружественных отношений. Лидер красных не видел ни практического, ни идеологического препятствия для этого [20]. Вместо помощи Соединенные Штаты неоднократно замыслили физическое устранение Чжоу Эньлая [21].

К большому недовольству бирманского правительства множество солдат Гоминьдана нашли убежище в Северной Бирме после массового бегства 1949 года. Именно там ЦРУ взялось за реорганизацию этой «армии без государства» для дальнейшего противостояния и в начале 1950-х смогло организовать ряд различных по масштабу рейдов в Китай. Так, один из инцидентов произошел в апреле 1951 года. Несколько тысяч солдат, сопровождаемых американскими советниками, при материально-технической поддержке с воздуха американскими военно-транспортными самолетами С-46 и С-47 пересекли границу Китая в провинции Юньнань. Коммунистам понадобилось меньше недели на то, чтобы выбить их с территории страны. Потери нападавших оказались значительными и включали в себя нескольких советников ЦРУ. В ходе другого нападения, совершенного летом того же года, националистам удалось проникнуть на 65 миль в глубь Китая, где, по их словам, им удалось удерживать полосу территории протяженностью в сто миль.

Пока продолжались эти периодические пограничные конфликты, ЦРУ наращивало собственные силы: для помощи в строительстве и расширении взлетно-посадочных полос в Бирму прибыли американские инженеры, сюда передислоцировались свежие части из Тайваня, другие отряды вербовались из бирманских горных племен, эскадрильи ЦРУ использовались для тылового снабжения. Также к бирмано-китайской границе было переброшено огромное количество американской тяжелой военной техники. Личный состав и материальное обеспечение армии большей частью поступали через соседний Таиланд.

Вскоре численность армии достигла более чем 10 тысяч человек. К концу 1952 года Тайвань утверждал, что 41 тысяча солдат коммунистического Китая была убита и более 3000 ранены. Данные, вероятно всего, преувеличенные, но даже если они оказались бы правдивы, было очевидно, что пограничные конфликты не приведут к триумфальному возвращению Чан Кайши на материк. Это не было их единственной целью. На китайской границе шли две серьезные войны: в Корее и Вьетнаме. Соединенные Штаты надеялись вынудить китайцев передислоцировать свои войска и ресурсы подальше от этих областей. Новорожденная Китайская Народная Республика подвергалась тяжелому испытанию.

Между рейдами на территорию Китая китайские националисты находили время для частых стычек с бирманской армией, занимались бандитизмом, а некоторые становились опийными баронами «Золотого треугольника» – географической зоны на стыке границ Бирмы, Лаоса и Таиланда, которая была самым большим в мире источником опиума и героина. Пилоты ЦРУ развозили грузы повсюду, чтобы обеспечить лояльность тех в Таиланде, кто был важен для военной операции. Это делалось ради пользы их националистических сателлитов, возможно, даже ради заработка, и служило прикрытием для других, еще более незаконных действий.

Китайские националисты в Бирме продолжали изводить китайских коммунистов до 1961 года, а ЦРУ продолжало оказывать им военную поддержку. Однако с определенного момента Управление начало поэтапное свертывание своего прямого участия. Когда ЦРУ в ответ на неоднократные обращения бирманского правительства к Соединенным Штатам и Организации Объединенных Наций начало давить на китайских националистов, чтобы они покинули территорию Бирмы, Чан Кайши пригрозил обнародовать информацию о секретной поддержке, которую Управление оказывало его войскам там. На раннем этапе вмешательства ЦРУ питало надежду, что ему удастся спровоцировать коммунистических китайцев на вторжение в Бирму и таким образом вынудить нейтральных бирманцев искать спасения у Запада [22]. В январе 1961 года китайцы действительно атаковали Бирму, вместе с бирманцами направив свой удар на главную базу националистов. Это стало концом бирманской авантюры китайских националистов. Бирма в результате отказалась от помощи США и сблизилась с Пекином [23]. Впрочем, китайские националисты недолго сидели без работы. Вскоре они снова вернулись на службу ЦРУ – на сей раз для борьбы на стороне внушительной армии ЦРУ в Лаосе.

Бирма была не единственной стартовой площадкой для организованных ЦРУ нападений на Китай. Несколько островов в пределах примерно пяти миль от китайского побережья, в частности острова Кэмой и Мацу, использовались в качестве баз для подготовки скоротечных операций подразделений численностью не больше батальона, для спорадических бомбардировок и блокирования материковых портов. Примерно с начала 1953 года США оказывали на Чан Кайши «жесткое давление» с тем, чтобы он наращивал численность своих войск на островах, что должно было демонстрировать новую политику Вашингтона по «развязыванию его рук» [24].

Китайцы несколько раз принимали ответные меры, подвергая Кэмой обстрелу тяжелой артиллерией. Во время одного из обстрелов погибли два американских офицера. Перспектива назревающей войны вынудила Вашингтон задуматься и попросить Чан Кайши покинуть острова, но тот отказался. Часто выдвигаются предположения, что замыслом генералиссимуса было втянуть Соединенные Штаты именно в такую войну, которая бы содействовала его возвращению на материк [25].

Множество рейдов на территорию Китая проводилось с использованием небольших десантно-диверсионных подразделений в разведывательных и диверсионных целях. В ноябре 1952 года коммунистами был сбит самолет с двумя сотрудниками ЦРУ на борту. Джон Дауни (John Downey) и Ричард Фекто (Richard Fecteau), которые отвечали за переброску таких подразделений и их материальное обеспечение, были взяты в плен. Два года прошло, прежде чем Пекин объявил о пленении этих людей и вынесении в отношении их приговора. Государственный департамент нарушил собственную двухлетнюю тишину негодованием, утверждая, что эти двое мужчин были гражданскими сотрудниками министерства сухопутных войск США в Японии, которые считались без вести пропавшими при перелете из Кореи в Японию. «Соединенным Штатам неизвестно, как они попали в руки китайских коммунистов... длительное неправомерное удержание этих американских граждан представляет дополнительное доказательство, что китайский коммунистический режим игнорирует принятые нормы международных отношений» [26].

Фекто был освобожден в декабре 1971 года, незадолго до поездки президента Никсона в Китай. Дауни выпустили из заключения только в марте 1973 года, вскоре после того, как Никсон публично признался, что тот был сотрудником ЦРУ.

В 1954 году Пекин также обнародовал информацию о том, что в январе 1953 года над Китаем были сбиты одиннадцать американских летчиков, выполнявших задание, целью которого была «выброска с воздуха специальных агентов в Китай и Советский Союз». Эти люди оказались более удачливыми и были освобождены всего лишь через два с половиной года. По утверждению китайцев, 106 американских и тайваньских агентов, сброшенных с парашютами

на территорию Китая, были убиты, а еще 124 человека попали в плен в период между 1951 и 1954 годами. Хотя ЦРУ не могло похвастаться своими немногочисленными достижениями в области десантно-диверсионных операций, есть сведения, что Управление поддерживало эту программу по крайней мере до 1960 года [27].

Под руководством ЦРУ над территорией Китая исключительно с целями шпионажа было совершено множество других полетов, выполненных самолетами-разведчиками U-2 на больших высотах, беспилотными самолетами и другими воздушными аппаратами. Эти разведывательные полеты начались примерно в конце 1950-х и не прекращались до 1971 года, когда состоялся первый визит Генри Киссинджера в Пекин. Такие операции не обходились без инцидентов. Китайцами было сбито несколько самолетов U-2 и еще больше беспилотных летательных аппаратов – 19 в период между 1964 и 1969 годами. Китай регистрировал сотни «серьезных инцидентов», связанных с нарушением своего воздушного пространства, и по крайней мере в одном из случаев американский самолет пересек китайскую границу и сбил МиГ-17 [28].

Казалось, что никакие неудачи, никакое отсутствие результатов не могли удержать ЦРУ от поиска новых способов досаждать китайцам в течение десятилетия после их революции. Другим показательным примером стал Тибет. Пекинское правительство объявило Тибет частью Китая, как это делалось предыдущими властями Китая на протяжении более двух веков, хотя множество тибетцев продолжали считать себя автономными и независимыми. Соединенные Штаты ясно обозначали свою позицию во время войны:

«Правительство Соединенных Штатов принимает во внимание тот факт, что китайское правительство в течение длительного времени заявляло право на сюзеренитет над Тибетом и что китайская конституция относит Тибет к числу районов, составляющих территорию Китайской Республики. Эти притязания никогда не ставились правительством (США) под сомнение» [29].

После коммунистической революции официальные лица Вашингтона стали занимать более неопределенную позицию по данному вопросу. Однако действия США в отношении Тибета ничего не имели общего с соблюдением международного права.

В середине 1950-х ЦРУ начало вербовать диверсантов из числа тибетских беженцев и изгнанников из Тибета, проживающих в соседних с ним странах, таких как Индия и Непал. Среди них были представители личной гвардии далай-ламы, именуемые «грозными всадниками Хамбы», и прочие, кто уже участвовал в партизанской войне против правления Пекина и глубоких социальных перемен, вызванных революцией (крепостничество и натуральное рабство все еще были широко распространены на Тибете). Отобранных в диверсанты людей отправляли в Соединенные Штаты на заброшенную военную базу, расположенную высоко в горах Колорадо, высота которых приближалась по значению к высотам их гористой родины. Там, надежно скрытые от местных жителей, они обучались тонкостям диверсионных операций.

По завершении обучения каждая группа тибетцев перебрасывалась в Тайвань либо другую дружественную азиатскую страну для дальнейшего проникновения в Тибет или в другое место Китая, где она занималась диверсиями, минированием дорог, уничтожением линий связи и устройством засад против небольших подразделений коммунистов. Их действия осуществлялись при поддержке самолетов ЦРУ и в некоторых случаях под командованием контрактных наемников Управления. В северо-восточной Индии были построены крупные пункты обеспечения.

Подготовка диверсантов в Колорадо продолжалась и в 1960-х. Сколько сотен тибетцев прошли через курсы, вероятно, уже никогда не будет известно. Даже после того, как формальная программа их обучения закончилась, ЦРУ продолжало финансировать и снабжать тибетскую эмиграцию и поощрять их безнадежную мечту об освобождении родины.

В 1961 году до газеты «Нью-Йорк таймс» дошли слухи о центре подготовки в горах Колорадо, но она выполнила просьбу Пентагона не расследовать это дело дальше [30]. Дело было особенно скользким, поскольку в соответствии с уставными документами ЦРУ от 1947 года и их трактовкой Конгрессом США деятельность Управления внутри страны традиционно ограничивалась операциями по сбору информации.

Помимо того что Китай был истерзан внутренней войной, ему доставалось и от войны в Корее. Китайцы часто сообщали о многочисленных бомбардировках и обстрелах американскими самолетами наземных целей на китайской территории, в результате которых гибло гражданское население и уничтожались дома. Другим поводом для обсуждений была бактериологическая война.

Китайцы утверждали, что Соединенные Штаты, особенно в январе – марте 1952 года, сбросили с самолетов большое количество бактерий и насекомых, зараженных бактериями, над территориями Кореи и Северо-Восточного Китая. Они предоставили свидетельства 38 захваченных в плен американских летчиков, которые якобы управляли самолетами со смертельным грузом. Многие из них поведали подробные детали обо всей операции: о типах бомб и других сброшенных контейнерах, о видах насекомых и болезнях, носителями которых они являлись, и т. д. Вместе с тем были опубликованы фотографии предполагаемых бактериологических бомб и зараженных насекомых. Затем, в августе, был создан Международный научный комитет, состоявший из ученых Швеции, Франции, Великобритании, Италии, Бразилии и Советского Союза. После более чем двухмесячного расследования в Китае комитет представил отчет объемом около 600 страниц с множеством фотографий и следующее заключение:

«Народы Кореи и Китая действительно были целями бактериологических атак. Атаки выполнялись с использованием средств американских вооруженных сил, применявших большое разнообразие методов для реализации своих целей, некоторые из которых, похоже, были разработками, применявшимися японцами во время Второй мировой войны» [31].

Последнее упоминание относится к экспериментам с бактериологическим оружием, которые японцы проводили в Китае между 1940 и 1942 годами. В 1945 году Соединенные Штаты Америки взяли в плен японских ученых, ответственных за эту программу, и обеспечили им защиту от судебного преследования в обмен на предоставление технической информации об экспериментах американским ученым из Биологического научно-исследовательского центра сухопутных войск США в Форт-Детрике (Fort Detrick), штат Мериленд. Китайцы узнали об этом в ходе расследования, проведенного Международным научным комитетом [32].

Стоит отметить, что некоторые утверждения американских пилотов содержали так много технической и биологической информации и были так переполнены коммунистической риторикой об «империалистических, капиталистических поджигателях войны с Уолл-стрит» и т. п., что их личное авторство этих заявлений следует подвергать серьезному сомнению. Более того, как выяснилось позже, большинство летчиков давали показания лишь после того, как были подвергнуты физическому насилию [33].

Однако принимая во внимание то, что мы с тех пор узнали о применении американцами химического и биологического оружия, от претензий Китая просто так отмахнуться нельзя. В 1970 году «Нью-Йорк таймс», в частности, сообщила, что во время войны в Корее, когда американские войска были подавлены тактикой «человеческих волн», примененной китайцами, «армия США штудировала захваченные у нацистов документы по применению химического оружия и описывающие летальность действия нервнопаралитического газа зарина, несколько фунтов которого могут убить тысячи людей за считанные минуты. К середине пятидесятых годов в сухопутных войсках США производились тысячи галлонов зарина» [34].

На протяжении 1950-х и 1960-х сухопутные войска США и ЦРУ проводили многочисленные эксперименты с биологическими веществами на территории Соединенных Штатов. Приведем всего два примера. Есть убедительные свидетельства, что в 1955 году ЦРУ распылило бактерии коклюша в открытом воздухе во Флориде, что повлекло чрезвычайно резкое увеличение заболеваемости этой болезнью в штате [35]. В следующем году другое токсичное вещество было рассеяно на улицах и в туннелях Нью-Йорка [36].

В главе, посвященной Кубе, мы также узнаем, как ЦРУ вело химическую и биологическую войну против Фиделя Кастро.

В марте 1966 года госсекретарь Дин Риск (Dean Rusk) выступал перед членами комитета Конгресса США на тему американской политики в отношении Китая. Мистер Риск картинно удивлялся тому, что «периодически лидеры коммунистического Китая кажутся заикленными в своем убеждении, будто они находятся под угрозой и в окружении врагов». Он говорил о «воображаемом, почти патологическом убеждении Китая в том, что Соединенные Штаты и другие страны, расположенные вдоль его границ, ищут возможность вторгнуться в его материковую часть и уничтожить режим Пекина». Госсекретарь затем добавил:

«Насколько «страх» Пекина перед Соединенными Штатами искренен и насколько он искусственно культивирован для внутривнутриполитических целей, знают только сами лидеры коммунистического Китая. Однако я убежден, что их желание нейтрализовать наше влияние и деятельность в западной части Тихого океана и Юго-Восточной Азии мотивировано отнюдь не опасением, что мы представляем для них угрозу» [37].

2. Италия, 1947–1948

Свободные выборы в голливудском стиле

В январе 1948 года американский генеральный прокурор Том Кларк заявил: «Тем, кто не разделяет идеологию Соединенных Штатов Америки, нельзя позволить оставаться в этой стране» [1].

В марте министерство юстиции, руководимое Кларком, вынесло определение, что итальянцам, которые не согласны с идеологией Соединенных Штатов, не разрешат эмигрировать или даже посещать Америку.

Это был очередной тактический шаг в рамках массированной американской кампании, цель которой заключалась в том, чтобы не допустить итальянцев, не поддерживающих идеологию США, к формированию правительства Италии на выборах 1948 года.

Двумя годами ранее Итальянская коммунистическая партия (ИКП), одна из самых больших в мире, и Итальянская социалистическая партия (ИСП) совместно набрали больше голосов и получили большее количество мест на выборах учредительного собрания, чем христианские демократы. Но эти две левые партии выдвинули различных кандидатов, которым пришлось довольствоваться некоторыми министерскими постами в коалиционном правительстве, возглавляемом премьер-министром из Христианско-демократической партии. Результаты тем не менее были достаточно красноречивы, чтобы напугать американскую администрацию Трумана призраком Карла Маркса.

Для участия в выборах 1948 года, намеченных на 18 апреля, ИКП и ИСП объединились в Народно-демократический фронт (НДФ) и в феврале выиграли муниципальные выборы в Пескаре, получив голосов на 10 процентов больше по сравнению с результатами 1946 года. Христианские демократы такими успехами похвастаться не могли; перспектива того, что левые будут контролировать работу итальянского правительства, проявлялась ярче, чем когда-либо прежде. И тогда США решили применить самое мощное политическое и экономическое оружие против итальянского народа. Старое доброе ноу-хау янки, уловки пиар-агентств Мэдисон-авеню в искусстве воздействия на общественное мнение, избитая голливудская сентиментальщина – все средства были задействованы для того, чтобы оказать воздействие на «целевую аудиторию».

Внутренние проблемы Италии, такие как острая необходимость в проведении сельскохозяйственной и экономической реформ, отсутствие которых порождало резкое социальное расслоение общества, невозможно было решить за один день. Линия фронта проходила между «коммунизмом» и «демократией» (за которой пряталась идея «капитализма»).

Тот факт, что коммунисты были единственной и самой активной антифашистской силой, подвергавшейся безжалостному преследованию в Италии во время войны, просто игнорировался. Параллельно замалчивалось присутствие в правительстве христианских демократов 1948 года и среди других правых сил коллаборационистов, монархистов и совершенно нерформированных фашистов. Все было перевернуто. Теперь дело было в противостоянии коммунистической «диктатуры» против поклонников «свободы». В качестве примера: группа американских конгрессменов, побывав в Италии летом 1947 года, беспечливо заявила: «Страна переживает огромное внутреннее и внешнее давление на поворот «влево» и принятие тоталитарно-коллективистского национального строя» [2].

Чтобы подобные заявления выглядели правдоподобными, требовалось поместить привычную картину жизни в рамки противопоставления американского образа жизни советскому. Такой лицемерный оборот шокировал левых в Италии: они считали себя итальянцами, а не русскими или американцами.

В феврале 1948 года в Чехословакии некоммунистические министры бойкотировали работу правительства из-за спора о найме на работу в полицию; тогда коммунистическое руководство распустило коалиционный кабинет и взяло на себя все полномочия. Радиостанция «Голос Америки» неоднократно указывала на это событие как предупреждение итальянскому народу о судьбе, ожидающей их, если Италия «пойдет путем коммунизма» (этот аргумент антикоммунисты использовали в течение многих десятилетий после этих событий, как главный пример коммунистической двуличности). Однако, как оказалось, еще годом ранее итальянское христианско-демократическое правительство и правительство США договорились, узурпировав власть гораздо более вопиющим образом.

В январе 1947 года итальянский премьер-министр Альчиде де Гаспери (Alcide de Gasperi) по приглашению Соединенных Штатов посетил Вашингтон. Главной задачей визита премьера было добиться помощи для его разоренной войной страны. У американских чиновников, судя по всему, приоритеты были иными. Спустя три дня после возвращения в Италию де Гаспери неожиданно распустил свое правительство, в которое входили несколько коммунистов и социалистов. По сообщениям прессы, многие итальянцы полагали, что такой поступок де Гаспери был связан с его визитом в Америку, а его целью было сокращение левого, преимущественно коммунистического, влияния в правительстве. После двух недель всяческих задержек формирование центристского или правоцентристского правительства, которого добивался де Гаспери, оказалось неосуществимым; новый кабинет снова включал коммунистов и социалистов, хотя левые потеряли ключевые позиции, особенно в министерствах иностранных дел и финансов.

С того момента и до мая обещанные США кредиты были заморожены по не вполне понятным причинам; в мае представитель де Гаспери Иван Ломбардо (Ivan Lombardo) направился в Вашингтон с миссией возобновить запрос об оказании помощи. В течение этого периода итальянские левые несколько раз уверенно заявляли: помощь задерживают до тех пор, пока левых не выгонят из правительства. Газете «Нью-Йорк таймс» пришлось заметить, что «по прогнозам некоторых экспертов дальнейшие сдвиги «влево» в Италии замедлят процесс предоставления финансовой помощи». В тот день, когда Ломбардо прибыл в Вашингтон, де Гаспери снова распустил все свое правительство и предложил собрать новый кабинет министров без участия представителей левых – что и произошло. И в течение следующих нескольких месяцев чрезвычайно щедрая американская финансовая помощь потекла в Италию – вдобавок к отмене национального долга в 1 миллиард долларов [3].

В то же самое время Франция, которая также глубоко зависела от американской финансовой поддержки, сместила с постов всех своих коммунистических министров. В этом случае предлогом послужил отказ коммунистов поддержать премьер-министра Рамадье в вопросе заморозки зарплат. Несмотря на рациональное объяснение, изгнание коммунистов из правительства во Франции расценили как «неожиданность» и сочли «дерзким шагом»: широко распространилось мнение о том, что американские кредиты использовались или будут использоваться с целью вынудить Францию вступить в союз с США. Сам Рамадье сказал: «С каждым новым полученным кредитом частица независимости покидает нас» [4].

За месяц до выборов 1948 года журнал «Тайм» назвал возможную победу левых в выборах «преддверием катастрофы» [5].

«Эта опасность, – писал Уильям Колби, бывший директор ЦРУ, – привела к формированию Управления координации политики (Office of Policy Coordination), давшего ЦРУ полномочия предпринять секретные политические, пропагандистские и военные операции в первоочередном порядке» [6]. Но секретные операции, насколько известно, играют относительно незначительную роль в американской кампании по сокрушению итальянских левых. Действия в этом направлении проводились открыто и безо всякого смущения – настолько высокомерно, что назвать это можно было только чванством. Достижения Народно-демократического фронта

были сведены на нет с удивительной скоростью под влиянием грандиозной мобилизации ресурсов, включавшей следующие меры: [7]

- Масштабная кампания в США по рассылке писем американцами итальянского происхождения их родственникам и друзьям в Италии. Сначала эти письма писали индивидуально, собственными словами или руководствуясь «типовыми заготовками», взятыми из газет. Затем это переросло в серийную рассылку шаблонных, оплаченных отправителем писем, телеграмм, «просветительских буклетов» и плакатов, нуждающихся только в проставлении адреса и подписи. Также было разослано полмиллиона художественных открыток от группы, называющей себя Комитетом поддержки демократии в Италии, иллюстрирующих ужасную судьбу, которая ждет Италию, если они проголосуют за «диктатуру» или «иностранный диктатуру». В целом, приблизительно 10 миллионов почтовых отправлений были написаны и разосланы газетами, радиостанциями, церквями, Американским легионом, состоятельными людьми и т. д.; коммерческие рекламные объявления также стали включать предложения отправлять письма в Италию даже тем, кто не покупал товар. Все это происходило с публичного одобрения со стороны исполняющего обязанности госсекретаря и руководства почтово-телеграфного ведомства, которое учредило специальные «Полеты свободы», чтобы предать широкой огласке отправку почты в Италию.

Содержание писем состояло из сообщений следующего характера: «Победа коммунизма уничтожит Италию. Соединенные Штаты перестанут оказывать помощь, и дальнейшие события могут закончиться мировой войной»; «Мы просим Вас не отдавать нашу прекрасную Италию в руки жестокого коммунистического деспота. Америка ничего не имеет против коммунизма в России [именно так!], но зачем навязывать его другим людям, другим землям, таким образом гася факел свободы?»; «Если силы истинной демократии проиграют на итальянских выборах, американское правительство больше не будет оказывать финансовую помощь Италии и мы не будем больше отправлять деньги Вам, нашим родственникам».

Эти фальсификации были еще не самыми изощренными среди прочих сообщений. Другими затрагиваемыми темами были доминирование советской России над Италией, уничтожение религии и церкви, разрушение семейных ценностей, потеря жилья и земли.

В одной беседе опытный журналист Говард К. Смит отметил: «Для итальянского крестьянина пришедшая издалека телеграмма – поразительная вещь; и уж тем более сложно не обратить внимания на телеграмму, пришедшую из «рая земного» – Америки».

Письма с угрозами о прекращении отправки пожертвований воспринимались одинаково устрашающе. «Такие письма, – писал христианско-демократический представитель в итальянской газете, – словно молнии, ударили по домам в деревнях южной Италии и Сицилии». Опрос 1949 года показал: 16 процентов итальянцев утверждали, что у них есть родственники в Соединенных Штатах, с которыми они поддерживают связь; очевидно, что эта цифра включала в себя и друзей, находившихся в США.

- Государственный департамент усилил предупреждения в письмах заявлением о том, что «в случае победы коммунистов... продолжение каких-либо разговоров об оказании помощи со стороны США невозможно». Итальянские левые были вынуждены постоянно убеждать избирателей, что этого на самом деле не случится; это, в свою очередь, вдохновило американских чиновников, включая госсекретаря Джорджа Маршалла, все чаще озвучивать угрозу. (В 1953 году Маршалл был награжден Нобелевской премией мира.)

- Государственный департамент США поддерживал ежедневную серию прямых радиозэфиров на коротких волнах в Италии с участием именитых американцев. (По подсчетам госдепа, в Италии с 1946 года насчитывалось 1,2 миллиона коротковолновых приемников.) Министр юстиции США в эфире уверял итальянский народ, что парламентские выборы являются «выбором между демократией и коммунизмом, между Богом и безбожием, между порядком и хаосом». Уильям Донован, руководитель Управления стратегических служб (УСС,

предшественник ЦРУ) в период Второй мировой войны, предупреждал, что «под властью коммунистической диктатуры в Италии» многие «национальные промышленные предприятия будут закрыты, оборудование демонтировано и отправлено в Советский Союз, такая же участь ждет и миллионы итальянских рабочих, которые будут высланы туда для принудительного труда». Если и этого было недостаточно, чтобы произвести впечатление на итальянских слушателей, то к микрофону в большом количестве приглашались никому не известные беженцы из Восточной Европы, которые с большим энтузиазмом пересказывали кошмарные истории, якобы случившиеся за «железным занавесом».

- Некоторые коммерческие радиостанции транслировали на территории Италии специальные церковные службы, проходившие в американских католических церквях, где молились за благополучие Папы Римского в «этот наиболее трудный для него час». На одной радиостанции в течение всей недели сотни «итальянских американцев» из всех слоев общества транслировали на Италию одноминутные сообщения при помощи коротковолнового передатчика. Радиостанция WOV в Нью-Йорке пригласила невест итальянских военных, чтобы записать на пленку личные сообщения своим семьям с просьбой о возвращении домой. Затем эти сообщения были отправлены почтой в Италию.

- Радиостанции «Голос Америки» резко увеличила количество ежедневных эфиров на территории Италии, на первый план которых выносились новости об американской помощи или иных дружеских жестах в адрес Италии. Целый небосклон звезд шоу-бизнеса, включая Фрэнка Синатру и Гари Купера, принял участие в записи ряда радиопередач, задуманных с целью заполучить новых союзников и повлиять на ход голосования в Италии. В эфир вышло пять передач с итало-американскими домохозяйками. Также в эфир приглашались американцы итальянского происхождения, которые ранее придерживались левых взглядов. Лидер профсоюза Луиджи Антонини призывал итальянцев «сокрушить московскую пятую колонну», представители которой «следуют приказам свирепых московских тиранов», в противном случае Италия станет «вражеской тоталитарной страной».

В ответ на обвинения итальянских коммунистов в адрес США в связи с ограничениями в правах негров, радиостанция «Голос Америки» передала в эфир историю негритянской пары, которая нажила состояние на переработке отходов и построила больницу для «своих» людей в Оклахома-Сити (стоит отметить, что в 1948 году американские негры еще не достигли социального статуса граждан даже второго сорта).

- Итальянские радиостанции транслировали одночасовое шоу из Голливуда, записанное с целью сбора денег для сирот итальянских пилотов, которые погибли на войне.

- Американские чиновники в Италии широко распространяли листовки, расхваливающие экономическую помощь США, и организовывали выставки для малообеспеченных граждан. Американское информационное агентство осветило выставку под названием «Рабочий в Америке», а также широко использовало и распространяло документальные и художественные фильмы для восхваления американского образа жизни. Было подсчитано, что в период, непосредственно предшествующий выборам, более пяти миллионов итальянцев каждую неделю смотрели американские документальные фильмы. Голливудский художественный фильм 1939 года «Ниночка», высмеивающий жизнь в Советской России, выбрали как особенно эффективный. Его показывали повсюду среди рабочих, и коммунисты предприняли ряд решительных попыток, чтобы предотвратить широкие показы. После выборов прокоммунистические рабочие говорили: «Ниночка нас подвела».

- Министерство юстиции США официально заявило, что тем итальянцам, которые вступили в коммунистическую партию, будет отказано в возможности эмигрировать в Америку, о чем мечтало большое количество итальянцев. Госдепартамент США уведомил, что любому итальянцу, в отношении которого доподлинно известно, что он голосовал за коммунистов, не разрешат въезд в Америку, этот «рай на земле». В телеграмме Минюста, адресованной

одному нью-йоркскому политику, было сказано: «В соответствии с эмиграционным законодательством, голосование за коммунистов является основанием говорить о связи с коммунистической партией, а это, в свою очередь, ведет к выдворению из Соединенных Штатов Америки». Говорилось о необходимости всякий раз подчеркивать такие заявления государственных органов власти в направляемых в Италию письмах.

- Президент Трумэн обвинил Советский Союз в заговоре с целью порабощения Западной Европы и призвал к всеобщей военной подготовке в Соединенных Штатах, а также возобновлению срочной службы для предотвращения «грозящего коммунистического господства и установления полицейского государства». Во время кампании американские и британские военные корабли можно было часто наблюдать на якорной стоянке вблизи итальянских портов. Журнал «Тайм» в одном из своих изданий, которое широко распространялось и комментировалось в Италии незадолго до выборов, поддержал мнение, что «США должны ясно дать понять: в случае необходимости они применяют силу, чтобы не допустить изменения Италией политического курса в сторону коммунизма» [8]. Соединенные Штаты и Италия подписали десятилетнее соглашение о «Дружбе, торговле и сотрудничестве». Это было первым соглашением такого рода, которое США заключило со времен войны, что подчеркивалось специально для итальянского «потребления».

- «Поезд дружбы», собирая подарки, совершил поездку по Соединенным Штатам, а затем проехал через всю Италию, раздавая их. Поезд был окрашен в красный, белый и синий цвета, на него были нанесены изображения, символизирующие дружеские чувства американского народа к итальянцам.

- Правительство Соединенных Штатов заявило, что оно одобрит внешнее правление Италии над некоторыми ее бывшим африканскими колониями, такими как Эфиопия и Ливия; это было совершенно нереалистичное предложение, так как внешнее правление не могло быть осуществлено в послевоенном мире. (Советский Союз внес аналогичное предложение.) США, Великобритания и Франция разными манипуляциями вынудили Советский Союз в третий раз наложить вето в отношении принятия Италии в качестве полноправного члена ООН. В первый раз советское руководство возражало, основываясь на отсутствии подписанного мирного договора с Италией. После его подписания в 1947 году Советский Союз заявил, что Италия могла бы быть принята в качестве полноправного члена ООН, если другие противники СССР времен Второй мировой войны, такие как Болгария, Венгрия и Румыния, также стали бы членами организации. США, Великобритания и Франция предложили Советскому Союзу провести переговоры по вопросу о возвращении Триеста Италии. Ранее, по условиям мирного договора, основной итальянский порт на Адриатическом побережье Триест, расположенный на границе с Югославией, стал «вольным городом». Одобрение Советского Союза было необходимо, чтобы изменить это соглашение, и предложение Запада было разработано с целью поставить Москву в затруднительное положение. Для итальянцев Триест был важным символом – если бы СССР отклонил предложение, это могло серьезно затруднить работу итальянских коммунистов. Вместе с тем согласие Советского Союза настроило бы против себя их югославских союзников. США требовали от русских ответа, но его так и не последовало. Тянуть с ответом до окончания выборов, с точки зрения советского правительства, было самым очевидным и самым безопасным путем, по которому следовало двигаться. И все же всего лишь за пять дней до голосования они приняли решение объявить о своем отказе от предложения. Таким образом, Москва забила очередной гвоздь в «гроб» Народно-демократического фронта.

- Премьер-министру де Гаспери был направлен «Манифест мира для свободолюбивых итальянцев», призывающий не принимать коммунизм. Среди подписавших его людей были два бывших госсекретаря США, бывший заместитель госсекретаря, бывший министр юстиции, бывший судья Верховного суда, экс-губернатор Нью-Йорка, прежняя первая леди Элеонор Рузвельт и многие другие влиятельные персоны. Это сообщение было повсеместно опуб-

ликовано в Италии. Публикация американских сообщений в итальянской прессе была делом весьма легким, так как примерно 82 процента итальянских газет находились в руках противников левого блока.

- Более 200 американских профсоюзных лидеров итальянского происхождения провели съезд, результатом которого стала телеграмма, отправленная в 23 ежедневные газеты по всей Италии. В телеграмме содержался призыв выразить категорическое несогласие с красными. В то же время итало-американский трудовой совет внес 50 000 долларов в антикоммунистические трудовые организации Италии. ЦРУ и до этого тайно субсидировало такие профсоюзы, чтобы противодействовать влиянию левых объединений, [9] – это было постоянной практикой Центрального разведывательного управления вне зависимости от выборов. По словам бывшего сотрудника ЦРУ, когда в 1945 году коммунисты едва не получили контроль над профсоюзами сначала на Сицилии, а затем во всей Италии и Южной Франции, Управление стратегических служб США и мафия, тесно сотрудничавшие, успешно этому воспрепятствовали [10].

- ЦРУ, по его собственным поздним подтверждениям, предоставило один миллион долларов итальянским «центристским партиям», что являлось значительной суммой для Италии в 1948 году [11], хотя в другом отчете фигурирует сумма в 10 миллионов долларов. Также УСС подделывало документы и письма, якобы приходящие из ИКП и написанные так, чтобы выставить партию в неприглядном свете и дискредитировать ее лидеров; анонимные книги и статьи в журналах, финансируемые ЦРУ, в ярких деталях рассказывали о воображаемой коммунистической деятельности в Восточной Европе и Советском Союзе; брошюры разносили слухи об интимной и частной жизни кандидатов ИКП, а также занимались антицерковной и/или фашистской клеветой в их адрес [12].

- Американская группа, с особо оговоренным присутствием в ней итало-американских музыкантов, поехала в Рим, чтобы представить серию концертов.

- За месяц до выборов президент Трумэн объявил о передаче 29 торговых судов итальянскому правительству в качестве «жеста дружбы и уверенности в итальянской демократии». (Это были итальянские корабли, захваченные во время войны, а также другие – в замещение захваченных и утерянных.)

- Четыре дня спустя комиссия по бюджетным ассигнованиям США в короткие сроки одобрила выделение 18,7 миллиона долларов для дополнительного финансирования «временной помощи» Италии.

- Еще две недели спустя Соединенные Штаты предоставили Италии 4,3 миллиона долларов в качестве первой выплаты для 60 000 бывших итальянских военнопленных, которые находились в США на «добровольных» работах.

- За шесть дней до начала выборов государственный департамент сделал публичное заявление о скорой выдаче Италии золота в размере 31 миллиона долларов США взамен золота, украденного нацистами. (Тот факт, что всего несколькими годами ранее Италия была «врагом», сражающимся на стороне нацистов, остался лишь туманным воспоминанием.)

- Два дня спустя американское правительство утвердило две дополнительные крупные поставки продовольствия в Италию, одна из которых, с Грузом зерна, оценивалась в 8 миллионов долларов. Многие суда с гуманитарной помощью по прибытии в Италию во время избирательной кампании разгружались прямо во время официальной церемонии и речи американского посла.

Броские плакаты гласили: «Хлеб, который мы едим, содержит 40 процентов итальянской муки и 60 процентов американской, присланной нам безвозмездно». Правда, забыли упомянуть, пошли ли сэкономленные средства потребителям или служили для «набивания карманов» пекарен.

- За четыре дня до выборов американская комиссия по восстановлению итальянских памятников объявила о дополнительной серии грантов итальянскому министерству искусств.

• «Американские сторонники свободной Италии» провозгласили 15 апреля Свободным днем Италии с дальнейшим общенародным соблюдением правил его проведения.

• Американский посол Джеймс Клемент Данн (James Clement Dunn) ездил по всей Италии, напоминая «при каждом возможном случае, что американская помощь значила для жителей и их страны». При разгрузке последней партии продовольствия Данн заявил, что американский народ спасает Италию от голода, хаоса и возможного господства извне. Его речи обычно получали широкое освещение в «нелевой» прессе. При этом итальянское правительство запретило нескольким послам, находившимся за границей, возвращаться домой для проведения кампании в поддержку Народно-демократического фронта.

В исторической речи, произнесенной 12 марта 1947 года, ставшей впоследствии известной как «доктрина Трумэна», президент сказал:

«Я полагаю, что Соединенные Штаты должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются агрессии вооруженного меньшинства или внешнему давлению. Я уверен в том, что мы должны помочь в освобождении народов, дабы они сами могли решать свою собственную судьбу» [13].

Вряд ли нужно подчеркивать, насколько лицемерным оказалось это обещание, но мнения, которые высказывались в Соединенных Штатах против правительственного крестового похода в Италию, были немногочисленны и едва слышимы во всеобщем реве. «Итало-американский комитет за свободные выборы» в Италии провел митинг, осуждающий пропагандистский «налет». На нем было принято заявление о том, что «тысячи американцев итальянского происхождения чувствуют себя глубоко оскорбленными непрерывным потоком предложений, советов и прочим давлением, оказываемым на них, будто они неспособны самостоятельно решить, за кого им голосовать» [14].

Прогрессивная партия США в продолжение этого заявила: «Как истинные американцы, мы отвергаем угрозы правительства о прекращении поставок продовольствия в Италию до тех пор, пока нас не устроят результаты выборов. Дети не должны оставаться голодными из-за того, что их родители не голосуют по указанию за границы» [15]. Кандидатом от партии на пост президента в 1948 году был Генри Уоллес, бывший вице-президент, который являлся искренним сторонником полной разрядки политической напряженности с Советским Союзом. История не дает нам возможности четко сказать, какая реакция была бы среди тех, кто не видел ничего неправильного в деятельности Соединенных Штатов в Италии, если бы подобную кампанию развернули Советский Союз или итальянские левые в Соединенных Штатах от имени Уоллеса.

Хотя некоторые итальянцы время от времени полагали, что сам Сталин являлся основным кандидатом Народно-демократического фронта, фактическое советское вмешательство в выборы едва заслужило хоть одного газетного заголовка. Американская пресса выдвигала предположения, что русские вносили существенные денежные суммы в кассу коммунистической партии. Однако обзор, выполненный итальянским бюро «Юнайтед-пресс», показал, что антикоммунистические партии потратили в 7,5 раза больше, чем НДФ на все виды пропаганды; одни только христианские демократы потратили в четыре раза больше средств [16]. По поводу прочей советской деятельности Говард К. Смит поделился следующими своими наблюдениями:

«Некоторое время русские пытались ответить малочисленными слабыми жестами: освободили нескольких итальянских военнопленных; направили в Италию газетную бумагу в качестве помощи всем партиям для проведения ими своих кампаний. Но никакого шанса у них не было.

Есть основания полагать, что русские сочли происходящее шоу слишком грубым для них и фактически стали опасаться возможной американской и британской реакции в случае победы коммунистов в выборах. (Также в

течение месяца после итальянских выборов СССР выразил беспокойство по поводу конфликта с Западом в одном из знаменитых писем Коминформа, адресованных Тито, с обвинением югославов в попытке вовлечь Советский Союз в конфликте западными державами, хотя «должно быть известно... что СССР после такой тяжелой войны не может вступить в новую». [17]

В качестве доказательства, на которое косвенно ссылался Смит, приводился отказ СССР от принятия предложений по Триесту. Во время этого события газета «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Неожиданное решение заставило некоторых экспертов прийти к заключению, что русские сбросили Итальянскую коммунистическую партию с корабля» [18]. Партийной газете трудно было тягаться с этой историей. К тому же, стремясь подорвать фундаментальные предпосылки итальянской предвыборной кампании, Вашингтон сделал так, чтобы все считали, что итальянская коммунистическая партия и Советский Союз совершенно не различались в целях и средствах – как в акции «покупая одну, вторую получаете в подарок». Таким образом, было выдвинуто предложение, что, возможно, отказ Советского Союза являлся всего лишь тактическим ходом, который должен был продемонстрировать, что США не могут сдержать свое обещание по Триесту. Но такое решение Советского Союза не сопровождалось никакими громкими заявлениями, поэтому непонятно, почему русские ждали несколько недель до приближения развязки, чтобы нанести сокрушительный удар своим итальянским товарищам. В любом случае, Соединенные Штаты выставили себя в гораздо лучшем свете, чем СССР.

Когда «Бродвейское шоу» завершило свое выступление в Италии, христианские демократы занимали позицию явных лидеров с 48 процентами голосов. Левая коалиция была раздавлена совершенно неожиданным результатом голосования, составившим 31 процент избирателей, несмотря на все выстроенные препятствия. Это был своеобразный итог крестового похода, концепцию которого британский лидер лейбористской партии Эньюрин Бивен (Aneurin Bevan) приписывал консерваторам: «Все искусство консервативной политики в XX столетии, – писал он, – сводилось к тому, чтобы заставить богатых убедить бедных использовать их политическую свободу для сохранения власти богатых».

3. Греция, 1947–1950

От колыбели демократии до государства-сателлита

Хорхе Семпрун (Jorge Semprun) – французский и итальянский писатель-романист, сценарист, бывший коммунист и узник Бухенвальда, находясь в 1944 году с другими членами партии в этом нацистском концлагере, услышал следующую новость:

«Последние несколько дней мы не говорили ни о чем другом... Вначале некоторые из нас думали, что это ложь. По-другому и быть не могло. Очередное изобретение нацистской пропаганды для поднятия боевого духа своего народа. Мы слушали выпуски новостей немецкого радио, доносящиеся из всех репродукторов, и кивали головами. Должно быть, это был трюк, чтобы поднять моральный дух немцев. Но вскоре нам пришлось смириться с доказательствами. Некоторые из нас втайне слушали трансляции союзников, подтверждавшие эту новость. Не оставалось никаких сомнений в том, что британские войска действительно громили греческое движение сопротивления. В Афинах шли бои, британские войска зачищали город от войск ЭЛАС (Народно-освободительной армии Греции) район за районом. Это была неравная схватка, поскольку у армии ЭЛАС не было ни танков, ни самолетов.

Но московское радио ничего об этом не сообщало, и это молчание воспринималось по-разному» [1].

Британская армия вошла в Грецию в октябре – ноябре 1944 года, вскоре после того, как основная часть немцев спаслась бегством. Существенную роль в разгроме фашистов сыграла Народно-освободительная армия – ЭЛАС. Основанная в период с 1941 по 1942 год по инициативе Коммунистической партии Греции, ЭЛАС и ее политическое крыло Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ) распространили свое влияние на всю левую часть политического спектра, насчитывая в рядах своих последователей множество священников и даже несколько епископов. Партизаны освободили многие районы страны от немецко-фашистских захватчиков, разгромивших британцев в 1941 году.

Партизаны ЭЛАС и ЭАМ бывали беспощадны к грекам, отказывающимся сотрудничать с ними или подозреваемых в коллаборационизме с немцами. Другим примером освободительных последствий входе войны стало и отвержение консервативных устоев греческого общества; на их месте возникали общины, имевшие по крайней мере подобие самоуправления. Зарождались институты и механизмы, которые могли бы стать предвестниками обновленного греческого общества после войны. Возникла система образования – возможно, и опиравшегося на пропаганду, но в целях избавления от неграмотности. Формировались женские батальоны, в которых домохозяйки впервые действовали независимо от своих мужей. Это явление наблюдалось повсеместно, и численность ЭАМ достигла одного-двух миллионов человек при общей численности населения Греции в семь миллионов [2].

Этот вид общественного порядка не мог не вызывать беспокойства британских политиков (таких как Уинстон Черчилль), уже давно считавших Грецию своей вотчиной. Черчилль решил, что греческого короля следует вернуть на свое законное место со всеми сопутствующими привилегиями. И британские войска в Греции немедленно приступили к формированию такого правительства. Монархисты, коллаборационисты и консерваторы всех мастей оказались в органах политической власти, доминируя в новой греческой армии и полиции, в то время как члены ЭАМ/ЭЛАС были уничтожены либо брошены в тюрьмы [3].

В начале войны, когда главной целью союзников был разгром нацистов; Черчилль обращался к членам ЭЛАС, называя их «доблестными партизанами», а сторонники ЭЛАС в начале ноября 1944 года встречали англичан транспарантами с надписью «ЭАМ приветствует храбрую английскую армию» [4].

Но уже в следующем месяце начались бои между ЭЛАС и британскими войсками, с участием на британской стороне тех греков, которые воевали против ЭЛАС во время войны и одновременно сотрудничали с немцами или же просто служили у немцев. Министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин признал в августе 1946 года, что в новой греческой армии в тот момент служили 228 бывших эсэсовцев, основной задачей которых было выслеживание греческих борцов сопротивления и евреев [5]. Дальнейшая поддержка кампании против ЭЛАС была оказана ВВС и ВМС США, которые переправили в Грецию свыше двух английских дивизий [6]. Все это происходило в то время, когда война против Германии все еще бушевала в Европе.

В середине января 1945 года ЭЛАС согласилась на перемирие, на тот момент выглядевшее как признание капитуляции и имевшее соответствующий эффект. Среди историков существуют разногласия на этот счет. Одни полагают, что ЭЛАС потерпела военное поражение. По мнению других, коммунисты в рядах ЭЛАС и ЭАМ получили от Сталина указание сложить оружие. Если последнее и было настоящей причиной, то это связано с соглашением между

Сталиным и Черчиллем в октябре 1944 года, в результате которого сферы влияния в Восточной Европе были поделены между двумя державами. В результате этой циничной (по признанию Черчилля) игры англичане высадились в Греции. Черчилль позднее писал, что Сталин «придерживался строгого и добросовестного соблюдения нашего октябрьского соглашения, и в течение всех долгих недель борьбы с коммунистами на улицах Афин ни одного слова упрека не раздалось со страниц газет «Правда» или «Известия» [7]. Об этом молчало также и московское радио, как ранее отмечал Хорхе Семпун.

В своей знаменитой книге об истории холодной войны профессор Д. Ф. Флеминг отметил: «Важно помнить, что Греция стала первой из освобожденных стран, насильственно вынужденной принять политическую систему оккупирующей ее великой державы. Именно Черчилль начал первым действовать подобным образом, а Сталин последовал его примеру в Болгарии, а затем и в Румынии, хотя и с меньшим кровопролитием» [8].

Последовала череда греческих правительств, управлявшая страной с благоволения Великобритании и Соединенных Штатов. Насквозь коррумпированные греческие власти продолжили терроризировать левых, подвергая их пыткам в трагически известных тюремных лагерях на островах, и не делали ничего, чтобы облегчить ежедневные страдания греческого народа от последствий войны [9]. «В современном мире сложно найти столь же плохое правительство, как это», – писал в то время главный корреспондент Си-би-эс в Европе Говард К. Смит [10].

Осенью 1946 года случилось то, что должно было случиться: левые собрались с силами, чтобы начать второй этап гражданской войны. Коммунисты вышли из-под контроля Сталина, поскольку на карту были поставлены их личное выживание и спасение всего, во что они верили.

Англичане были отягощены собственными проблемами по восстановлению послевоенной страны. В феврале 1947 года они сообщили США, что больше не могут брать на себя содержание многочисленного военного контингента в Греции, а также обеспечивать крупномасштабную военную и экономическую помощь стране. Таким образом, историческая задача «сохранить все достойное и хорошее, что есть в западной цивилизации», перешла в руки Вашингтона.

Спустя несколько дней в Госдепартамент вызвали поверенного в делах Греции в Вашингтоне и сообщили ему, что его правительство должно обратиться к США с просьбой о помощи. Требовалось написать официальное письмо с просьбой о помощи, и такой документ появился. Как оказалось, он был подготовлен Госдепартаментом США. Текст этого письма, как позже

сообщил поверенный, «был разработан с учетом менталитета членов Конгресса США. Это письмо также оправдывало действия американской администрации в ответ на обвинения как внутри страны, так и за ее пределами в том, что США проявили инициативу и вмешались в дела иностранного государства, и в том, что Вашингтон согласился принять такое плохое наследие у Лондона. Документ послужил также основой для формирования общественного мнения, которое внимательно изучалось» [11].

В июле в письме главе Американской миссии помощи Греции (АМАГ) Дуайту Грисвольду (Dwight Griswold) госсекретарь Джордж Маршалл писал:

«Возможно, что во время Вашего пребывания в Греции Вы и посол придете к выводу, что эффективность Вашей миссии повысится, если будет осуществлена реорганизация греческого правительства. Если такое решение будет принято, остается надеяться, что Вы и посол сможете способствовать проведению реорганизации настолько осторожно, что даже политические лидеры Греции будут считать, что реорганизация проводится в основном их собственными силами, а не под давлением со стороны» [12].

Госсекретарь снабдил Грисвольда, которого «Нью-Йорк таймс» вскоре назвала «самым влиятельным человеком в Греции», дополнительными указаниями [13]:

«В ходе Вашей работы Вы и члены Вашей миссии будете сталкиваться время от времени с тем, что некоторые греческие чиновники в силу своей некомпетентности, несогласия с Вашей политикой или по какой-то другой причине не захотят сотрудничать в той степени, которая необходима для достижения Ваших целей. От таких чиновников необходимо избавляться» [14].

Однако такие планы были отнюдь не самыми циничными в американской деятельности. Вашингтонские лидеры хорошо знали, что зависимое от них новое греческое правительство было настолько продажным и с таким презрением относилось к соблюдению прав человека, что этому ужасались даже самые ярые американские антикоммунисты. Возьмем, к примеру, сообщения влиятельного обозревателя Стюарта Олсопа (Stewart Alsop). Так, 23 февраля 1947 года Олсоп телеграфировал из Афин о том, что у большинства греческих политиков «нет большего желания, кроме как испробовать все прелести свободной экономики за счет американцев» [15]. В том же году американцы провели расследование и обнаружили огромные запасы продовольственной помощи, гнившей на складах, – в то время, когда от недоедания страдали 75 процентов греческих детей [16].

Такое состояние дел было так трудно приукрасить, что президент Трумэн в своем обращении к Конгрессу в марте 1947 года с просьбой о выделении Греции помощи на основании греческого «запроса» (речь «Доктрина Трумэна»), попытался упредить критику, признав, что греческое правительство «не идеально» и «допускает ошибки». Но так или иначе, по некоей идеологической схеме, известной только президенту, режим в Афинах считался «демократическим», а его противники – «террористами» [17].

В той речи не было ни единого упоминания о Советском Союзе, но в последующие два с половиной года неустанным рефреном Вашингтона стало утверждение, что русские подстрекают греческих левых и пытаются таким образом заткнуть за железный занавес еще одну «свободную» страну.

Соседние коммунистические страны, такие как Болгария, Албания и, в частности, Югославия, отчасти движимая старыми территориальными претензиями к Греции, помогали повстанцам, предоставляя им убежище на своих территориях и снабжая оружием (существенно или символически – это спорный вопрос). Однако СССР в лице Иосифа Сталина был категорически против оказания помощи греческим товарищам. По свидетельству Милована

Джил аса, второго человека после Тито в югославском руководстве, на встрече с лидерами Югославии в начале 1948 года (за несколько месяцев до разрыва отношений между Югославией и Советским Союзом) Сталин обратился к министру иностранных дел Эдварду Карделю (Edvard Kardelj) и спросил: «Верите ли вы в успех восстания в Греции?» Кардель ответил:

«Только в том случае, если объем иностранного вмешательства не возрастет и не будут совершены серьезные политические и военные ошибки».

Сталин продолжал, не обращая внимания на мнение Карделя:

«Если, если! Нет, у них совершенно нет шансов на успех. Вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты – США, самое могущественное государство в мире – позволят вам разрушить их линии коммуникаций в Средиземноморье? Чепуха. К тому же у нас нет флота. Восстание в Греции должно быть прекращено, и как можно скорее» [18].

Первая крупная партия военной помощи в рамках новой американской операции была поставлена летом 1947 года. Значительные объемы были отправлены греческому правительству из США еще в то время, когда в стране хозяйничала Великобритания. К концу года греческие военные полностью обеспечивались американцами, начиная от обмундирования и заканчивая продовольствием. Национальный военный потенциал Греции был полностью переоснащен: происходило постоянное увеличение численности греческих вооруженных сил, а также истребителей-бомбардировщиков, эскадрилий транспортной авиации, аэродромов, напалмовых бомб, безоткатных орудий, военно-морских патрульных судов, коммуникационных сетей, доков, железных и автомобильных дорог, мостов. На поставки и оборудование были потрачены сотни миллионов долларов, и к концу Второй мировой войны сумма расходов приближалась к миллиарду. Еще миллионы были потрачены на создание «тайной резервной армии» – боевых частей, состоявших в основном из бывших эсэсовцев, о которых упоминалось ранее [19].

Военная миссия США взяла в свои руки разработку военных планов для греческой армии, оставив не у дел непригодных для этого греческих генералов. По словам британского военного писателя майора Эдгара О'Бэланса (Edgar O'Ballance), миссия «заняла жесткую позицию и настаивала на том, чтобы все ее рекомендации выполнялись тотчас и в полном объеме» [20]. В стране служили более 250 офицеров армии США, многие из которых были приписаны к дивизии сухопутных войск Греции для обеспечения надлежащего исполнения американских директив; другие действовали на бригадном уровне. Еще около 200 военнослужащих ВВС и ВМС США также находились на военной службе в Греции.

Все военные методы и программы подготовки были «пересмотрены, обновлены и подтянуты до предела» под американским контролем [21]. Подразделения пехоты стали более мобильными, а их огневая мощь возросла; специальные подразделения командос обучались тактике ведения боевых действий против партизана, греческие войска – особенностям ведения боевых действий в горах (4000 мулов было поставлено в Грецию из США для этих целей). По настоянию Вашингтона, для того чтобы лишить партизанские отряды естественной базы и источников поступления новобранцев, с места постоянного проживания были насильственно выселены жители целых районов. Двадцать лет спустя во Вьетнаме будет использована та же тактика.

«Американская поддержка становилась все более активной и на земле, и в воздухе, – писал С. М. Вудхаус (С. М. Woodhouse), британский полковник и историк, служивший в Греции в середине 1940-х, – и грань между действиями советников, разведки и боевыми действиями была абсолютно тонкой» [22].

Греческие левые продержались три страшных года. Несмотря на потери многих десятков тысяч бойцов, они всегда имели возможность пополнять свои силы и даже увеличивать их

численность. Но к октябрю 1949 года, предвидя еще большие потери от превосходящей их по мощи машины уничтожения, партизаны объявили по радио о «прекращении огня». Это был конец гражданской войны.

Степень господства США над Грецией, начавшегося с 1947 года, трудно переоценить. Мы знакомы с директивами Маршалла в адрес Грисвольда и с тем, как американцы руководили данной военной кампанией. Были и многие другие проявления этой политики.

Так, в сентябре 1947 года заместитель премьер-министра Константинос Цалдарис согласился на роспуск правительства и создание новой правящей коалиции. Как сообщала «Нью-Йорк таймс», Цалдарис пошел на это, «уступив желаниям Дуайта П. Грисвольда, американского посла МакВига, а также короля» [23]. Прежде чем Цалдарис смог обратиться к греческим законодателям по данному вопросу, МакВиг (MacVeagh) вмешался и внес изменения в его речь [24].

В течение последующих нескольких лет смена премьер-министров в Греции происходила довольно часто, и каждый раз только после достаточно активного вмешательства американцев, если не по прямому их требованию [25]. Один из таких прецедентов произошел в 1950 году, когда тогдашний американский посол Генри Грейди направил премьер-министру Венизелосу послание, в котором угрожал прервать поставки американской помощи в случае, если тот не проведет реорганизацию правительства. Венизелос был вынужден подать в отставку [26]. Американское влияние также ощущалось и в отношении других высокопоставленных деятелей греческого общества. Андреас Папандреу, который позднее сам стал премьер-министром, писал об этом периоде: «Члены правительства и армейские генералы, лидеры политических партий и влиятельные личности открыто исполняли все американские пожелания и выстраивали свои действия с учетом мнения американцев» [27].

Прежде чем начать новый этап репрессий против инакомыслящих в июле 1947 года, греческие власти обратились к послу МакВигу. Посол сообщил, что правительство США не будет возражать против «превентивных мер, если они будут считаться необходимыми». Успокоенные этими заверениями, греки раскрутили маховик репрессий так, что число обвиняемых достигло за одну неделю 4000 человек [28].

Примером того, как греческий гражданин мог оказаться в тюрьме, может служить дело члена ЭАМ, осужденного на 18 месяцев за газетные высказывания, показавшиеся Дуайту Грисвольду оскорбительными. Автор назвал американца «официальным представителем иностранного государства» [29].

«В экономической сфере», как писал Андреас Папандреу, Соединенные Штаты «в начале пятидесятых годов осуществляли почти диктаторский контроль, требуя, чтобы на каждом важном документе рядом с подписью греческого министра по координации стояла подпись руководителя американской экономической миссии» [30].

До этого американское управление экономикой, возможно, было еще более жестким. В памятной записке, направленной из Афин Американской миссией помощи Греции в адрес Госдепартамента 17 ноября 1947 года, в частности, говорилось: «Мы установили практически полный контроль... над национальным бюджетом, налогообложением, выпуском денег, ценовой политикой и политикой в области заработной платы, государственным экономическим планированием, а также над импортом и экспортом, выдачей иностранной валюты, вектором реорганизации вооруженных сил и расходами по оказанию помощи» [31].

Кроме того, по образу и подобию ЦРУ было создано новое Агентство внутренней безопасности Греции (по-гречески КУР). Вскоре КУР стало использовать практику тайной полиции, включая систематические пытки.

К началу 1950-х Греция была превращена в самого надежного сателлита-союзника Соединенных Штатов. Страна исповедовала ярый антикоммунизм и хорошо вписалась в структуру НАТО. Греция направила свои войска в Корею – в поддержку лукавого заявления Вашингтона о том, что это не только американская война.

Можно с полной уверенностью предполагать, что если былевые пришли к власти, Греция была бы гораздо более независимой отсоединенных Штатов. Греция, скорее всего, была бы независима и от Советского Союза, которому греческие левые ничем не были обязаны. Как Югославия, которая также не имела общей границы с СССР, Греция была бы дружественной по отношению к русским, но независимой страной.

Когда в 1964 году к власти в Греции пришло правительство, провозгласившее свежую идею государственного суверенитета Греции, Соединенные Штаты и их греческие пособники быстро и эффективно искоренили эту ересь. С этим мы ознакомимся в одной из следующих глав.

4. Филиппины, 1940–1950 Старейшая колония США

Я бродил по Белому дому в раздумьях целыми ночами. И мне не стыдно признаться вам, господа, что я опускался на колени, молился Господу Всемогущему и просил его указать мне путь. И вот в одну из таких ночей мне открылось, уж не знаю как, но открылось следующее знание. Во-первых, я понял, что мы не можем вернуть их [Филиппинские острова] обратно Испании, поскольку это было бы трусостью и бесчестьем. Во-вторых, мы не можем передать их Франции или Германии – нашим торговым конкурентам на Востоке. Это было бы невыгодным и постыдным делом. В-третьих, мы не можем не вмешиваться в их дела, ибо они не способны к самоуправлению и в скором времени столкнутся с еще большей анархией и хаосом, которые наблюдались при испанцах. В-четвертых, нам не остается ничего другого, кроме как полностью взять управление над филиппинцами, обучать их, просвещать и приобщать к цивилизации и христианским ценностям, и с божьей милостью делать для них все возможное, как для своих братьев, за которых отдал свою жизнь Иисус.

Уильям Мак-Кинли, президент США, 1899 год [1]

Намерение Уильяма Мак— Кинли устроить филиппинцам хорошую жизнь свелось к тому, что американские солдаты убивали их десятками тысяч, жгли их деревни, подвергали их пыткам и создали почву для экономической эксплуатации этой страны. Такую политику ведущие государственные деятели и газеты США гордо именовали в то время империализмом.

После изгнания испанцев с Филиппин в 1898 году совместными усилиями американцев и филиппинцев Мадрид согласился «уступить» (следует понимать – продать) США острова за 20 миллионов долларов. Но филиппинцы, уже провозгласившие независимость своей страны, не приняли обращение с собой как с недвижимостью на земельном участке. Тогда, в соответствии с принятым решением, американские войска численностью до 50 тысяч человек приступили к выполнению задачи по внушению населению необходимости признать уготовленный ему статус.

Таким образом, Филиппины оказались самой древней и самой буквальной колонией США.

Почти полвека спустя американские войска вновь высадились на Филиппинах, обнаружив там патриотическое движение, сражающееся против общего врага, на этот раз против японцев. Воюя в 1945 году с японцами, американские войска предприняли множество усилий для того, чтобы разоружить филиппинскую армию сопротивления – Народную антияпонскую армию, или Хукбалахап (по-тагальски – *Hukbo ng Bayan Laban sa mga Hapon*). Американские войска разоружали подразделения армии сопротивления, уничтожали созданные Хукбалахап органы самоуправления, арестовывали и бросали в тюрьмы активистов движения, а также лидеров Коммунистической партии Филиппин. Партизанские отряды, сформированные и управляемые в основном американскими офицерами и состоящие из американских и филиппинских солдат из та называемых сухопутных войск США на Дальнем Востоке, проводили жестокие полицейские рейды против участников Хукбалахап и их сторонников. Распространялись слухи, порочащие движение сопротивления, чтобы ослабить его поддержку со стороны мирного населения. Японцам же разрешалась безнаказанно нападать на участников Хукбалахап.

Одновременно с этими событиями участники движения сопротивления вели тяжелые бои с японскими захватчиками и филиппинскими коллаборационистами и часто приходили на помощь американским солдатам [2].

В этой кампании против движения сопротивления США пользовались услугами филиппинцев, сотрудничавших с японцами, – землевладельцев и крупных собственников, многих сотрудников полиции и других государственных чиновников. После войны американцы расставили во властных и государственных структурах многих из тех, кто запятнал себя сотрудничеством с японцами, невзирая на отрицательное отношение к ним со стороны филиппинцев-патриотов [3].

Народная антияпонская армия была создана Коммунистической партией Филиппин в ответ на оккупацию островов Японией в 1942 году. Среди американских политиков были такие, кто считал, что Хукбалахап была не чем иным, как инструментом международного коммунистического заговора, и с ней следовало бороться так же, как и с другими подобными группировками. Другие политики в Вашингтоне и Маниле, чья реакция была менее предсказуема, но более цинична, признавали, что движение, если его растущее влияние не взять под контроль, приведет к радикальным реформам филиппинского общества.

Центральное место в политической программе Народной антияпонской армии отводилось земельной реформе. Она была крайне необходима для ориентированного на сельское хозяйство общества. (Время от времени американские официальные лица неискренне заявляли о своей поддержке этой концепции, однако за все время американской оккупации никаких действий в поддержку не предприняли.) Другой задачей программы движения Хукбалахап была индустриализация, осуществлению которой Вашингтон долгое время препятствовал, с тем чтобы американские промышленные компании имели на Филиппинах преференции. Движение Хукбалахап считало, что такие реформы могли бы послужить толчком к началу новой жизни и помогли бы покончить с отсталостью островитян, неграмотностью, ужасающей нищетой и связанными с ней болезнями, в частности туберкулезом и авитаминозом. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала: «В целом считается, что коммунистическое движение сопротивления Хукбалахап появилось из-за недовольства и бедственного положения крестьян Центрального Лусона (самого крупного острова Филиппинского архипелага)» [4].

В исследовании, подготовленном несколько лет спустя для сухопутных войск США, такое утверждение также присутствовало. Там подчеркивалось, что «главным стимулом деятельности движения Хукбалахап было недовольство крестьян, а не идеи ленинизма» [5].

Тем не менее движение было явной угрозой для неокOLONиального строя на Филиппинах, для американской сферы влияния и для интересов тех филиппинцев, которых устраивало сложившееся положение вещей.

К концу 1945 года, через четыре месяца после окончания Второй мировой войны, Соединенные Штаты уже обучали и вооружали пятидесятитысячную филиппинскую армию для фронтов холодной войны [6]. В своих показаниях перед комитетом Конгресса США генерал-майор сухопутных войск США Уильям Арнольд (William Arnold) искренне заявлял, что эта программа была «необходима для поддержания внутреннего порядка, а вовсе не для отражения атак со стороны внешнего противника» [7]. Ни один из присутствовавших конгрессменов публично не выразил никаких возражений по поводу обоснованности с точки зрения международного права такой внешней политики.

В то же время США держали своих солдат на Филиппинах, где по крайней мере в одной из пехотных дивизий был восстановлен центр боевой подготовки. Это привело к громким протестам со стороны американских солдат, которые хотели лишь вернуться домой. Начало боевой подготовки, как писала «Нью-Йорк таймс», «воспринималось солдатами и некоторыми филиппинскими газетами как подготовка к подавлению возможных восстаний групп недовольных филиппинских крестьян». В статье также говорилось, что солдаты могли многое рассказать

«про вооруженное вмешательство США в Китае и Голландской Индии [Индонезии]», происходящее в то же время [8].

В какой степени американские военные принимали непосредственное участие в подавлении оппозиционных групп на Филиппинах после войны, остается неизвестным.

Лидеры Хукбалахап не доверяли ни властям Филиппин, ни США и не собирались добровольно складывать оружие. Тем не менее Народная антияпонская армия решила проверить доброту намерений филиппинского правительства и принять участие в национальных выборах в апреле 1946 года, войдя в «Демократический альянс», состоявший из либеральных и социалистических крестьянских политических групп. Объявление независимости

Филиппин было перенесено на три месяца – на 4 июля. Как оказалось, главнокомандующий Народной антияпонской армии Луис Тарук и несколько других участников альянса и сторонников реформ, выигравшие выборы в конгресс (трое в сенат и семеро в палату представителей), не смогли занять свои места из-за явно сфабрикованного обвинения в том, что на избирателей оказывалось давление в их пользу. Избирательная комиссия не стала проводить ни расследование, ни проверку по данному факту [9]. Спустя два года Таруку временно разрешили занять свое место в конгрессе, когда он приехал в Манилу для обсуждения с правительством положения о прекращении огня.

Цели, которые преследовались этими сфабрикованными обвинениями, были довольно очевидны. Правительство таким образом смогло протолкнуть через конгресс довольно противоречивый Закон о торговле между США и Филиппинами: в палате представителей он прошел благодаря перевесу лишь в два голоса, а в сенате – при минимально необходимом числе голосов. Закон предоставил США щедрые привилегии и концессии на разработку филиппинской экономики, включая «равные права... на разработку природных ресурсов страны и операции с акциями и облигациями государственных предприятий общественного пользования» [10]. Это положение о «равенстве прав» распространилось в конечном итоге на все отрасли экономики Филиппин [11].

После этих сомнительных выборов в отношении крестьян прокатилась волна зверств со стороны военных, полиции и банд головорезов, нанятых землевладельцами. По словам Луиса Тарука, спустя некоторое время после выборов было уничтожено несколько деревень, убито более 500 крестьян и их старост; втрое больше людей было брошено в тюрьмы, где они подвергались пыткам, были искалечены или пропали без вести. Участники движения Хукбалахап и другие оппозиционеры поняли, что у них не остается выбора, кроме как вновь взяться за оружие [12].

Независимость вряд ли кардинально изменила бы сложившуюся ситуацию. Американский историк Джордж Тэйлор (George E. Taylor), обладавший доверием истеблишмента, в своей спонсированной ЦРУ книге все же был вынужден подчеркнуть, что независимость «была отмечена щедрыми выражениями взаимной доброй воли, частично выполненными обещаниями и восстановлением старых отношений практически во всех аспектах... Перед филиппинцами было выдвинуто много требований и условий, обеспечивающих торговое преимущество США, и ни одного условия не ставилось для обеспечения социальных и политических преимуществ самих филиппинцев» [13].

Тем временем американские военные продолжали обустриваться на Филиппинах. Соглашение от 1947 года предусматривало предоставление мест под 23 военные базы США со сроком аренды на 99 лет. В нем оговаривалось, что американские военнослужащие, совершившие преступления в ходе несения службы за пределами военных баз, могли быть осуждены только американскими военными судами на территории этих баз.

По условиям соглашения о дружественной военной помощи правительству Филиппин запрещалось покупать что-либо, даже патроны, у любых поставщиков вооружений, кроме США, без согласия Вашингтона. Такое положение дел, включающее в себя обязательную под-

готовку личного состава, техническое обслуживание и поставку запчастей, сделало филиппинские вооруженные силы чрезвычайно зависимыми от Соединенных Штатов. Более того, никому из иностранцев, кроме американцев, не разрешалось выполнять любые задачи в интересах Филиппин или совместно с филиппинскими вооруженными силами без одобрения США [14].

К началу 1950-х годов США поставили на Филиппины военной техники и вооружений на сумму более 200 миллионов долларов – невероятная сумма для того времени. И это вдобавок к строительству различных военных объектов [15]. Объединенная группа военных советников (ОГВС) США реорганизовала разведывательную службу и министерство обороны Филиппин, во главе которого поставила своего человека – Рамона Магсайса (Ramon Magsaysay). В армии Филиппин были созданы батальонные боевые группы, специально подготовленные для ведения противоповстанческих действий [16]. Филиппины стали экспериментальной лабораторией для такого нетрадиционного вида ведения боевых действий. Методы и терминология в стиле «найти и уничтожить» и «усмирение» позже стали печально известны во Вьетнаме.

К сентябрю, когда на Филиппины прибыл подполковник Эдвард Лэнсдейл (Edward G. Lansdale), гражданская война имела все признаки затяжной войны без видимых признаков победы с чьей-либо стороны. Для видимости Лэнсдейл был еще одним американским военным советником из ОГВС, но на самом деле он являлся главой отдела ЦРУ, занимавшегося тайными и диверсионными операциями в стране. Очевидный успех его деятельности на Филиппинах сделал Лэнсдейла признанным авторитетом в вопросах карательно-репрессивных действий по борьбе с повстанческими выступлениями.

В своих поздних воспоминаниях об этом периоде жизни Лэнсдейл высказывал удивление, слыша от своих информированных филиппинских гражданских друзей о репрессиях, к которым прибегало правительство Кирино (Quirino). По их заявлениям, зверства филиппинского правительства были не меньшими, чем приписываемые движению Хукбалахап; правительство погрязло в коррупции (вплоть до постовых полицейских, с чем Лэнсдейл сталкивался лично); сам Кирино в предшествовавший год был избран «благодаря обману и мошенничеству». Друзья Лэнсдейла считали, что «участники движения Хукбалахап были правы», они «представляли будущее», и военные методы борьбы были единственным способом для них заполнить свое собственное правительство. (Как писал корреспондент газеты «Сатердей ивнинг пост», «полиция была бандой воров и насильников в форме, более страшных, чем бандиты... а армия была немногим лучше».) [17]

Но Лэнсдейл был нестигаем. Он приехал делать свою работу. Соответственно, говорил он себе, что если бы к власти пришло движение Хукбалахап, это привело бы лишь к другой форме несправедливости, где в привилегированном положении оказалось бы другое меньшинство, которое поддерживала бы другая еще более жестокая сила. Впоследствии он убедил себя, что работал на стороне тех, кто взял обязательство «защищать свободы человека на Филиппинах» [18].

Как бывший рекламный агент, Лэнсдейл был хорошо знаком с механизмами изучения рыночной конъюнктуры, СМИ, технологиями мотивации и дезинформации. На языке ЦРУ это называется «психологическая война». В итоге Лэнсдейл создал подразделение, получившее название «Отдел по связям с гражданской администрацией и населением». В своей работе отдел отталкивался от посыла, согласно которому народная партизанская армия не может быть побеждена одной лишь силой. В глазах большинства американских офицеров это выглядело новым и довольно странным утверждением.

Команда Лэнсдейла провела тщательное исследование суеверий филиппинских крестьян, проживавших в районе деятельности движения Хукбалахап: их традиционные предания, табу и мифы были изучены для поиска подходящих лозунгов, которые могли бы отвратить их от поддержки повстанцев. Так, в ходе одной из операций люди Лэнсдейла совершали

облеты сельских районов на небольшом самолете и под прикрытием облаков вешали по громкоговорителю на тагальском языке таинственные проклятия, которые падут на головы всех жителей деревни, если они будут предоставлять участникам движения сопротивления продовольствие или убежище. Сообщалось, что использование подобных приемов привело к капитуляции некоторых испытывающих нехватку продовольствия подразделений Хукбалахап [19].

Другая инициированная Лэнсдейлом операция в рамках «психологической войны» была основана на суеверном страхе перед неким асуангом, вампиром, миф о котором бытовал в филиппинской провинции. Отряд по психологической войне прибыл в город и распространил слухи, что асуанг живет на соседнем холме, где базировались отряды Хукбалахап и откуда правительственные войска стремились их выбить. Спустя две ночи после того, как слухи распространились среди сторонников движения сопротивления в городе и добрались до холма, отряд по психологической войне расположился в зарослях рядом с тропой, использовавшейся повстанцами. Когда мимо проходил патруль Хукбалахап, они схватили последнего идущего, проткнули ему шею, сымитировав укус вампира, подвесили его тело за ноги, чтобы стекла кровь, а затем подбросили тело обратно на тропу. Когда повстанцы, очень суеверные, как и другие филиппинцы, обнаружили бескровное тело, они в спешке покинули этот район [20].

Лэнсдейл регулярно, в духе «мозговых штурмов», принятых на населенной пиар-агентствами Мэдисон-авеню, проводил с государственными и военными филиппинскими чиновниками так называемые «кофейные посиделки», в ходе которых обсуждались новые идеи. В результате этих встреч появился на свет «Корпус экономического развития», призванный соблазнить участников движения Хукбалахап программой переселения на их собственные участки с орудиями труда, семенами, денежными займами и т. д. Эти обещания не могли быть выполнены из-за имеющихся земельных проблем, поэтому число откликнувшихся было невелико. Однако принципиальной целью этого аспекта психологической войны было лишить врага его убедительных аргументов [21]. Среди других тактических приемов, изобретенных и усовершенствованных Лэнсдейлом, были: создание фильмов и радиопередач в поддержку действий правительства; проникновение правительственных агентов в ряды движения сопротивления для сбора информации и внесения раскола; попытки прекратить дурное обращение правительственных солдат крестьянами (что касается движения Хукбалахап, то у него с давних времен существовал четкий кодекс правильного поведения партизан по отношению к крестьянам, нарушители которого наказывались); в других ситуациях солдатам правительственной армии разрешалось бесчинствовать в деревнях – маскируясь под участников движения Хукбалахап [22].

Этот тактический прием, как отмечал Л. Флетчер Праути (L. Fletcher Prouty), был «доведен до совершенства на Филиппинах». Солдат направляли с карательными действиями «на ничего не подозревавшую деревню в духе батальных сцен режиссера Сесилия Б. де Милля» [23]. Отставной полковник ВВС США Праути на протяжении девяти лет руководил взаимодействием Пентагона и ЦРУ. Он описал другой сценарий, в котором участники движения Хукбалахап были заклеены как террористы для того, чтобы исказить политический характер их борьбы и подорвать к ним доверие со стороны населения:

«На Филиппинах экономические интересы деревообработчиков и сахарозаводчиков вынудили десятки тысяч простых, отсталых жителей деревень покинуть районы, в которых они проживали веками. Когда эти бедные люди бежали в другие районы, было вполне очевидно, что это приведет к нарушению территориальных прав других сельских жителей и землевладельцев. Это и вело к жестоким массовым беспорядкам или, по крайней мере, спорадическим вспышкам бандитизма – последнему отчаянному средству спасения для умирающих и запуганных людей. Обычно, когда находящееся вдалеке от мест событий правительство узнает

о бандитизме и насилии, оно должно дать надлежащее объяснение этому. В последнюю очередь региональное правительство хотело бы сообщить стране, что финансовые интересы в сфере деревообработки и производства бумаги заставляют бежать людей с родовых земель. На Филиппинах принято, что местные/региональные правительства получают 10 процентов взяток со всех предприятий такого рода и еще 10 процентов уходит государственным чиновникам. Таким образом, «инспирированная коммунистами подрывная деятельность» стала самым безопасным для правительства объяснением имевших место событий. На Филиппинах синонимом слова «коммунист» стал боец армии сопротивления Хукбалахап» [24].

Самой коварной частью операции ЦРУ на Филиппинах стала фундаментальная манипуляция политической жизнью страны, характерной чертой которой были фальсификация выборов и компании по дезинформации. Кульминацией этих манипуляций стало избрание в президенты в 1953 году Рамона Магсайся, сговорчивого политика, возглавлявшего ранее министерство обороны.

Считается, что «создал» Магсайся Лэнсдейл [25]. Возглавляемые им, то есть ЦРУ, организации, такие как Национальное движение за свободные выборы, вели избирательную кампанию на Филиппинах, пользуясь такими привилегиями и такими денежными средствами, что сравнить их можно было лишь с возможностями комитетов Демократической или Республиканской партии США либо очень состоятельного мэра Дэйли в Чикаго. Несмотря на это, газета «Нью-Йорк таймс» в редакторской колонке назвала Филиппины «витриной демократии в Азии» [26].

Однажды сотрудники ЦРУ добавили в напиток оппонента Магсайся и действующего президента Эльпидио Кирино (Elpidio Quirino) наркотическое вещество перед тем, как он выступил с речью. В итоге его речь прозвучала бессвязно и неубедительно. В другой раз, когда Магсайся попытался настоять на выступлении со своей речью, написанной не людьми из ЦРУ, а филиппинскими спичрайтерами, Лэнсдейл в ярости ударил кандидата в президенты так сильно, что тот потерял сознание [27].

Магсайся победил на выборах; но еще до выборов ЦРУ контрабандой доставило оружие для организации переворота в случае, если их человек проиграет [28].

Как только Магсайся приступил к исполнению служебных обязанностей, люди из ЦРУ стали писать для него речи, тщательно контролировать его внешнюю политику. Управление активно использовало свои «ресурсы» в СМИ (проплаченных редакторов и журналистов) для обеспечения постоянной поддержки его политических программ и участия в антикоммунистической кампании в Юго-Восточной Азии, координируемой Вашингтоном, а также для нападок на газетных обозревателей, настроенных против США. Как говорил помощник президента Шерман Адамс (Sherman Adams), Магсайся был настолько признателен США, что «пообещал Эйзенхауэру, что сделает для США все, что потребуется, – даже если у его министра иностранных дел будет противоположная точка зрения» [29].

Лэнгли использовал практику подборки статей, которые писались агентами-журналистами ЦРУ для провинциальных газет, а затем издавались в ежемесячном дайджесте провинциальной прессы. Далее дайджест направляли парламентариям и другим лицам, формирующим общественное мнение в Маниле, чтобы у них сложилось определенное представление о том, «что думает провинция» [30]. Такая практика, изобретенная ЦРУ для Магсайся, была позже использована подразделениями Управления в ряде других стран третьего мира.

Для нейтрализации главного политического оппонента Магсайся и яростного критика американской политики на Филиппинах Кларо М. Ректо (Claro M. Recto) американцы применили следующий подход. ЦРУ распространило слухи о том, что он был агентом коммунистического Китая, и подготовило упаковки презервативов с надписью «Любезно предоставлено

Кларо М. Ректо – другом народа». Однако презервативы были бракованными и имели дырки в самых неподходящих местах [31].

ЦРУ также планировало убийство Ректо путем отравления. От идеи отказались скорее «по прагматическим соображениям, а не из-за угрызений совести» [32].

В 1957 году, после гибели Магсайся в авиакатастрофе, ЦРУ пыталось найти других филиппинских политиков и силы, которые смогли бы работать на Лэнгли или сами предлагали себя в качестве таковых. Одним из них был Диосдадо Макапагал (Diosdado Macapagal), избранный президентом в 1961 году. Макапагал предоставлял ЦРУ политическую информацию в течение нескольких лет и в конце концов попросил и получил то, чего, по его мнению, заслуживал: большую финансовую поддержку для его кампании. Американский «Ридерз дайджест» назвал его избрание «явной демонстрацией демократии в действии» [33].

По иронии судьбы, Макапагал был злейшим противником американского вмешательства в кампанию выборов Магсайся в 1953 году. В то время он постоянно цитировал выдержки из филиппинского закона, который гласил, что «ни один иностранец не имеет права оказывать помощь какому-либо кандидату, прямо или косвенно, либо принимать участие или влиять на любые выборы в какой-либо форме» [34].

Что еще более иронично, в 1957 году правительство Филиппин приняло закон, написанный явно под диктовку американцев, который объявил вне закона как коммунистическую партию, так и Хукбалахап по причине того, что эти организации, добиваются перехода правительства «под контроль и господство иностранного государства» [35].

К 1953 году бойцы движения Хукбалахап были рассеяны и деморализованы и не представляли больше серьезной угрозы, хотя очаги их сопротивления продолжали тлеть еще в течение нескольких лет. Трудно определить, в какой степени спад их активности был связан с традиционными силовыми методами борьбы с ними, или с еще более нетрадиционными методами Лэнсдейла, или с физическим ослаблением многих членов Хукбалахап от недоедания и болезней, вызванных обнищанием крестьянства. Задолго до своего конца участники Хукбалахап также испытывали нехватку оружия, боеприпасов и военной техники, ставя тем самым под сомнение часто повторяемые обвинения со стороны филиппинских и американских властей о получении филиппинским сопротивлением советской и китайской помощи [36]. Филиппинский историк Эдвард Лачика (Edward Lachica) написал, что «Кремль только на словах поддерживал коммунистическое движение на Филиппинах, хваля Хукбалахап за участие в «глобальной борьбе против США», но никакой материальной поддержки не предлагал» [37].

Как отмечал Джордж Тейлор, «с уничтожением военной мощи Хукбалахап социальная и политическая программы движения, которые могли бы быть реализованы, отошли на второй план» [38].

Впрочем, «американский бастион» надежно укрепился в Юго-Восточной Азии. Именно с Филиппин начнутся американские воздушные и морские действия против Кореи и Китая, Вьетнама и Индонезии. Филиппинское правительство будет направлять войска, чтобы сражаться на стороне Соединенных Штатов во Вьетнаме и Корее. На островных базах тактика и профессиональные навыки ведения противоповстанческих действий будут передаваться войскам других союзников США на Тихом океане.

5. Корея, 1945–1953

Что же это было?

Умереть за идею – бесспорно, благородно. Но было бы куда благороднее умирать за правильные идеи.
Х.Л. Менкен (H. L. Mencken), 1919 год

Как же так получилось, что корейская война обошлась без протестов, сопровождавших войну во Вьетнаме? Ведь все американские преступления во Вьетнаме имели место в предшествовавшей ему корейской войне: поддержка коррумпированной тирании, злодеяния, нападки, массовые убийства гражданского населения, стертые с лица земли города и деревни, расчетливое управление новостями, саботаж мирных переговоров. Но американский народ был убежден, что война в Корее – это частный случай вторжения одного государства, без каких-либо провокаций, на территорию другого государства. Это представлялось как ситуация, когда плохие парни нападают на хороших парней, которых спасают еще лучшие парни; в ней не было той исторической, политической и моральной неоднозначности, которая стала дилеммой во Вьетнаме. Корейская война, как отмечали, началась по-другому: ранним утром 25 июня 1950 года Северная Корея напала на Южную Корею; в то время как о войне во Вьетнаме никто не знал, как она началась, когда и почему.

Также во время корейской войны почти не звучало обвинений США в «империализме». Ведь Соединенные Штаты участвовали в боевых действиях в составе войск ООН – против чего тут протестовать? Конечно, в начале 1950-х годов в общественной жизни США доминировал маккартизм, сдерживавший любые акции протеста.

Существовали довольно разные интерпретации причин самой войны, ведения и даже обстоятельств ее начала, но все они вскоре ушли в небытие в пылу военной лихорадки.

Сразу после окончания Второй мировой войны СССР и США оккупировали Корею, чтобы изгнать оттуда побежденных японцев. Демаркационная линия между советскими и американскими войсками была проведена по 38-й параллели. Создание этой линии не несло в себе намерения, скрытого или явного, основать два независимых государства, но холодная война вскоре внесла свои коррективы.

Обе державы настаивали на том, что объединение Севера и Юга – это основная и желаемая цель. Однако каждая из сторон хотела видеть этот процесс в соответствии со своими идеологическими установками. Стороны стали вести переговоры, состоявшие из предложений и контрпредложений, обвинений и контробвинений, обильно перемешанных с хитростью и изворотливостью. В результате на протяжении последующих лет никакого соглашения достичь не удалось. Хотя Москва, Вашингтон и лояльные им корейские лидеры не всегда были недовольны разделением страны (поскольку половина страны – это лучше, чем ничего), официальные лица и простые граждане Кореи с обеих сторон продолжали искренне призывать к объединению страны.

Тот факт, что на момент начала войны Корея все еще была единой страной, перед которой стоял вопрос объединения, подчеркивал глава постоянного представительства США при ООН Уоррен Остин (Warren Austin) в сделанном вскоре заявлении:

«Искусственная граница, разделившая Северную и Южную Корею, не имеет никаких оснований для существования ни с юридической точки зрения, ни с позиции здравого смысла. Ни Комиссия ООН по Корее, ни Республика Корея [Южная Корея] не признают эту границу, и сейчас Северная Корея

путем военного вторжения в Республику Корея еще раз опровергла реальность этой пограничной линии» [1].

Две стороны регулярно вступали в столкновения вдоль 38-й параллели на протяжении нескольких лет, поэтому произошедшее тем роковым июньским днем можно считать не более чем эскалацией имевшей место гражданской войны. Правительство Северной Кореи заявило, что в одном лишь 1949 году южнокорейская армия и полиция совершили 2617 вооруженных вторжений на территорию Северной Кореи, включая убийства, похищения, грабежи и поджоги, с целью организации беспорядков и волнений, а также для повышения боеспособности захватчиков. Время от времени, как заявлял Пхеньян, тысячи солдат участвовали в боях, результатами которых стали многочисленные потери [2]. Представитель Госдепартамента США посол по особым поручениям Филип Джессап (Philip C. Jessup), выступая в апреле 1950 года, прокомментировал это так:

«Происходит постоянное вооруженное противоборство между южнокорейской армией и группами бандформирований, проникающими в страну с севера. Происходят вполне реальные бои с участием одной-двух тысяч человек. Если вы окажитесь у этой границы, как оказался я... вы увидите передвижения войск, укрепления и военнопленных» [3].

В этом контексте вопрос «Кто же именно сделал первый выстрел 25 июня 1950 года?» теряет свою значимость. Согласно северокорейской версии, их вторжение было спровоцировано двухдневными бомбардировками (23 и 24 июня) с южнокорейской стороны, за которыми последовало вероломное нападение Южной Кореи на город Хэджу (Наежу) и другие населенные пункты. Объявление о начале войны было передано по радио Севера позже, утром 25 июня.

Вопреки распространенному в то время мнению, ни одной из групп Организации Объединенных Наций – ни группе военных наблюдателей ООН на местах, ни Комиссии ООН по Корее в Сеуле – не удалось зафиксировать начало военных действий. Патрулирование военных наблюдателей ООН вдоль 38-й параллели закончилось 23 июня. Их заявления о том, что боевые действия начались позже, являются либо предположениями, либо основаны на информации, полученной от южнокорейского правительства или американских военных.

Кроме того, рано утром 26 июня южнокорейское Управление общественной информации объявило, что силы Юга действительно захватили северокорейский город Хэджу. В сообщении говорилось, что нападение произошло тем же утром, но, согласно американской вечерней военной сводке от 25 июня, южная территория к западу от реки Имджин (Imjin) была потеряна на глубину по меньшей мере трех миль внутрь границы, кроме района «контратаки» на Хэджу.

В любом случае, эту военную победу южнокорейской стороны чрезвычайно сложно увязать с официальным мнением Запада, согласно которому северокорейская армия совершила внезапное массированное наступление, занимая на своем пути все населенные пункты и вынуждая войска южнокорейской армии к отступлению в южном направлении.

Впоследствии южнокорейские власти отрицали свой захват Хэджу, объясняя объявление об этой операции преувеличением со стороны армейского офицера. Один историк объяснил это якобы неправильное объявление «ошибкой, вызванной плохой связью, а также попыткой поднять моральный дух южан путем объявления победы». Независимо от того, что фактически стоит за этим объявлением, очевидно, что заявления южнокорейского правительства относительно начала войны не заслуживают доверия [4].

В западной прессе появилось несколько сообщений о нападении на Хэджу, в которых не упоминается о заявлении южнокорейского правительства и которые могут рассматриваться в качестве независимых подтверждений этого события. Лондонская газета «Дейли геральд» (Daily Herald) от 26 июня сообщала, что, «по словам американских военных наблюдателей, южане успешно провели освободительную контратаку, проникнув на пять миль в глубь

территории на западном побережье и захватив город Хэджу». В тот же день лондонская «Гардиан» (The Guardian) вторила: «Американские официальные лица подтвердили факт захвата войсками Южной Кореи города Хэджу».

26 июня американская «Нью-Йорк геральд трибюн» (New York Herald Tribune) также сообщила о том, что «южнокорейские войска перешли 38-ю параллель, по которой проходит граница, и захватили промышленный город Хэджу к северу от нее. Республиканские войска захватили большое количество боевой техники». Ни один из источников не назвал дату начала конфликта.

25 июня американский писатель Джон Гюнтер (John Gunther) находился в Японии, работая над биографией генерала Дугласа Макартюра (Douglas MacArthur). В своей книге он рассказывает, как в городе Никко (Nikko) он изображал туриста вместе с «двумя высокопоставленными лицами» из американской оккупационной администрации, когда одного из них неожиданно вызвали к телефону. Вернувшись, тот прошептал: «Большая новость! Южнокорейцы напали на Северную Корею!». Тем же вечером Гюнтер со своей группой вернулся в Токио, где «несколько офицеров встретили нас на вокзале и четко и с большим пафосом изложили нам суть происшедшего... не было никаких сомнений, что агрессором была Северная Корея».

А телефонный звонок? Гюнтер объясняет это следующим образом: «Возможно, сообщение было искажено при передаче. Первые часы в штабе никто ничего не понимал, и видимо, на людей повлияла явная, разьедающая ложь северокорейского радио» [5]. Из таких объяснений складывается несколько нелепый образ американских военных и дипломатов, каждый из которых, будучи активным антикоммунистом, при этом так легко поверил в явную коммунистическую ложь по такому серьезному вопросу.

Глава Южной Кореи Ли Сын Ман (Syngman Rhee) часто заявлял о своем желании и готовности объединить Корею силой. 26 июня газета «Нью-Йорк таймс» напомнила своим читателям: «Д-р Ли и в ходе нескольких встреч заявлял о том, что его армия перейдет в наступление в случае согласия со стороны Вашингтона». Газета также отмечала, что перед началом войны «агрессивная риторика странным образом исходила преимущественно со стороны южно-корейских политических лидеров».

У Ли могла быть и другая веская причина спровоцировать полномасштабную войну, помимо вопроса объединения. 30 мая на юге Кореи прошли выборы в Национальное собрание, на которых партия Ли потерпела тяжелое поражение и потеряла контроль над парламентом. Как многочисленные государственные деятели до и после него, Ли, возможно, решил разыграть военную карту, чтобы укрепить свое шаткое правление. Советник по труду при американской миссии в Корее Стэнли Эрл (Stanley Earl), ушедший в июле в отставку, выразил свое мнение о южнокорейском правительстве как о «репрессивном режиме», который «делал очень мало для помощи людям», и «если бы Северная Корея не вторглась, режим Ли был бы сметен восстанием в самой Южной Корее» [6].

Советский лидер Никита Хрущев в своих мемуарах пишет, что северо-корейцы действительно рассматривали возможность вторжения на Юг. Он рассказывает об их фактическом вторжении безо всякого упоминания о провокации в тот день. Казалось бы, это дает ответ на поставленный вопрос, однако глава о Корее из книги Хрущева весьма поверхностна. Это не является серьезным историческим исследованием, да и не может им быть. Как утверждает сам Хрущев: «Мои воспоминания о корейской войне неизбежно отрывочны» (он стал советским лидером уже после войны). Его глава о Корее не содержит никаких обсуждений предыдущих боевых действий вдоль границы, нет в ней упоминаний об агрессивной риторике Ли Сын Мана, в ней даже не упоминается ставшее решающим отсутствие Советского Союза на заседании Совета Безопасности ООН, которое, как мы увидим, позволило сформировать так

называемые войска ООН и вмешаться в военный конфликт. Кроме того, его опубликованные воспоминания являются отредактированной и ужатой версией сделанных им аудиозаписей. Исследование, основанное на сравнении расшифровок аудиозаписей и английского перевода книги, демонстрирует, что рассуждения Хрущева о Корее действительно отрывочны, но книга не воспроизводит их. Например, северокорейский лидер Ким Ир Сен встречался со Сталиным, чтобы обсудить с ним свое намерение «пронзить Южную Корею острием штыка». В книге однозначно говорится о том, что «Ким Ир Сен отправился домой, а затем, приняв решение, вернулся в Москву». Однако в расшифровке аудиозаписи Хрущев говорит: «По-моему, была назначена дата его возвращения, или он должен был сообщить нам, когда примет решение. Не помню точно месяц и год, когда Ким Ир Сен приехал и обсудил свой план со Сталиным» [7].

26 июня США предоставили Совету Безопасности ООН резолюцию, осуждающую Северную Корею за ее «неспровоцированную агрессию». Резолюция была одобрена, хотя и высказывались аргументы, что борьба «между корейцами» должна рассматриваться как гражданская война, а также мнение египетского делегата о том, что следует убрать слово «неспровоцированная», поскольку боевые действия между двумя Кореями продолжались уже давно [8].

Югославия настаивала на том, что «нехватка точной информации не позволяет СБ ООН возложить ответственность на одну из сторон», и предлагала пригласить северокорейскую сторону, чтобы она высказала свою версию произошедшего [9]. Но этого не было сделано. Три месяца спустя министр иностранных дел СССР предложил выслушать обе стороны, но и это предложение было отвергнуто с перевесом в 46 голосов против шести из-за того, что северокорейцы являлись «агрессорами»; в результате приглашение коснулось только Южной Кореи [10].

27 июня СБ ООН рекомендовал странам – членам ООН начать поставки помощи для Южной Кореи, которая необходима для «отражения агрессии». Президент Трумэн уже привел ВМС и ВВС в состояние боевой готовности, тем самым поставив Совет перед свершившимся фактом [11]. Тем самым США использовали тактику, к которой не раз прибегали в случаях, когда в той или иной стране шла война и конца ее не было видно. Совет принял свое историческое решение, основываясь на минимальном объеме информации, специально отобранной для него одной из сторон конфликта. Это было, как выразился журналист И. Ф. Стоун (I. F. Stone), «ни благородно, ни мудро».

Нужно учитывать, что в 1950-е годы ООН не была нейтральной или сбалансированной организацией. Значительное число ее членов зависело от США в вопросах восстановления и развития экономики. Не было блока стран третьего мира, который годы спустя начал проводить гораздо более независимую от США политику. А входившие в ООН четыре страны советского блока не были членами Совета Безопасности [12].

Генеральный секретарь ООН, норвежец Трюгве Ли (Trygve Lie) также не мог расцениваться как нейтральный арбитр в хитросплетениях холодной войны. В своих мемуарах он с поразительной ясностью показывает, что не был сторонним наблюдателем. Его главы о корейской войне – это чистой воды антикоммунизм, хорошо показывающий его маневрирования в этом вопросе [13]. Позже стало известно, что в 1949 году Ли вступил в тайный сговор с Госдепом США, чтобы изгонять из рядов ООН людей, демонстрировавших, по мнению Вашингтона, сомнительные политические взгляды [14].

Принятие подобных резолюций СБ ООН было возможно только в силу того, что Советский Союз бойкотировал его заседания, так как протестовал против того, что Китай в ООН представлен не коммунистическим Китаем, а Тайванем. Если бы русские присутствовали, они без сомнения наложили бы вето на эти резолюции. Их отсутствие всегда создавало некоторую неловкость для тех, кто объяснял северокорейскую агрессию советским влиянием. Как говорится в одной из памятных записок ЦРУ, одно из наиболее распространенных объяснений

сводилось к тому, что «русские бросили вызов США, чтобы проверить на прочность американское сопротивление коммунистической экспансии» [15]. Поскольку за время существования Советского Союза тот же самый тезис выдвигался во время каждого столкновения США с левыми силами в любой части света, до и после корейской войны, казалось, что проверка на прочность слишком затянулась и можно задаться вопросом: «Почему Советы так и не пришли ни к каким выводам?».

«Последним штрихом, – писал Т. Ф. Стоун, – должно было стать подчинение миротворческих сил ООН Макартуру. Макартур же ООН не подчинился. Это было сделано 7 июля в резолюции, представленной совместно Англией и Францией. Обычно таким образом предполагалось установление командования ООН. В действительности ничего подобного сделано не было» [16]. Резолюция рекомендовала «всем странам-участникам, обеспечивающим военную и иную поддержку, перевести свои войска и иные виды поддержки под объединенное командование Соединенных Штатов». Кроме того, резолюция требовала от «США назначить командующего этими силами» [17]. Им должен был стать доблестный Макартур.

Предстояло очередное американское шоу. В операции принимали участие военнослужащие из 16 стран, но, за исключением южнокорейцев, не могло быть никаких сомнений относительно их истинного статуса и функций. Позже Эйзенхауэр писал в своих мемуарах, что когда планировал военное вторжение США во Вьетнам в 1954 году, также как часть «коалиционных усилий», он признавал, что тяжесть операции ляжет на США, «однако символические силы, предоставленные другими странами, как в Корее, придадут моральную репутацию мероприятию, позволяя не рассматривать его как бесчеловечный пример империализма» [18].

Война, воистину исполненная жестокости, велась якобы в защиту режима Ли Сын Мана. Помимо южнокорейских правительственных публикаций, будет трудно найти хотя бы одно доброе слово об этом человеке, которого американцы вернули в Корею в 1945 году после многолетнего изгнания в США во время оккупации Японией его страны. Прибыв в Корею на одном из самолетов Макартура, Ли вскоре приобрел известность и авторитет благодаря американской военной администрации в Корее (USAMGIK). В процессе его утверждения американцам пришлось подавить временное правительство Корейской Народной Республики (КНР), которое было сформировано региональными правительственными комитетами из числа известных корейцев и уже выполняло административные задачи, такие как распределение продовольствия и поддержание правопорядка. Предложение временного правительства о сотрудничестве было отвергнуто прибывшими американцами сразу же.

Несмотря на кажущееся коммунистическим название, в составе правительства КНР было довольно много консерваторов, да и самому Ли предоставили пост почетного президента. Конечно, для Ли и других консерваторов, которых выбрали в правительство, пока они находились за границей, оно действительно могло показаться слишком левым, как и для высшего руководства американской военной администрации. Но после 35 лет японской оккупации любая группа или правительство, выступающие против колониального гнета, должны были иметь некоторый революционный оттенок. Среди них были и те из консерваторов, кто сотрудничал с японцами, а также левые и националисты, которые с ними боролись, – все они входили в состав правительства КНР, которое, как сообщалось, было популярнее остальных политических группировок [19].

Какими бы ни были политические пристрастия и идеи правительства КНР, американская военная администрация, отказывая ему в «законности, статусе либо форме» [20], регулировала корейскую внутривнутриполитическую жизнь таким образом, будто страна была поверженным врагом, а не дружественным государством, освобожденным от общего врага и имеющим право на независимость и самоопределение.

Принижение значения правительства КНР со стороны американцев этим не ограничилось. Джон Гюнтер, которого вряд ли можно отнести к радикалам, охарактеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Итак, первый и наилучший шанс для создания единой Кореи был отброшен» [21]. Альфред Крофте (Alfred Crofts), член американской военной администрации, писал в то же время: «Организация, имевшая потенциал к объединению страны, стала в результате лишь одной из 54 разобренных групп на политическом небосклоне Южной Кореи» [22].

Ли Сын Ман был человеком Вашингтона: убежденный проамериканец, решительный антикоммунист и в достаточной степени управляемый человек. Его режим прекрасно подходил для землевладельцев, коллаборационистов, крупных собственников и других консервативных элементов. Крофте отмечал: «До высадки американцев вряд ли бы могли существовать в Корее политические правые, идеология которых ассоциировалась с колониализмом; но вскоре после высадки мы были вынуждены поддерживать по меньшей мере три консервативные фракции» [23].

Стремясь установить свободные рыночные отношения, американская военная администрация в огромном объеме распродала конфискованную у японцев собственность, дома, предприятия, производственное сырье и другие ценности. Естественно, покупать это могли коллаборационисты, разбогатевшие при японцах, и другие спекулянты. «Учитывая, что фактически на разграбление была отдана половина богатства страны, деморализация общества распространялась стремительными темпами» [24].

В то время как русские на Севере проводили тщательные чистки среди корейцев, сотрудничавших с японцами, американская военная администрация на Юге позволяла занимать административные должности не только коллаборационистам, но поначалу и самим японцам, к ужасу тех, кто сражался против японской оккупации. С одной стороны, этих людей могли оставлять на управляющих должностях, поскольку они были самыми опытными управленцами в стране, а с другой – такая мера позволяла предотвратить консолидацию власти в КНР [25].

В то время как на Севере прошла повсеместная и эффективная земельная реформа, а также было провозглашено, по крайней мере формальное, равенство для женщин, режим Ли не предпринимал подобных шагов. Лишь два года спустя была начата земельная реформа, но она коснулась только бывшей японской собственности. Закон 1949 года о переделе прочих земельных владений не был обеспечен правовой защитой, и эксплуатация арендаторов продолжалась как в старых, так и новых формах [26].

Общественное возмущение действиями режима США/Ли было связано с провалом этих реформ, а также с подавлением деятельности КНР и весьма сомнительно проведенными выборами. Ли слишком долго отказывался от проведения честных выборов, вызвав в начале 1950-х годов недовольство США; официальные лица Вашингтона пригрозили ему урезать помощь в случае такого отказа, а также если не будет улучшения ситуации с гражданскими свободами. Очевидно, вследствие такого давления выборы 30 мая прошли относительно честно – в них позволили участвовать «умеренным» элементам, что и привело к отмеченному ранее решительному поражению правительства Ли [27].

Недовольство проявлялось в виде частых восстаний, включая партизанскую войну в горах, с 1946 года до начала войны, а иногда и во время войны. Правительство считало, что к этим восстаниям народ «подстрекали коммунисты», и подавляло их соответствующим образом. Джон Гюнтер заметил по этому поводу: «Можно уверенно говорить, что в глазах Ходжа (Hodge – командующий вооруженными силами США в Корее) и Ли, особенно поначалу, практически любой кореец, не придерживавшийся крайне правых взглядов, выглядел коммунистом и потенциальным предателем» [28].

Генерал Ходж, несомненно, позволял американским войскам принимать участие в операциях по подавлению беспорядков. Корреспондент газеты «Чикаго сан» (Chicago Sun) в Корее

Марк Гейн (Mark Gayn) писал, что американские солдаты «стреляли по толпам людей, проводили массовые аресты, прочесывали холмы в поисках подозреваемых, а также организовывали отряды корейских правых и полиции для проведения массовых рейдов» [29]. Гейн сообщал, что один из политических советников Ходжа уверял его (Гейна), что Ли не был фашистом: «Ему еще два века до фашизма – он чистый консерватор» [30].

Описывая антипартизанскую кампанию правительства в 1948 году, прозападный политолог Джон Ки-Чанг О (John Kie-Chiang Oh) из Университета Маркетт (Marquette University) писал: «В ходе этой кампании игнорировались гражданские свободы бесчисленного количества людей. Часто несчастных крестьян, подозревавшихся в пособничестве партизанам, без суда и следствия уничтожали» [31].

Год спустя, когда комитет Национального собрания начал расследование деятельности коллаборационистов, Ли организовал полицейский налет на собрание. Были арестованы 22 человека, 16 из которых пострадали от травм: переломов ребер, повреждений черепа и порванных барабанных перепонок [32].

На момент начала войны, в июне 1950 года, в южнокорейских тюрьмах содержались около 14 тысяч заключенных [33].

Даже в разгар войны, в феврале 1951 года, как сообщал профессор Джон Ки-Чанг О, произошел Кочангский инцидент (Koch'ang Incident), в ходе которого около 600 мужчин и женщин разных возрастов, подозревавшихся в помощи партизанам, были загнаны в узкую долину и расстреляны из пулеметов подразделением южнокорейской армии [34].

В ходе войны каждая из сторон обрушивала на противоборствующую множество обвинений в жестокости и зверствах по отношению к военнослужащим, военнопленным и гражданским лицам во всех частях страны (каждая из сторон временами оккупировала территорию неприятеля). Стороны пытались превзойти друг друга в словесных баталиях, иногда более жарких, чем настоящие бои. В США это привело к появлению мифов, которые мало чем отличались от возникавших в ходе других войн. Во время войны во Вьетнаме, наоборот, появлению пропагандистских мифов противостояли многочисленные высокообразованные противники войны, которые тщательно изучали ее начало, отслеживали ее ход и предавали свои исследования гласности, противопоставляя их официальной версии, что в конечном итоге влияло на СМИ, вынуждая их делать то же самое.

Например, считалось, что все акты жестокости в войне совершались исключительно северокорейцами. Упомянутый выше инцидент в Кочанге можно противопоставить этому утверждению. Что касается данного инцидента, британский исследователь Кореи Джон Халлидей (Jon Halliday) отмечал:

«Этот случай не только показывает нам действительный уровень политического насилия со стороны ООН, но также подтверждает убедительность обвинений, выдвинутых КНДР и южнокорейскими оппозиционерами в отношении сил ООН и должностных лиц режима Ли, замешанных в массовых преступлениях во время оккупации КНДР в конце 1950 года. В конце концов, если гражданские лица могли уничтожаться на Юге даже по подозрению в пособничестве партизанам (только в пособничестве, а не в партизанской деятельности), что же говорить о Севере, где миллионы вполне обоснованно могли быть коммунистами или политическими боевиками?» [35]

Сообщение Джона Ки-Чанга О является лишь одним из многочисленных докладов об уничтожении южнокорейцами собственных граждан во время войны. Газета «Нью-Йорк таймс» в декабре 1950 года сообщила о череде казней в Сеуле, совершенных южнокорейскими правительственными силами [36]. Корреспондент Би-би-си в Корею Рене Катфорт (Rene

Cutforth) позже описывал «внесудебные расстрелы гражданских лиц, названных полицией «коммунистами». Расстрелы обычно производились на рассвете на любом пустыре, где можно было вырыть траншею и выстроить перед ней в ряд заключенных» [37]. Грегори Хэндерсон (Gregory Henderson), американский дипломат, прослуживший в Корее семь лет, в 1940—1950-х годах, заявлял, что «вероятно, более 100 тысяч человек было убито без суда и следствия» силами Ли в Южной Корее во время войны [38]. После нескольких случаев резни гражданского населения в Южной Корее правительство Ли Сын Мана переложило ответственность за эти инциденты на северокорейцев.

Еще одним способом, которым США напрямую внесли свой вклад в уровень жестокости в этой войне, было применение оружия, которое хоть и использовалось на заключительном этапе Второй мировой войны (и еще в Греции), но было невиданным для всех наблюдателей и участников корейской войны. Это был напалм. Вот как описывает последствия от его применения газета «Нью-Йорк таймс»:

«Бомбардировке с применением напалма была подвергнута деревня три или четыре дня назад, во время наступления китайцев. В деревне не было похорон, потому что в живых никого не осталось... Мертвые жители в деревне и на полях находились в тех же позах, когда их настиг удар: мужчина, пытавшийся сесть на велосипед, полсотни мальчиков и девочек, игравших в приюте, домохозяйка, в руке которой осталась страница из каталога Sears-Roebuck, на которой карандашом обведена «очаровательная пижама кораллового цвета за три доллара» с номером заказа на высылку товара по почте. В этой деревушке было почти две сотни погибших» [39].

США, возможно, также вели бактериологическую войну против Китая и Северной Кореи, о чем рассказывалось ранее, в главе о Китае.

В то же самое время ЦРУ планировало убийство северокорейского лидера Ким Ир Сена (Kim Il Sung). Из Вашингтона к Хансу В. Тофту (Hans V. Tofte), агенту ЦРУ в Японии, был направлен индеец-чироки по прозвищу Баффало (Buffalo), который согласился стать убийцей. В случае успешного выполнения этой операции Баффало должен был получить значительную сумму денег. Операция провалилась, и дальнейшие подробности этого инцидента неизвестны [40].

Еще одним распространенным в США мифом было убеждение в том, что американские военнопленные умирали, как мухи, в северокорейских лагерях из-за халатности и жестокости коммунистов. Это эмоциональное утверждение разжигалось склонностью должностных лиц США к завышению цифр. Например, в ноябре 1951 года, задолго до конца войны, американские военные заявляли, что в лагерях погибли от пяти до восьми тысяч военнопленных [41]. Однако тщательное исследование, проведенное американской армией спустя два года после войны, показало, что в ходе всего конфликта погибли 2730 военнопленных (из 7190 человек, оказавшихся в лагерях; неизвестное количество военнослужащих вообще не попали в лагерь, поскольку они были расстреляны прямо на поле боя из-за нежелания возиться с ними – такая практика применялась обеими сторонами).

В исследовании делается вывод, что высокая смертность не связана с коммунистической жестокостью – она могла быть вызвана невежеством и черствостью самих заключенных [42]. Под черствостью подразумевается нехватка у солдат морали и духа коллективизма. Хотя это и не было отмечено в исследовании, но северокорейцы утверждали, что часть американских военнопленных погибла в результате американских же бомбардировок.

Это исследование, конечно, не могло идти ни в какое сравнение с паническими заголовками, которыми три года пичкали западный мир. Не афишировался и тот факт, что куда

большее число северокорейских военнопленных погибло в американских и южнокорейских лагерях. Только в середине войны их число официально составило 6600 человек [43]. Следует отметить, что в этих лагерях содержалось значительно большее число заключенных, чем на Севере.

Кроме того, американская общественность пребывала в уверенности, что американские военнопленные подвергались промывке мозгов со стороны китайцев и северокорейцев. Только так можно было объяснить тот факт, что 30 % американских военнопленных в той или иной форме сотрудничали с врагом и каждый седьмой, то есть более 13 процентов военнопленных, был виноват в серьезном коллаборационизме, таком как написание предательских брошюр или согласие шпионить на коммунистов после войны [44]. Другой причиной, по которой тема промывки мозгов широко поддерживалась, была уверенность Вашингтона в том, что такая версия позволит обесценивать те заявления ветеранов войны, которые будут расходиться с официальной версией.

По словам психиатра Йельского университета Роберта Дж. Лифтона (Robert J. Lifton), промывка мозгов, по общераспространенному мнению, была «всемогущим, непреодолимым, непостижимым и волшебным методом достижения контроля над человеческим разумом» [45]. Хотя ЦРУ и само разрабатывало такое «волшебство» с начала 1950-х годов, но ни Управлению, ни северокорейцам, ни китайцам преуспеть в этом вопросе не удалось. ЦРУ начало свои эксперименты по контролю над поведением и по управлению сознанием на людях (вероятно, подозреваемых в двойном шпионаже), используя наркотики и гипноз в Японии в июле 1950 года, вскоре после начала корейской войны. Уже в октябре в качестве объектов для экспериментов, по всей видимости, использовались северокорейские военнопленные [46]. В 1975 году капитан-лейтенант ВМС США и военный психолог Томас Нэрут (Thomas Narut) рассказывал, что его работа в те годы заключалась в исследовании состояний, способных вынудить военнослужащих, обычно к убийству не склонных, к его совершению при определенных обстоятельствах. Нарут добавил, что из военных тюрем были освобождены признанные виновными убийцы, чтобы стать убийцами на поле боя [47].

«Промывание мозгов, – говорится в армейском исследовании, – стало расхожей фразой, используемой для очень многих вещей, так что у этой фразы больше нет точного значения», а «точное значение в этом случае необходимо» [48].

«Заключенные, насколько стало известно армейским психиатрам, не подвергались процедурам, которые можно было бы охарактеризовать как «промывание мозгов». В действительности обращение коммунистов с заключенными, хотя и не отвечало требованиям Женевской конвенции, редко было связано с откровенной жестокостью, будучи вместо этого весьма оригинальной смесью мягкости и давления... Коммунисты редко использовали физические пытки... и армейскими специалистами не было зафиксировано ни одного достоверного случая использования пыток с целью вынудить человека сотрудничать или принять коммунистические убеждения» [49].

Однако, согласно исследованию, некоторые американские летчики из девяноста, попавших в плен, были подвергнуты физическому насилию с целью добиться признаний о применении ими биологического оружия. Это могло означать либо суровое негодование коммунистов по поводу использования такого оружия, либо потребность получить некое подтверждение ложного или сомнительного заявления.

Американские военнослужащие были также подвергнуты политической и идеологической обработке их тюремными надзирателями. Вот как это выглядело в глазах американских военных:

«В лекциях по идеологической обработке коммунисты часто показывали карту мира, усеянную нашими военными базами, названия которых были хорошо известны многим пленным. «Видите эти базы? – говорил инструктор,

показывая на карте указкой. – Это – американские базы, напичканные оружием. Вы знаете, что они американские. И как вы видите, они окружают Россию и Китай. У России и Китая нет ни одной базы за пределами собственной территории. Отсюда становится ясно, какая именно страна разжигает войны. Неужели Америка строила бы эти базы и тратила миллионы на их обслуживание, если бы она не готовилась к войне с Россией и Китаем?» Этот аргумент казался правдоподобным многим заключенным. В общем случае они понятия не имели, что эти базы отражали не желание Соединенных Штатов войны, но их желание мира, что базы были развернуты как часть соглашений, нацеленных не на завоевание, а на ограничение красной агрессии» [50].

Китайские коммунисты, конечно, не изобрели эту практику. Во время американской Гражданской войны военнопленные и Юга, и Севера подвергались идеологической обработке в отношении соответствующих достоинств обеих из сторон. И во время Второй мировой войны «курсы демократизации» проводились в американских и британских лагерях для военнопленных немцев, и исправившимся немцам предоставлялись привилегии. Кроме того, американская армия с гордостью заявляла, что коммунистических заключенных в американских лагерях во время корейской войны учили тому, «что значит демократия» [51].

Предсказанная китайская агрессия проявилась спустя приблизительно четыре месяца после начала войны в Корее. Китайцы вступили в войну после того, как американские самолеты несколько раз нарушили их воздушное пространство, неоднократно бомбили и обстреливали китайскую территорию (каждый раз «по ошибке»), когда в опасности оказались гидроэлектростанции на корейской стороне границы, жизненно важные для китайской промышленности, а американские и южнокорейские силы в нескольких местах подошли к китайской границе – реке Ялу.

Напрашивается вопрос: как долго Соединенные Штаты могли бы воздерживаться от вступления в войну, если заморская коммунистическая военная мощь высадилась бы в Мексике, обстреливала бы и бомбила приграничные города в Техасе, развернулась вдоль Рио-Гранде под командованием генерала, напрямую угрожавшего войной против Соединенных Штатов?

Американские ВВС в Корее внушали страх одним своим видом. Как и во Вьетнаме, они славились ковровыми бомбардировками с применением напалма, стиранием с лица земли «подозреваемых в помощи врагу» деревень, бомбардировками городов с целью уничтожения всей инфраструктуры, разрушением дамб и плотин для нанесения вреда ирригационной системе, зачисткой рисовых полей, использованием выражений «тактика выжженной земли», «бомбометание со сплошным поражением» и «операция» Убийца» [52].

«Вы можете распрощаться с этими деревнями!» – кричал капитан Эверетт Л. Хандли (Everett L. Hundley) из Канзас-Сити, штат Канзас, после авиационного налета [53].

«Я бы сказал, что весь, почти весь Корейский полуостров представляет собой ужасное месиво, – свидетельствовал перед сенатом генерал-майор Эмметт О’Доннелл (Emmett O’Donnell) в конце первого года войны. – Все разрушено. Ничего не выстояло» [54].

Вот слова из уважаемого британского военного справочника *Brassey’s Annual* издания 1951 года:

«Не будет преувеличением заявить, что Южная Корея больше не существует как страна. Ее города разрушены, большая часть средств к существованию уничтожена, а население сократилось до состояния угрюмой массы, зависящей от милостыни и беззащитной перед подрывным влиянием.

После окончания войны нельзя будет ожидать от жителей Южной Кореи какой-либо благодарности, но нужно надеяться, что этот урок научит тому, что нет ничего бесполезнее и хуже, чем разрушение ради освобождения. Конечно, Западная Европа никогда не приняла бы такое «освобождение» [55].

Но наиболее жестокие и разрушительные бомбардировки были еще впереди. Начиная их летом 1952 года, Вашингтон ставил целью занять более выгодную позицию на переговорах с коммунистами по обсуждению перемирия, продолжавшихся в течение всего года, пока бушевали бои. Затянувшиеся и ожесточенные переговоры дали начало другому распространенному на Западе убеждению: причина срыва переговоров и продолжения войны – в непримиримости коммунистов, их двуличии, отсутствии у них мирных намерений.

Это длинная и запутанная глава корейской военной истории, но при ее исследовании нельзя не обнаружить простой факт, что преграды возводились и антикоммунистической стороной. Ли Сын Ман, например, был настолько категорично настроен против любого результата, кроме полной победы, что администрации и Трумэна, и Эйзенхауэра составляли планы по его свержению [56] – что вовсе не означает, что американские посредники вели переговоры из лучших побуждений. Меньше всего они хотели получить обвинения в том, что они позволили «коммунякам» сделать из себя слабаков. Таким образом, в ноябре 1951 года «Нью-Йорк таймс» написала:

«Все больше увеличивается число тех [американских солдат в Корее], кто видит ситуацию в неприкрашенном виде, а именно то, что коммунисты пошли на значительные уступки, в то время как командование сил Организации Объединенных Наций, как им это видится, продолжает выдвигать все больше и больше требований... Действия миротворцев ООН создают впечатление, что они резко меняют свою позицию всякий раз, когда коммунисты показывают, что готовы согласиться с ней» [57].

Однажды во время этого периода, когда коммунисты предложили объявить перемирие и отвести войска с линии фронта на время ведения переговоров, командование сил Организации Объединенных Наций (UNC) среагировало так, как будто это было агрессивным и непорядочным актом. «Сегодняшнее заявление коммунистов, – говорилось в документе UNC, – было фактически отказом от их ранее изложенной позиции о том, что военные действия должны продолжаться во время переговоров о перемирии» [58].

Когда-то давно в Соединенных Штатах шла гражданская война, в которой Север попытался воссоединить разделенную страну с помощью военной силы. Разве Корея, или Китай, или любая другая иностранная держава послали в США свою армию для убийства американцев, обвинив при этом Линкольна в агрессии?

Почему Соединенные Штаты решили развязать полномасштабную войну в Корее? Лишь годом ранее, в 1949 году, Организация Объединенных Наций при поддержке США вмешалась в арабо-израильский конфликт в Палестине и в пакистано-индийскую войну в Кашмире, добившись перемирия, но не посылая туда свою армию, не вставая на чью-либо сторону и не расширяя масштаб боевых действий. Оба этих конфликта были меньше похожи на гражданскую войну, чем война в Корее. Если бы ответные действия США/ООН были такими же в случае с Палестиной и Кашмиром, возможно, Палестину и Кашмир ждала бы участь Кореи – пустыни с выжженной землей. То, что их спасло, что не пустило американские вооруженные силы принять участие в этих войнах, было отсутствие коммунистического участия в этих конфликтах.

6. Албания, 1949–1953

Настоящий английский шпион

Один из биографов Кима Филби писал: «Вне всяких сомнений, одновременное планирование и саботаж этой заранее обреченной на неудачу авантюры оказались суровой проверкой его работоспособности и изобретательности» [1]. Под авантюрой подразумевалась тайная попытка США и Великобритании с помощью партизанских действий свергнуть в 1949 году просоветский режим Энвера Ходжи.

Авантюра закончилась провалом. Отчасти потому, что советская сторона была заранее предупреждена Филби – настоящим английским джентльменом, получившим надлежащее образование и сумевшим проникнуть в высшие эшелоны британской и американской разведок. Он стал советским шпионом уже в возрасте 21 года.

Филби переехал в Вашингтон за год до этого, где начал обеспечивать взаимодействие между британской Секретной разведывательной службой (SIS) и ЦРУ. Он был одним из руководителей объединенной оперативной группы SIS и ЦРУ, планировавшей операцию в Албании. Выбор пал на Албанию, поскольку она считалась самой уязвимой из стран социалистического лагеря, была самой маленькой и самой отсталой. Страна не имела общей границы с Советским Союзом и была изолирована между подконтрольной США Грецией и «сбежавшей» из советского блока Югославией. Кроме того, еще не успели высохнуть подписи под договором между Советским Союзом и Албанией, который регламентировал предоставление Албании помощи в обмен на право строительства Москвой базы подводных лодок с непосредственным выходом к Средиземному морю [2]. Следуя правилам и логике холодной войны, США должны были этому воспрепятствовать.

Оперативная группа начала свою работу с вербовки албанских эмигрантов в Италии, Греции и других странах. Они проходили базовую военную подготовку, включавшую навыки партизанской и разведывательно-диверсионной деятельности, в тренировочных лагерях на Мальте – в то время британской колонии, а также в американской оккупационной зоне в Западной Германии. Небольшое количество эмигрантов проходили подготовку на территории самой Великобритании [3]. Глава секретных операций ЦРУ Фрэнк Виснер (Frank Wisner) признался Киму Филби: «Всякий раз, когда мы планируем вести подрывную деятельность где-либо, мы обнаруживаем, что под боком у нас есть англичане со своим собственным островом» [4].

На протяжении трех с половиной лет эмигрантов периодически засылали на родину. Они проникали в Албанию через горы Греции, прыгали с парашютами с самолетов, взлетающих с баз в Западной Европе, а также высаживались на побережье морскими судами, направлявшимися из Италии. Американские самолеты и аэростаты разбрасывали пропагандистские листовки, а также товары и продукты питания, которые были в дефиците в Албании: муку, халву, швейные иглы и лезвия для бритв. Все товары имели наклейки, извещавшие, что это подарки от «Албанского фронта национального освобождения». Это лишний раз подтверждает, какие утонченные «маркетинговые» уловки предпринимало ЦРУ – дитя своей страны – в ходе проведения многих своих операций [5].

В общих чертах план заключался в следующем. Подготовленные диверсанты должны были отправиться в свои родные места и попытаться разжечь антисоветские и антикоммунистические настроения, чтобы в конечном итоге поднять восстание. Они должны были распространять пропагандистские материалы, собирать информацию политического, экономического и военного характера, участвовать в саботаже, вербовать в свои отряды людей и снабжать их необходимым снаряжением и средствами. Впоследствии приток новых людей и накапливание

материально-технических средств должны были превратить эти отряды в «центры сопротивления» [6].

Во времена холодной войны была принята точка зрения, что народные массы Восточной Европы только и ждут, когда их поднимут на открытое восстание ради их же свободы. Даже если бы так оно и было, выбор средства для «воспламенения» народного недовольства был крайне сомнителен, поскольку среди партизан находилось много таких, кто поддерживал идеи реставрации албанской монархии в лице реакционного короля Зогу, находившегося в то время в изгнании, а также тех, кто сотрудничал с итальянскими фашистами и нацистами во время оккупации Албании в ходе Второй мировой войны.

Безусловно, в эмигрантских комитетах были и люди с республиканскими и демократическими взглядами, но рассекреченные позже документы Государственного департамента США свидетельствуют, что известные албанские коллаборационисты играли ведущую роль в формировании этих комитетов. Госдепартамент считал, что эти коллаборационисты, имевшие «неоднозначное» политическое прошлое, «могли рано или поздно поставить в затруднительное положение правительство страны». Несмотря на возражения внешнеполитического ведомства, официальный Вашингтон сотрудничал с ними, оправдывая свои действия «соображениями разведки». Одним из таких людей с неоднозначным политическим прошлым был Джафер Дева (Xhafer Deva), занимавший пост министра внутренних дел во время итальянской оккупации. Он был ответственен за депортацию «евреев, коммунистов и подозрительных лиц» (об этом говорилось в захваченном рапорте нацистов) в фашистские лагеря смерти в Польшу [7].

От имени финансируемого ЦРУ «Национального комитета за свободную Албанию» внутри страны начала вещание мощная подпольная радиостанция, призывавшая к освобождению страны из-под влияния Советского Союза. В начале 1951 года из Албании пришло несколько сообщений об организованном открытом сопротивлении и восстаниях [8]. В какой степени эти события стали следствием заброски в страну эмигрантов с Запада и агитации, установить невозможно. В целом, кампания имела весьма незначительные успехи. Ее преследовала путаница с тыловым обеспечением, а суровая реальность была такова, что албанцы встречали эмигрантов совсем не как освободителей – будь то из страха перед жестоким режимом Ходжи или потому, что поддерживали социальные изменения в стране и не верили тому, что им предлагали эмигранты.

Однако самым худшим было то, что албанские власти обычно, похоже, знали, где и когда появятся диверсанты. Ким Филби был не единственным возможным источником разоблачительной информации. Почти наверняка в рядах албанских групп находились эмигранты различных мастей, и их беспечные разговоры также привели задуманную авантюру к фиаско. Филби, отмечая привычку членов оперативной группы ЦРУ и SIS потешаться над албанцами, писал: «Даже в самые серьезные моменты мы, англосаксы, никогда не забывали, что наши агенты только что спустились с деревьев» [9].

Безопасность операции обеспечивалась с такой халатностью, что корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Сайрус Л. Сульцбергер (Cyrus L. Sulzberger) привел на страницах газеты несколько депеш из Средиземноморского региона, которые явно указывали на вмешательство во внутренние дела другой страны [10]. Но у статей не было ярких, привлекающих внимание заголовков, на этот счет не было сделано ни одного публичного комментария из Вашингтона, никто из репортеров не задавал государственным чиновникам никаких неудобных вопросов. Следовательно, для американцев это не было «событием».

Несмотря на один провал за другим и не ожидая кардинальных изменений в будущем, американцы продолжали операцию до весны 1953 года, когда сотни человек погибли или попали в тюрьмы. Назвать это просто навязчивой идеей – отрубить Сталину один из его пальцев – нельзя. На карту были поставлены профессиональный престиж и карьера. Видимый успех был необходим, чтобы «компенсировать прошлые потери» и «оправдать ранее принятые реше-

ния» [11]. А потерянные люди, в конце концов, были всего лишь албанцами, которые не говорили на языке английской королевы и еще толком не научились ходить прямо, по мнению англосаксонских столиц.

Была все же опасность, что эта операция может спровоцировать конфликт с Советским Союзом. СССР действительно отправил несколько новых истребителей в Албанию, очевидно, надеясь, что они помогут сбивать иностранные воздушные суда, сбрасывающие листовки и грузы [12]. Данная операция не могла не напомнить Сталину, Ходже и всему социалистическому лагерю о другой интервенции Запада в Советскую Россию, имевшую место тридцатью годами ранее. Она могла способствовать только еще большему нагнетанию «паранойи» по поводу намерений Запада и убедить их значительно усилить меры внутренней безопасности. В самом деле, все последующие годы Ходжа неоднократно вспоминал американское и британское «вторжение» и использовал его для оправдания своей изоляционистской политики.

В начале 1960-х годов Ходжа сам сделал то, что не удалось ЦРУ и SIS. Он вывел Албанию из советской зоны влияния. Албанский лидер очистил свое правительство от просоветских чиновников и переориентировал свою страну на Китай. Со стороны СССР никакого военного возмездия не последовало. В середине 1970-х Ходжа отказался ориентироваться и на Китай [13].

7. Восточная Европа, 1948–1956

Операция «Фактор раскола»

Впервые о Йозефе Святло (Jozef Swiatlo) стало известно 28 сентября 1954 года, когда он принял участие в пресс-конференции в Вашингтоне. Этот поляк был очень важным человеком, занимавшим высокий пост в министерстве общественной безопасности – главной спецслужбе Польши. Говорили, что он бежал в Западный Берлин в декабре 1953 года во время поездки по магазинам. На пресс-конференции Госдепартамент США представил его публике для того, чтобы он раскрыл тайну исчезновения семьи Филдов – американских граждан, пропавших в 1949 году. Святло показал, что Ноэль Филд (Noel Field) и его жена Герта (Herta) были арестованы в Венгрии, а их брата Германа Филда (Hermann Field) та уже участь постигла в Польше по приказу самого Святло. Аресты были произведены в рамках судебного процесса над одним из руководителей венгерских коммунистов. Госдепартамент к тому времени уже направил ноты протеста правительствам Венгрии и Польши [1].

Однако существует другая, более подробная и более мрачная версия истории Йозефа Святло. Согласно ей, еще в 1948 году в Варшаве, уже занимая свой высокий пост в министерстве общественной безопасности, Святло пытался переметнуться к англичанам. Те в силу ряда причин передали его дело американцам, и по требованию Аллена Даллеса (Allen Dulles) Йозефу Святло было приказано оставаться на своем посту до поступления дальнейших указаний.

В то время Даллес еще не был директором ЦРУ, но занимал пост доверенного консультанта в Управлении, имел на ключевых позициях своих собственных людей и ждал лишь наступления ноября, когда Томас Дьюи (Thomas Dewey) выиграет президентские выборы и назначит его на высшую должность. Неожиданное переизбрание Гарри Трумэна отсрочило это назначение на четыре года, но Даллес все-таки стал заместителем директора ЦРУ в 1951 году.

Ноэль Филд, в прошлом сотрудник дипломатической службы Госдепартамента, долгое время сочувствовал коммунистам и, возможно, был членом компартии в США или в Европе. Во время Второй мировой войны пути Филда и Даллеса пересеклись в полной интриг Швейцарии. Даллес работал в то время в Управлении стратегических служб (УСС), а Филд представлял Унитариянскую церковь в Бостоне, оказывая помощь беженцам, спасающимся от нацистской оккупации. Филд занимался этим с целью помочь беженцам-коммунистам, которых было великое множество, поскольку коммунисты стояли на втором после евреев месте в немецком списке преследуемых слоев общества. УСС оказывало финансовую поддержку этой операции. УСС считало коммунистов превосходным источником информации о событиях в Европе, представлявших интерес для Вашингтона и его союзников.

Ближе к концу войны Филд убедил Даллеса поддержать проект по заброске агентов в некоторые европейские страны с целью подготовить пути продвижения войск союзников. Все подбиравшиеся Филдом для заброски люди были, что неудивительно, коммунистами, и их работа в определенных странах Восточной Европы помогла им получить в свои руки власть еще задолго до того, как некоммунистические силы смогли перегруппироваться и самоорганизоваться.

Из этого можно сделать вывод, что Аллена Даллеса обвели вокруг пальца. Более того, УСС по наводке руководителя бернской резидентуры Даллеса и при участии Филда финансировало издание подпольной газеты в Германии. Антифашистская газета левого направления называлась «Нойес Дойчланд» (Neues Deutschland); сразу после освобождения страны газета стала официальным органом Социалистической единой партии Германии.

После войны такие инциденты воспринимались скорее как шутки, по достоинству оцениваемые разведками как Востока, так и Запада. Вскоре эта шутка аукнулась Ноэлю Филду.

Во время поездки Филда в Польшу в 1949 году польские власти отнеслись к нему с большим подозрением. На него смотрели как на человека, во время войны занимавшего должность, которая с легкостью могла быть использована для шпионажа в пользу Запада и предоставляла ему возможность постоянно контактировать с высокопоставленными членами коммунистической партии. Кроме того, он тесно работал с Алленом Даллесом, уже знаменитым в то время мастером шпионажа, и его братом Джоном Фостером Даллесом (John Foster Dulles), известным в официальных кругах Вашингтона и призывавшим уже в то время к «освобождению» стран советского блока.

Во время прибытия Филда в Польшу Йозеф Святло пытался сплести сеть вокруг Якуба Бермана (Jakub Berma), высокопоставленного партийного и государственного деятеля Польши, которого Святло подозревал и ненавидел. Именно неудачная попытка убедить польского президента предпринять против Бермана какие-либо действия вынудила Святло, по имеющимся сведениям, попытаться бежать из страны за год до этого. Когда Ноэль Филд обратился в своем письме к Берману с просьбой помочь найти работу в Восточной Европе, Святло, узнав об этом, усмотрел в этом свой шанс дискредитировать Бермана.

Однако сначала надо было изобличить Ноэля Филда как американского шпиона. Учитывая имеющиеся косвенные доказательства, как бы указывающие на это, для Святло с его высоким постом и скверным характером это было не слишком сложно сделать. Конечно, если бы Филд действительно работал на американскую разведку, Святло не мог бы его разоблачить, поскольку он, высокопоставленный сотрудник польской госбезопасности, теперь сам был американским агентом. Таким образом, свое первое сообщение он отправил в ЦРУ, представив свой план в отношении Бермана и Филда. Он также описал урон, который мог быть нанесен коммунистической партии в Польше. Сообщение он закончил вопросом: «Какие будут возражения?».

У Аллена Даллеса возражений не было. Он с большой радостью и удовольствием отреагировал на письмо Святло. Пришло время свести счеты с Ноэлем Филдом. И что более важно, Даллес разглядел в Святло, «разоблачившем» «американского шпиона» Филда, политический инструмент, с помощью которого можно было избавиться от большого количества коммунистических руководителей в советском блоке. Это могло привести весь блок в состояние острой паранойи и запустить волну репрессий и сталинской тирании, что, в свою очередь, привело бы к восстаниям. Операция «Фактор раскола» (Operation Splinter Factor) – так назвал Даллес свой план.

Итак, Йозеф Святло должен был искать шпионов по всей Восточной Европе. Он должен был раскрывать американские и британские планы, «троцкистские» и «титовские» заговоры. Он должен был докладывать самому шефу советской госбезопасности Лаврентию Берии, что в центре широкой сети находится человек по имени Ноэль Хэвилэнд Филд (Noel Haviland Field).

Филд был арестован и отправлен в тюрьму в Венгрии, как и его жена Герта, которая пришла на свидание с ним. И когда его брат Герман Филд попытался разыскать их двоих, его постигла та же участь в Польше.

Святло занимал уникальное положение для осуществления операции «Фактор раскола». Он обладал не только властными полномочиями, но и располагал сведениями на бесчисленное количество членов коммунистической партии в странах блока. Любые их контакты с Ноэлем Филдом, любые действия Филда могли быть интерпретированы как дело рук американской разведки или факт реальной либо потенциальной их измены социалистическому строю. В Советском Союзе и лично у Сталина возникла чрезвычайная заинтересованность в «филдистах». Ноэль Филд знал почти всех партийных деятелей в советском блоке.

В тех случаях, когда степень паранойи у молодых и неокрепших правительств Восточной Европы была недостаточно высока, американцы прибегали к следующим методам: двойной агент ЦРУ должен был «подтверждать» необходимую информацию или распускать нужные слухи в нужное время; масла в огонь могла подлить радиостанция ЦРУ «Свободная Европа», которая передавала провоцирующие и вроде бы секретные сообщения, или Лэнгли, откуда от лица «восточноевропейских экспатриантов» в США отправлялись письма, адресованные коммунистическим лидерам в их странах. Такие письма содержали определенную обрывочную информацию или фразу, тщательно составленную и предназначенную для того, чтобы вызвать подозрение у проверивших такие письма сотрудников госбезопасности.

Многие жертвы провокаций Святло находились во время войны на Западе, а не в Советском Союзе, поэтому их пути пересекались с Филдом. Это были люди, склонные к национал-коммунизму, желавшие сохранять большую дистанцию между своими странами и Советским Союзом, как это сделал в Югославии Тито, и ратовавшие за более либеральный режим у себя на родине. Даллес отмахнулся от доводов, что этих людей надо поддерживать, а не уничтожать. Он чувствовал, что потенциально они более опасны для Запада, потому что коммунизм, который они пропагандировали, мог позволить им укрепить свои позиции в странах Восточной Европы и стать респектабельной и приемлемой идеологией. Это особенно касалось Италии и Франции, где существовала угроза прихода коммунистов к власти после выборов, и необходимо было показать коммунизм с наилучшей стороны.

По всей Восточной Европе прошли сотни показательных процессов, порой напомиравших спектакли, в которых важную роль играло имя Ноэля Филда. Операция «Фактор раскола» запустила процессы, которые вскоре начали жить своей жизнью – начались аресты высокопоставленных лиц и рост подозрения к тем, кто был знаком с арестованными или назначен на свой пост кем-либо из них. Любые связи с арестованными могли стать поводом для обвинения еще нескольких человек.

Подобный Йозефу Святло агент был и в Чехословакии – высокопоставленный сотрудник чехословацкого аппарата госбезопасности. Человек, чье имя неизвестно, был завербован бывшим шефом нацистской разведки генералом Рейнхардом Геленом (Reinhard Gehlen), уехавшим после войны в США и работавшим на ЦРУ.

Самые ужасные события имели место в Чехословакии. К 1951 году там было арестовано невероятное количество членов Чехословацкой компартии – 169 тысяч человек, то есть 10 процентов от общего числа коммунистов страны. В Польше, Венгрии, Восточной Германии и Болгарии были арестованы десятки тысяч человек, сотни людей казнены, остальные умерли в тюрьмах или сошли с ума [2].

В декабре 1953 года, после побега Святло, восточноевропейские разведки осознали, что он все это время работал на врага. Спустя четыре недели после пресс-конференции Святло в Вашингтоне польское правительство заявило об освобождении Германа Филда, так как расследование показало, что обвинения, выдвинутые против него «американским агентом и провокатором» [3] Йозефом Святло, были «беспочвенными». Филду позже выплатили 50 тысяч долларов за его заключение и оплатили его реабилитацию в санатории [4].

Спустя три недели Ноэль и Герта Филд вышли на свободу в Венгрии. Венгерское правительство заявило, что не смогло подтвердить обвинения против них [5]. Им тоже выплатили компенсации, и они решили остаться в Венгрии.

Когда Ноэля Филда официально объявили невиновным, пришлось пересмотреть дела и многих других в Восточной Европе. Сначала тонкой струйкой, а потом целым потоком заключенные выходили на свободу. К 1956 году подавляющее большинство было выпущено из тюрем.

На протяжении первого послевоенного десятилетия ЦРУ раздувало огонь раздора в Восточной Европе и другими способами помимо операции «Фактор раскола». Радио «Свободная Европа» (см. главу 17), вещавшее из Западной Германии, не стеснялось опускаться до грязных приемов. Так, например, узнав в январе 1952 года о том, что руководство Чехословакии планирует девальвацию своей валюты, радио «Свободная Европа» сообщило об этом в своих трансляциях, что вызвало массовую панику, когда люди стали скупать все и вся [6]. Комментарии «Свободной Европы» по поводу различных европейских коммунистов описала Бланш Визен Кук (Blanche Wiesen Cook) в своем исследовании того периода под названием «Рассекреченный Эйзенхауэр». По ее словам, радиопередачи «включали в себя широкий спектр личной критики, кричащих и клеветнических нападок – от слухов о жестокости и пытках до искаженной информации о коррупции, безумии, извращениях и пороках. Использовалось все, что только можно представить, чтобы выставить коммунистов, где бы они ни находились – в Англии или в Польше, – недалекими, недостойными и ничтожными людьми» [7].

Когда речь заходила об оскорблениях в адрес коммунистов, в студию радиостанции «Свободная Европа» часто приглашали Йозефа Святло, которого прозвали «мясником» за его склонность к изощренным пыткам. Вряд ли стоит говорить, что рожденный заново «гуманист» никогда не упоминал ни об операции «Фактор раскола», ни о своей роли двойного агента, хотя некоторые из его передач пошли для польской системы безопасности на пользу [8].

Так или иначе, Соединенные Штаты стремились создать проблемы и нанести вред. Они поддерживали оппозиционные группы в Румынии [9], организовали подпольную радиостанцию в Болгарии [10], разбрасывали с воздуха над Венгрией, Чехословакией и Польшей пропагандистские материалы (за один день 11 августа 1951 года с помощью 11 тысяч воздушных шаров было сброшено 13 миллионов листовок) [11], занимались заброской людей (в Венгрии приземлились четыре американских летчика, которые, скорее всего, были оперативными сотрудниками разведки) [12].

В 1955 году восточных европейцев можно было встретить в Форт-Брэгге (Fort Bragg), в Северной Каролине. Там они вместе с зелеными беретами проходили специальную подготовку, изучали тактику партизанской войны, которую надеялись применить в странах Восточной Европы [13].

В следующем, 1956 году сотни венгров, румын, поляков и представителей других стран Восточной Европы проходили подготовку у специалистов ЦРУ по разведывательно-диверсионной деятельности на одном из секретных объектов в Западной Германии.

Когда в октябре 1956 года началось восстание в Венгрии, эти люди, как утверждает ЦРУ, не использовались, поскольку не были готовы. Но ЦРУ засылало своих агентов в Будапешт для налаживания связей с повстанцами и оказания помощи в организации восстания. В то же время радио «Свободная Европа» убеждало венгров продолжать сопротивление, предлагая тактические советы и обещая, что американская военная помощь уже в пути. Но помощь так и не пришла.

Доказательств того, что операция «Фактор раскола» способствовала венгерскому восстанию или более ранним восстаниям в Польше и Восточной Германии, не имеется. Тем не менее, ЦРУ отмечало, что антикоммунистическая пропаганда холодной войны победила благодаря развернувшейся на Востоке охоте на ведьм, стоившей многих человеческих жизней.

Постскриптум

В 1997 году по Закону о свободе доступа к информации автору этой книги удалось получить от ЦРУ документ – меморандум ЦРУ от 26 октября 1949 года, адресованный Государственному департаменту и ФБР и информирующий ведомства о следующем: «Управление получило информацию [удалено] Ноэль Филд и его жена арестованы [удалено]».

Второе удаление состоит из 11 знаков – в которые как раз вписывается «в Венгрии» (in Hungary). Ноэль Филд отбыл в Польшу в январе 1949 года и пропал в период между январем и датой меморандума ЦРУ. В течение последовавших пяти лет Государственный департамент США заявлял на весь мир, что ничего не знает о месте пребывания Ноэля и Герты Филд, и не предпринимал ничего в их поддержку. Вероятно, они узнали о судьбе Филдов от Святло, но не могли обнародовать информацию, чтобы не раскрыть наличие источника в самом центре восточно-европейских правительств.

8. Германия, 1950-е

Все средства хороши: от детской преступности до терроризма

За 30-летний период, ознаменовавшийся двумя мировыми войнами с Германией, Советский Союз потерял убитыми и ранеными более 40 миллионов человек. Страна лежала в руинах, а многие советские города были стерты с лица земли. В конце Второй мировой войны Советский Союз был не очень хорошо настроен по отношению к немцам. Восстановлению Германии СССР отводил второстепенное место, поскольку следовало думать о восстановлении своей собственной страны.

США вышли из войны с относительно небольшими потерями, а их территория не пострадала совсем. Они были готовы, могли и хотели посвятить себя реализации своей главной задачи в Европе – построить на Западе, в особенности в таком стратегическом районе, как Германия, антикоммунистический заслон.

В 1945 году бывший госсекретарь США Дин Ачесон (Dean Acheson) писал, что официальная американская политика заключалась в том, чтобы «заставить понять немцев, что им не избежать тех страданий, которые они принесли сами себе... [и] контролировать немецкую экономику... таким образом, чтобы не допустить в этой стране уровень жизни более высокий, чем в соседних странах» [1].

Ачесон добавлял, что «с самого начала» американские чиновники в Германии считали этот план «невыполнимым» [2].

Ачесон не объяснял, на чем основывается прогноз, но его правота скоро стала очевидной. Во-первых, влиятельные американские бизнесмены и финансисты (некоторые из них занимали важные государственные должности) слишком многое поставили на карту в Германии с высокоразвитой довоенной промышленностью, чтобы позволить этой стране утонуть в пучинах, обещанных ей некоторыми американскими политиками в качестве наказания. Во-вторых, возрожденная Западная Германия рассматривалась как необходимое средство для борьбы с советским влиянием не только в Восточном секторе оккупированной Германии, но и во всей Восточной Европе. Западная Германия должна была стать «витриной западной демократии» – ярким, живым доказательством превосходства капитализма над социализмом. Наконец, в-третьих, в американских консервативных кругах, равно как и в некоторых либеральных, считавших советское вторжение в Западную Европу все еще неизбежным, идея ограничения промышленного развития Западной Германии рассматривалась опасным делом, «играющим на руку коммунизму» [3]. Дуайт Эйзенхауэр позднее подтвердил последнее высказывание:

«Если бы определенные чиновники в администрации Рузвельта добились реализации своих предложений, Германия была бы в наихудшем положении – потому что среди них были те, кто отстаивал затопление рурских шахт, разрушение немецких заводов и превращение Германии из индустриальной в аграрную страну. Среди прочих именно это предлагал Гарри Декстер Уайт (Harry Dexter White). Генеральный прокурор США Браунелл (Brownell) позже назвал Уайта активным участником советской шпионской сети, действовавшей в американском правительстве» [4].

Таким образом, деиндустриализацию Западной Германии постигла та же участь, что и ее демилитаризацию, планировавшуюся на последующие годы, – США завалили страну массивной экономической помощью (4 миллиарда долларов в рамках плана Маршалла и несметное число промышленных и технических экспертов).

В то же время Советский Союз перекачивал на свою территорию массивную экономическую помощь из Восточной Германии. СССР демонтировал и перевез к себе целые заводы и фабрики с многочисленным оборудованием и техникой, тысячи километров железнодорожных рельсов. С учетом военных репараций плата Германии за военную авантюру достигла миллиардов долларов.

К началу 1950-х годов, несмотря на то что уровень социального обеспечения, занятость населения и культурная жизнь в Восточной Германии соответствовали западногерманскому уровню или превосходили его, Западный сектор имел превосходство в самых привлекательных сферах благосостояния. Так, зарплаты там были выше, питание лучше, потребительские товары более доступны, а неоновые огни обещали сладкую ночную жизнь на бульваре Курфюрстендамм.

Однако вашингтонские сторонники холодной войны, как будто недовольные окончательным счетом в игре, развязали грубую кампанию подрывной и диверсионной деятельности против Восточной Германии, призванную вывести из строя механизмы экономики и аппарата управления страной. ЦРУ и другие американские разведывательные и военные службы в Западной Германии (с периодической помощью коллег из британской разведки и западногерманской полиции) вербовали, оснащали, обучали и финансировали немецкие группы активистов и отдельных лиц с Запада и Востока. Найти и завербовать агентов для такого крестового похода было несложно, поскольку в послевоенной Германии антикоммунизм продолжал жить как единственный респектабельный пережиток нацизма.

Самая активная из таких групп под названием «Боевая группа против бесчеловечности» признавала, что получала финансовую поддержку от Фонда Форда и правительства Западного Берлина [5]. Впоследствии один из общественно-политических журналов в Восточном Берлине опубликовал копию письма от руководства Фонда Форда, в котором подтверждалось предоставление фанга на 150 тысяч долларов «Национальному комитету за свободную Европу», чтобы тот, в свою очередь, мог бы поддержать гуманитарную деятельность «Боевой группы против бесчеловечности» [6]. «Национальный комитет за свободную Европу» был одной из подставных организаций ЦРУ и управлял деятельностью радиостанции «Свободная Европа» [7].

Двумя другими группами, участвовавшими в кампании против Восточной Германии, были «Ассоциация политических беженцев с Востока» и «Следственный комитет свободомыслящих юристов из советской зоны». В сферу деятельности этих групп входил полный спектр операций от детской преступности до терроризма – использовались все средства, чтобы «представить «коммуны» в невыгодном свете». Эти и другие группы, направляемые ЦРУ, осуществили следующие диверсионные акции: [8]

- с помощью взрывов, поджогов, коротких замыканий и других диверсионных действий они выводили из строя электростанции, верфи, разрушали плотину, наносили ущерб каналам, докам, общественным зданиям, бензозаправочным станциям, магазинам, радиостанциям, портили наружные стенды, нарушали работу общественного транспорта;
- пускали под откос товарные поезда, причиняя серьезный вред здоровью рабочих подвижного состава; сожгли 12 вагонов товарного поезда и перерезали шланги для подачи сжатого воздуха в других вагонах;
- взрывали автомобильные и железнодорожные мосты; заминировали железнодорожный мост на линии Берлин – Москва, но взрывчатка была вовремя обнаружена (в противном случае могли погибнуть сотни человек);
- использовали специальные кислоты, чтобы вывести из строя жизненно важное оборудование на фабриках; насыпали в турбину одного из заводов песок, что привело к ее простоя; подожгли фабрику по производству плитки; способствовали замедлению работы на фабриках; воровали копии чертежей и образцы новых технических разработок;

- умертвили семь тысяч коров на одной колхозной молочной ферме, добавив яд в механизм, подающий корм для коров;
- добавили мыло в сухое молоко, предназначенное для детей школ Восточной Германии;
- нападали на учреждения левых организаций в Восточном и Западном Берлине, крали списки членов; нападали и похищали левых активистов и иногда убивали их;
- взрывали химические бомбы со зловонными газами в целях срыва политических митингов;
- запускали воздушные шары, которые взрывались в воздухе, разбрасывая тысячи пропагандистских листовок над Восточной Германией;
- располагали большим количеством яда кантаридина, из которого планировалось производство отравленных сигарет, предназначенных для убийства руководителей Восточной Германии;
- пытались сорвать Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Берлине, рассылая фальшивые приглашения, ложные обещания бесплатного жилья и питания, ложные уведомления об отмене фестиваля; совершали нападения на участников с использованием взрывчатых веществ, зажигательных бомб; прокалывали шины в колесах автомобилей участников; подожгли деревянный мост на главной автодороге, ведущей к месту проведения фестиваля;
- поддельывали и распространяли большое количество талонов на еду – например, на 60 тысяч фунтов мяса – с целью внести путаницу и вызвать дефицит и недовольство;
- рассылали поддельные налоговые извещения и другие правительственные директивы и документы, чтобы вызвать дезорганизацию и неэффективность промышленности и профсоюзов;
- «оказывали значительную помощь и поддерживали» немцев из Восточной Германии, которые организовали восстание 17 июня 1953 года; во время и после восстания американская радиостанция в Западном Берлине «Радио американского сектора» (RIAS, Radio in the American Sector) транслировала на Восточную Германию подстрекательские радиопередачи, призывая население сопротивляться правительству; дикторы «Радио американского сектора» также выступали с угрозами в адрес свидетелей, проходивших по крайней мере по одному восточногерманскому уголовному делу. За ходом этого дела следили члены «Следственного комитета свободомыслящих юристов из советской зоны». Угрозы заключались в том, что комитет внесет свидетелей в списки «обвиняемых лиц», если они будут лгать.

Несмотря на то что сотни американских агентов были пойманы и осуждены в Восточной Германии, легкость, с которой они могли перемещаться между двумя секторами и проникать на различные предприятия, не испытывая языкового барьера, предоставляла ЦРУ возможности, несравнимые с другими странами Восточной Европы.

На протяжении 1950-х годов немцы из Восточной Германии и Советский Союз направляли неоднократные жалобы бывшим советским союзникам на Западе и в ООН по поводу подрывной и шпионской деятельности, предоставляя имена и адреса и призывая прикрыть деятельность этих организаций в Западной Германии. Разумеется, восточногерманские немцы начали ограничивать въезд в страну с Запада.

Запад также доставлял неприятности Востоку, проводя энергичную кампанию по вербовке восточногерманских профессиональных работников и квалифицированных рабочих. В конце концов это привело к жестокому трудовому и производственному кризису в Восточной Германии и к строительству в августе 1961 года печально известной Берлинской стены.

Организовывая свои диверсионные вылазки в Восточной Германии, американские власти и их немецкие агенты были убеждены, что Советский Союз (может быть, в виде проектов) строил враждебные планы в отношении Западной Германии. 8 октября 1952 года пре-

мьер-министр западногерманской земли Гессен Георг Август Зинн (Georg August Zinn) предал огласке, что США создали на территории Гессена «тайную армию», состоящую из гражданских лиц, для отражения советского вторжения.

Эта организация, насчитывавшая от 1000 до 2000 бойцов, принадлежала к так называемой Технической службе Федерации немецкой молодежи. Газета «Нью-Йорк таймс» позднее охарактеризовала ее как «правую молодежную группировку, часто обвиняемую в экстремизме» (в связи с террористической тактикой, описанной выше). Костяк Технической службы составляли вовсе не молодые люди. Почти всем было от 35 до 50 лет, и многие из них, по словам Зинна, являлись «бывшими офицерами люфтваффе, вермахта и СС (гитлеровскими чернорубашечниками)».

Больше года в глухой сельской местности и на одном из американских военных объектов они группами по несколько человек под руководством американских инструкторов обучались правилам применения стрелкового оружия и взрывчатых средств и проходили «политический инструктаж».

Разведывательное крыло Технической службы, по словам премьер-министра Гессена, составило картотеку лиц, которых надо будет ликвидировать, когда советские танки начнут вторжение. В эти списки, которые содержали детальное описание и подробности личной жизни, было внесено около 200 руководителей социал-демократов (включая самого Зинна!), 15 коммунистов и много других. Все они рассматривались как «политически неблагонадежные» и противники милитаризации Западной Германии. Очевидно, даже обычная поддержка курса мирного сосуществования с советским блоком и разрядки была достаточным поводом для включения того или иного человека в расстрельный список. Известно, что один человек был расстрелян в подобном учебном центре по обвинению в том, что он способствовал «наведению мостов между Востоком и Западом». Именно это убийство привело к разоблачению деятельности этой тайной организации.

США признавали свою роль в создании и подготовке диверсионных подразделений, но отрицали любое участие в «нелегальной, внутренней и политической деятельности» организации. Но Зинн сообщал, что американцы узнали о планах организации в мае и не распустили группировку до сентября, то есть до того времени, когда немецкая тайная полиция арестовала нескольких лидеров группы. В свое время американец Стерлинг Гарвуд (Sterling Garwood), который руководил курсами подготовки боевиков, «имел в своем распоряжении копии карточек членов тайной группы». Получается, что власти США никогда не сообщали что-либо правительству Западной Германии в отношении этой упомянутой тайной группы.

Когда следствие по делу группы завершилось, арестованные были быстро освобождены. США препятствовали любым расследованиям этого дела в американской зоне оккупированной Германии. Господин Зинн комментировал: «Единственное юридическое объяснение для этих освобождений может быть в том, что люди в Карлсруэ (в Федеральном суде) объявили, что они действуют по указке американцев» [9].

Кроме того, национальный лидер социал-демократов обвинил США в финансировании оппозиционных групп с целью проникновения и подрыва его партии. Председатель СДПГ Эрих Олленхауэр (Erich Ollenhauer), чье имя также было внесено в список Технической службы, предположил, что, несмотря на опровержения высокопоставленных американских чиновников, американские «тайные» агентства все же стояли за действиями боевиков [10].

Разоблачение по поводу «тайной армии» и ее расстрельного списка вызвало бурю насмешек и обвинений в адрес США со стороны многих кругов в Западной Германии. В частности, тесная работа американцев с «бывшими» нацистами не избежала сурового осуждения со стороны немецкого народа.

Как выяснилось спустя долгие годы, эта операция в Германии была частью гораздо более широкой сети, имевшей название операция «Гладио», которая была предпринята ЦРУ и дру-

гими европейскими разведывательными службами, привлечшими для реализации своих планов подобные тайные подразделения по всей Западной Европе (см. главу о Западной Европе).

9. Иран, 1953

Безопасность для Падишаха всех Шахов

«Вот так мы собираемся избавиться от этого безумца Мосаддыка (Mosaddegh)», – заявил Джон Фостер Даллес группе ведущих вашингтонских политиков в июне 1953 года [1]. Госсекретарь держал в руках план операции по свержению премьер-министра Ирана, подготовленный Кермитом (Кимом) Рузвельтом (Kermit (Kim) Roosevelt) из ЦРУ. Едва ли были какие-нибудь дискуссии среди людей, облеченных высокой властью в той комнате – никаких предварительных вопросов, никаких юридических или этических проблем.

«Надо было принять смертельно опасное решение, – писал позже Рузвельт. – Оно включало в себя огромный риск. Конечно, оно требовало тщательной проверки, самого пристального рассмотрения, в некоторых случаях – на самом высоком уровне. Таких мыслей на этой встрече не высказывали. Фактически я был убежден, что почти половина из присутствующих, если бы они чувствовали себя свободными или имели бы мужество говорить, высказалась бы против предприятия» [2].

Рузвельт, внук Теодора и дальний родственник Франклина, выражал больше удивления, чем разочарования, говоря о внутреннем процессе принятия внешнеполитического решения.

Первоначальная инициатива убрать Мосаддыка исходила от британцев, так как почтенный иранский лидер возглавил парламентское движение за национализацию находящейся в британской собственности Англо-иранской нефтяной компании, единственной нефтяной компании, действовавшей в Иране. В марте 1951 года закон о национализации был принят, а в конце апреля Мосаддык избран премьер-министром подавляющим большинством парламента. 1 мая национализация была осуществлена. Иранский народ, заявил Мосаддык, «открыл скрывать сокровищницу, на которой лежал дракон» [3].

Как предчувствовал премьер-министр, британцы не приняли национализацию благодушно, хотя она была единодушно поддержана иранским парламентом и подавляющим большинством иранского народа по экономическим соображениям и из чувства национальной гордости. Правительство Мосаддыка пыталось сделать все, чтобы угодить британцам. Оно предложило им 25 процентов чистой прибыли от нефтяных операций в качестве компенсации. Оно гарантировало безопасность и занятость британским сотрудникам. Оно хотело продавать свою нефть, не нарушая прозрачности контрольной системы, такой дорогой сердцу международных нефтяных гигантов. Но британцы не приняли ничего из этого. Единственное, чего они хотели, – это вернуть назад свою нефтяную компанию. И еще они хотели голову Мосаддыка. Слуга не может оскорбить своего господина и оставаться при этом безнаказанным.

За демонстрацией военной силы британскими ВМФ последовали жестокая международная экономическая блокада и бойкот, замораживание иранских активов, что привело к настоящему застою в экспорте иранской нефти и внешней торговле, погрузило и без того бедную страну в почти полную нищету и сделало невозможной выплату любых компенсаций. Тем не менее еще долгое время после того, как они сместили Мосаддыка, британцы требовали компенсацию не только за физические активы Англо-иранской нефтяной компании, но и за расходы при разработке нефтяных месторождений, – условия, невозможные для выполнения. В глазах иранцев это в десятки раз превышало британские доходы, полученные за многие годы.

Британские попытки экономического удушения Ирана не могли быть предприняты без активного содействия и поддержки со стороны администраций Трумэна и Эйзенхауэра, а также американских нефтяных компаний. В то же время администрация Трумэна спорила с британцами о том, что экономическая разруха при Мосаддыке может открыть двери пресловутому коммунистическому перевороту [4]. Когда британцы позже были вынуждены уйти из Ирана,

им ничего не оставалось, как обратиться к США за помощью в свержении Мосаддыка. В ноябре 1952 года правительство Черчилля начало переговоры с Кермитом Рузвельтом, фактическим главой ближневосточного отделения ЦРУ, заявившим британцам, что, по его мнению, «нет шансов получить одобрение уходящей администрации Трумэна и Ачесона. Новая республиканская администрация, однако, может быть совсем другой» [5].

Джон Фостер Даллес определенно был другим. Ярый антикоммунист, он видел в Мосаддыке олицетворение всего того, что ненавидел в третьем мире: явный нейтралитет в холодной войне, терпимость к коммунистам, неуважение к свободному предпринимательству, о чем свидетельствовала национализация нефтяных ресурсов. Стоит заметить с иронией, что в предшествовавшие годы Великобритания национализировала несколько собственных основных отраслей промышленности, и государство было главным собственником Англо-иранской нефтяной компании. По мнению Джона Фостера Даллеса и ему подобных, эксцентричный доктор Мохаммед Мосаддык был по-настоящему сумасшедшим. Учитывая, что Иран был чрезвычайно богат черным золотом и имел общую границу с СССР протяженностью более 1000 миль, госсекретарь не слишком переживал по поводу того, каким конкретно образом иранский премьер-министр должен уйти из публичной жизни.

Дело повернулось так, что свержение Мосаддыка в августе 1953 года стало в большей степени операцией американской, чем британской. 26 лет спустя Кермит Рузвельт предпринял необычный шаг, написав книгу о том, как он и ЦРУ проводили эту операцию. Он назвал свою книгу «Контрпереворот», напоминая о том, что переворот был организован ЦРУ для предотвращения захвата власти Иранской коммунистической партией (Туде), тесно связанной с Советским Союзом. Рузвельт, таким образом, утверждал, что Мосаддыка надо было сместить, чтобы предотвратить коммунистический переворот, в то время как администрация Трумэна считала, что для этого его как раз надо было сохранить у власти.

Было бы неверно утверждать, что Рузвельт выдвигал мало доказательств в защиту своего тезиса о коммунистической опасности. Точнее было бы сказать, что он вообще не приводит их. Вместо этого читатель имеет дело с простым утверждением тезисов, которые повторяются снова и снова; их авторы, очевидно, полагают, что беспрестанное повторение убедит даже самых колеблющихся. Таким образом, нас потчуют вариациями вроде следующих:

«Советская угроза [была] настоящей, опасной и неотвратимой»... Мосаддык «образовал альянс» с Советским Союзом для свержения шаха... «Очевидная угроза советского переворота»... «Союз между [Мосаддыком] и управляемой Советами партией Туде приобретал угрожающую форму»... «Возрастающая зависимость Мосаддыка от Советского Союза»... «Рука Туде и за ней рука Советов проявлялась все больше и больше каждый день»... «Поддержка Туде Советами и [Мосаддыком] становилась все более очевидной»... Советский Союз был «активнее всего в Иране. Его контроль над руководством Туде усиливался с каждым днем. Он осуществлялся часто и, на наш взгляд, с открытой наглостью» [6]...

Но ни одного доказательства советской подрывной деятельности так никогда и не было приведено или же было недостаточно явным и бесспорным, чтобы вооружить Рузвельта хотя бы одним примером для заинтересованного читателя.

В действительности, хотя партия Туде более или менее верно следовала за изменениями линии Москвы в отношении Ирана, отношение партии к Мосаддыку было гораздо более сложным, чем Рузвельт и другие апологеты холодной войны могли себе представить.

Туде двояко относилась к богатому, эксцентричному, владеющему землей премьер-министру, который тем не менее противостоял империализму. Дин Ачесон (Dean Acheson), госсекретарь Трумэна, воспринимал Мосаддыка как, «в сущности, богатого, реак-

ционного, феодально мыслящего перса» [7], которого с трудом можно представить в качестве сочувствующего коммунистической партии.

Время от времени Туде поддерживала политику Мосаддыка, но чаще всего Мосаддык совершал ожесточенные нападки на эту партию. Так, например, 15 июля 1951 года Мосаддык жестоко подавил демонстрацию, организованную Туде, что привело к 100 погибшим и 500 раненым. Более того, иранский лидер успешно вел кампанию против продолжавшейся советской оккупации Северного Ирана после Второй мировой войны, а в октябре 1947 года инициировал в парламенте отклонение предложения правительства о создании совместной ирано-советской нефтяной компании, которая добывала бы нефть на севере Ирана [8].

Действительно, чего мог бы достичь Мосаддык, отказавшись от части своей власти в пользу Туде и/или СССР? Утверждение, что Советский Союз якобы хотел, чтобы Туде захватила власть, – не более чем спекуляция. Имелось гораздо больше доказательств тому, что СССР был более озабочен своими отношениями с западными правительствами, чем судьбой местной коммунистической партии в стране за пределами социалистического блока Восточной Европы.

Секретный доклад разведки Госдепа от 9 января 1953 года, составленный в последние дни администрации Трумэна, утверждал, что Мосаддык не искал никакого альянса с Туде и что «главная оппозиция Национальному фронту (правлящей коалиции Мосаддыка) исходит из правящих кругов с одной стороны и партии Туде – с другой» [9].

Партия Туде была объявлена вне закона в 1949 году, и Мосаддык не отменил этот запрет, хотя и позволил партии действовать до некоторой степени открыто из-за своих демократических убеждений, а также назначил нескольких сочувствующих Туде на посты в правительстве.

Многие цели Туде перекликались с теми, что заявлял Национальный фронт, отмечалось в докладе Госдепа, но «открытое движение Туде к власти могло бы, вероятно, объединить независимых и некоммунистов всех политических убеждений, что привело бы к энергичным попыткам уничтожить Туде силой» [10].

Сам Национальный фронт был коалицией совершенно разных политических и религиозных элементов, включая правых антикоммунистов; его участников объединяли уважение к личности Мосаддыка и его честности, а также националистические чувства, особенно в связи с национализацией нефти.

В 1979 году, когда Кермита Рузвельта спросили об этом докладе Госдепа, он ответил: «Я не знаю, как это понимать... Лой Хендерсон (Loy Henderson, посол США в Иране в 1953 году) считал, что существует серьезная угроза того, что Мосаддык передаст Иран под советское влияние» [11]. Будучи главной движущей силой переворота, в этом случае Рузвельт перекладывал ответственность на человека, которому, как мы увидим в главе о Ближнем Востоке, приписываются алармистские заявления о «коммунистическом перевороте».

Кто-то может спросить, как Рузвельт воспринял бы заявление Джона Фостера Даллеса перед комитетом Сената в июле 1953 года, когда операция по свержению Мосаддыка уже шла. Госсекретарь, как сообщала пресса, под присягой показал, что «нет существенных доказательств, подтверждающих, что Иран сотрудничает с Россией. В целом, добавил он, мусульманская оппозиция коммунизму всегда одерживает верх, хотя временами иранское правительство обращается за помощью к партии коммунистического толка Туде» [12].

Молодой шах Ирана был сведен Мосаддыком и иранским политическим процессом к очень пассивной роли. Его власть уменьшилась до той точки, с которой он был «неспособен к независимым действиям», отмечалось в разведывательном докладе Госдепа. Мосаддык добивался контроля над вооруженными силами и расходами шахского двора, а неопытный и нерешительный шах – «падишах всех шахов» – не мог открыто противостоять премьер-министру из-за популярности последнего.

Ход инициированных Рузвельтом событий, которые привели на трон шаха, в ретроспективе кажется довольно простым, даже наивным и обязанным в немалой степени удаче. Пер-

вый шаг заключался в том, чтобы убедить шаха, что Эйзенхауэр и Черчилль стоят за ним в его борьбе с Мосаддыком за власть и готовы оказывать ему любую необходимую военную и политическую поддержку [13]. Рузвельт на самом деле не знал, что думал Эйзенхауэр и знали ли он вообще об операции, но сам сфабриковал сообщение шаху от имени Президента США с выражением ему ободрения.

В то же время шаха уговорили издать указ, отправляющий в отставку Мосаддыка с поста премьер-министра и назначающий на его место некоего Фазлолла Захеда, генерала, которого британцы арестовывали за сотрудничество с нацистами во время войны [14]. Поздно ночью с 14 на 15 августа посланник шаха доставил указ в дом Мосаддыка, охраняемый войсками. Неудивительно, что посланника приняли очень холодно, и премьер-министр не считал нужным с ним встречаться. Вместо этого его обязали оставить декрет со слугой, который расписался в получении листа бумаги, отрешающего его хозяина от власти. Также неудивительно, что Мосаддык от власти не отрекся. Премьер-министр, справедливо утверждая, что только парламент может отправить его в отставку, выступил следующим утром по радио и заявил, что шах, подстрекаемый «иностранными элементами», предпринял попытку государственного переворота. Мосаддык затем заявил, что он, таким образом, вынужден взять в свои руки всю полноту власти. Он назвал Захеда предателем и попытался его арестовать, но генерала спрятали люди Рузвельта.

Шах, испугавшись, что все потеряно, сбежал со своей женой в Рим через Багдад с одной только ручной поклажей. Не смутившись этим, Рузвельт продолжил действовать и направил копии шахского декрета для распространения в обществе, а также послал двух своих иранских агентов к важным военным командующим в поисках их поддержки. Получается, что важнейшая задача военной поддержки была оставлена на последнюю минуту. Действительно, один из двух иранцев-агентов был завербован для этого дела в тот же день, и только он и преуспел заручиться поддержкой иранского полковника, у которого в подчинении были танки и бронемашины [15].

С утра 16 августа в Тегеране состоялась массовая демонстрация в поддержку Мосаддыка против шаха и США, организованная Национальным фронтом. Рузвельт воспринимал демонстрантов просто как «членов Туде, науськанных Советами», опять не подтвердив своего утверждения никакими доказательствами. «Нью-Йорк таймс» назвала их «сторонниками Туде и националистическими экстремистами» [16].

Среди демонстрантов также были люди, работающие на ЦРУ. Согласно Ричарду Коттаму (Richard Cottam), американскому ученому и писателю, работавшему в то время в ЦРУ в Тегеране, этих агентов посылали «на улицы, чтобы действовать, как если бы они были из Туде. Они были больше, чем просто провокаторами, – это были ударные части, которые действовали, как если бы они были членами Туде, бросали камни в мечети и священнослужителей», с целью представить Туде, а заодно и Мосаддыка, противниками религии [17].

Во время демонстраций Туде возобновила свои привычные требования демократической республики. Они призывали Мосаддыка сформировать объединенный фронт и раздать им оружие для защиты от переворота, но премьер-министр отказался [18]. Вместо этого 18 августа он приказал полиции и армии положить конец демонстрациям Туде, и этот приказ был с усердием исполнен. Как считали Рузвельт и посол Хендерсон, Мосаддык предпринял этот шаг после встречи с Хендерсоном, в ходе которой посол сетовал по поводу чрезмерной жестокости иранцев по отношению к американским гражданам. Оба американца промолчали на предмет того, какая часть обвинений была сфабрикована ими по случаю. Так или иначе, Хендерсон сказал Мосаддыку, что, если это не прекратится, он будет вынужден приказывать всем американцам покинуть Иран немедленно. Мосаддык, говорит Хендерсон, умолял его не делать этого, так как американская эвакуация могла бы показать, что его правительство не контролирует страну, хотя в то же время премьер-министр обвинял ЦРУ в подготовке и выпуске указа

шаха [19]. Газета Туде в то время требовала выслать «интервенционистских» американских дипломатов [20].

Какой бы ни была мотивация Мосаддыка, его действия вновь остро противоречили утверждениям, что он был в союзе с Туде или что Туде собиралась брать власть. В действительности Туде снова не вышла на улицы.

На следующий день, 19 августа, иранские агенты Рузвельта организовали шествие по Тегерану. Для этих целей в одном из сейфов американского посольства хранилось около миллиона долларов, и «чрезвычайно компетентным и профессиональным организаторам», как назвал их Рузвельт, не составило труда купить себе массовку; вероятно, достаточно было лишь малой части этих денег. По различным подсчетам, свержение Мосаддыка обошлось ЦРУ в Иране от 10 тысяч до 19 миллионов долларов. Большая сумма основана на докладах о том, что ЦРУ подкупало членов парламента и других влиятельных иранцев в борьбе против премьер-министра.

Вскорости можно было увидеть кучки людей, идущих с древних базаров, ведомых крепкими молодыми парнями. Марширующие махали флагами, скандировали: «Да здравствует шах!». По краям процессии люди раздавали иранские деньги с портретом шаха. По ходу движения толпа разрасталась, подхватывая песни, – люди присоединялись по невероятному разнообразию политических и личных причин. Психологический баланс поменялся не в пользу Мосаддыка.

По пути некоторые марширующие выходили из строя, нападая на офисы поддерживающих Мосаддыка газет и политических партий, а также Туде и правительственные здания. В то же время радио Тегерана прервало свои передачи и сообщило, что «указ шаха об отставке Мосаддыка выполнен. Новый премьер-министр, Фазлолла Захеда, уже выполняет свои обязанности. Его императорское величество возвращается домой!».

Это была ложь, или «предправда», как выразился Рузвельт. Только после этого он пошел доставать Захеда из его укрытия. По пути он наткнулся на командующего ВВС, который был в толпе демонстрантов. Рузвельт приказал офицеру захватить танк и немедленно отвезти в нем Захеда к дому Мосаддыка [21].

В своей книге Кермит Рузвельт стремился убедить читателя, что на этот момент все уже было кончено и ему оставалось только открывать шампанское: Мосаддык сбежал, Захеда получил власть, шаха пригласили вернуться – драматический, радостный и мирный триумф народной воли. Но он почему-то забывает упомянуть, что все это время на улицах Тегерана и перед домом Мосаддыка в течение 9 часов шли столкновения между солдатами, верными Мосаддыку, с одной стороны, и теми, кто поддерживал Захеда и шаха, – с другой. Сообщалось, что около 300 человек погибли, сотни пострадали, прежде чем защитники Мосаддыка прекратили сопротивление [22].

Рузвельт также не упоминает о каком-либо вкладе британцев в операцию, что существенно нервировало людей из МИ6 – коллег ЦРУ, которые утверждали, что они, как и сотрудники Англо-иранской нефтяной компании, местные бизнесмены и другие иранцы, сыграли значимую роль в этих событиях. Но о том, какова это роль была на самом деле, они упорно молчали [23].

Американская военная миссия в Иране также претендовала на роль в операции, как позже свидетельствовал перед Конгрессом генерал-майор Джордж Стюарт (George C. Stewart):

«На момент, когда кризис продолжался и ситуация грозила выйти из-под контроля, мы нарушили наши обычные критерии и среди прочего, что мы сделали, – мы предоставили армии незамедлительно, в срочном порядке одеяла, обувь, униформу, электрогенераторы, лекарства, что позволило создать обстановку, в которой она могла поддержать шаха... Оружие, которое они держали в руках, грузовики, на которых они ездили, бронемшины, на

которых они патрулировали улицы, средства связи, которые позволили им управлять обстановкой, – все это было предоставлено в рамках программы военной помощи» [24].

«Вполне допустимо, что Туде могла повернуть ситуацию против сторонников шаха, – писал Кеннет Лав (Kennett Love), репортер «Нью-Йорк таймс», который был в Иране в эти критические дни августа. – Но по некоторым причинам она оставалась в стороне от конфликта. Я полагаю, что Туде была удержана советским посольством, так как Кремль в первые годы после Сталина не хотел иметь дело с вероятными последствиями установления режима под контролем коммунистов в Тегеране».

Точка зрения Лава, содержащаяся в его статье, написанной в 1960 году, могла сложиться в результате информации, полученной из ЦРУ. По его собственному признанию, он был в тесном контакте с Управлением в Тегеране и даже помогал ему в его операции [25].

В начале 1953 года «Нью-Йорк Таймс» отмечала, что «преобладающим мнением среди объективных наблюдателей в Тегеране» было то, что «Мосаддык – самый популярный политик в стране». На протяжении более чем 40 лет общественной жизни Мосаддык «приобрел репутацию честного патриота» [26].

В июле директор иранского отдела Госдепа заявлял, что «Мосаддык обладает такой огромной популярностью в массах, что свергнуть его было бы весьма трудно» [27].

Несколько дней спустя «по меньшей мере 100 тысяч человек заполнили улицы Тегерана, чтобы выразить сильные антиамериканские и антишахские настроения. Хотя демонстрации и были организованы Туде, их многочисленность превзошла все ожидания партии» [28].

Но популярность и массы, когда они не вооружены, значат мало. Ибо в конечном итоге в Тегеране обе стороны прибегли к открытым столкновениям. Солдаты послушно выполняли приказы кучки офицеров, некоторые из которых поставили свои карьеры и амбиции на выигрывающую сторону; у других были идеологические убеждения. «Нью-Йорк Таймс» охарактеризовала внезапный поворот в судьбе Мосаддыка как «не более чем мятеж низших чинов против офицеров Мосаддыка»; низшие чины почитали шаха и жестоко подавили предыдущие демонстрации, но отказались делать тоже самое 19 августа и вместо этого повернули оружие против своих офицеров [29].

Какие связи имели Рузвельт и его агенты с некоторыми офицерами шаха заранее, неясно. В интервью, которое Рузвельт дал в момент, когда заканчивал книгу, он заявил, что некоторые шахские офицеры в то время, когда шах сбежал в Рим, получили убежище в городке ЦРУ, примыкавшем к американскому посольству [30]. Но поскольку в книге Рузвельта нет ни слова об этом важном и интересном развитии событий, к другим его утверждениям надо подходить с осторожностью.

Может быть, демонстрация 19 августа, организованная командой Рузвельта, была просто толчком для тех офицеров, которые этого ждали. Если так, то это показывает, насколько Рузвельт доверялся случаю.

К какому выводу можно прийти относительно американской мотивации в свержении Мосаддыка в свете всех этих сомнительных, противоречивых и запутанных заявлений, исшедших от Джона Фостера Даллеса, Кермита Рузвельта, Лоя Хендерсона и других американских официальных лиц? Последствия переворота лучше всего помогут нам разобраться в этом вопросе.

В течение последующих 25 лет шах Ирана был таким близким союзником США, что независимый и нейтральный Мосаддык пришел бы в ужас. Шах буквально отдал свою страну в распоряжение американских военных и разведывательных организаций, чтобы ее использовали как оружие в холодной войне – как окно и дверь в Советский Союз. Электронные про-

слушивающие устройства и радары были размещены около советской границы. Американские ВВС использовали Иран как базу для разведывательных полетов над СССР. Шпионы просачивались через границу. Различные американские военные объекты усеяли иранский ландшафт. Иран рассматривался как жизненно важное звено в цепи США, созданной для «сдерживания» Советского Союза. В телеграмме исполняющему обязанности британского министра иностранных дел в сентябре Даллес написал: «Я думаю, если мы сможем двигаться вперед в Иране скоординированно, быстро и эффективно, мы закроем самую опасную брешь в дуге от Европы до Южной Азии» [31]. В феврале 1955 года Иран стал членом Багдадского пакта, созданного США, по словам Даллеса, «для твердого противостояния Советскому Союзу» [32].

Через год после переворота иранское правительство заключило контракт с международным консорциумом нефтяных компаний. Среди новых иностранных партнеров Ирана британцы потеряли свои исключительные права, которыми они наделены были ранее: их доля сократилась до 40 процентов. Другие 40 процентов отошли американским нефтяным фирмам, остальные – прочим странам. Однако британцы получили чрезвычайно щедрую компенсацию за свою бывшую собственность [33].

В 1958 году Кермит Рузвельт покинул ЦРУ и перешел на работу в Gulf Oil Co, одну из американских нефтяных фирм в консорциуме. На этом посту Рузвельт отвечал за связи компании с правительством США и иностранными правительствами, а также имел возможность вести дела с шахом. В 1960 году он стал ее вице-президентом. Впоследствии Рузвельт создал консалтинговую фирму «Доунс и Рузвельт» (Downs and Roosevelt), которая между 1967 и 1970 годами получала, по имеющимся сведениям, 116 тысяч долларов в год сверх расходов за свои услуги в интересах иранского правительства. Другой клиент – аэрокосмическая компания «Нортроп Корпорейшн» (Northrop Corporation) – платила Рузвельту 75 тысяч долларов в год за помощь в продвижении своих продаж в Иран, Саудовскую Аравию и другие страны [34]. (См. главу о Ближнем Востоке, о связях Рузвельта и ЦРУ с королем Саудовской Аравии Саудом.)

Другим американским членом нового консорциума был Standard Oil Co из Нью-Джерси (нынешний Exxon), клиент нью-йоркской юридической фирмы «Салливан и Кромвелл» (Sullivan and Cromwell), в которой Джон Фостер Даллес долго был старшим партнером. Его брат Аллен Даллес, директор ЦРУ, также был партнером фирмы [35]. Публиковавшийся одновременно в нескольких изданиях обозреватель Джек Андерсон (Jack Anderson) сообщал несколькими годами позже, что семья Рокфеллеров, которая контролировала Standard Oil и Chase Manhattan Bank, «помогла ЦРУ организовать переворот, свергнувший Мосаддыка». Андерсон перечислил несколько примеров благодарности шаха Рокфеллерам, включая большие вклады на его личном счете в Chase Manhattan и строительство жилых домов в Иране компанией семьи Рокфеллеров [36].

Стандартное американское прочтение событий в Иране в 1953 году, вне зависимости позиции автора по отношению к операции, гласит, что США спасли Иран от советского/коммунистического переворота. Однако в течение двух лет американской и британской активной подрывной деятельности в Иране Советский Союз не сделал ничего, что могло бы подтвердить приписываемые ему намерения. Когда британский ВМФ сосредоточил в иранских водах свои крупнейшие со времен Второй мировой войны силы, СССР не предпринял никаких враждебных шагов. Советский Союз не предпринял их и тогда, когда Великобритания ввела драконовские международные санкции, которые ввергли Иран в глубокий экономический кризис и сделали его очень уязвимым. Нефтяные месторождения «не стали заложниками» большевиков, несмотря на то что «в распоряжении Советского Союза была вся партия Туде» в качестве агентов, как заявлял Рузвельт [37]. Даже перед лицом переворота, осуществленного руками иностранцев, Москва не сделала угрожающих шагов, а Мосаддык никогда не просил русских о помощи.

И все равно через год «Нью-Йорк Таймс» вещала: «Москва... подсчитала своих цыплят, до того как они вылупились, и думала, что Иран станет следующей «народной демократией». В то же время газета предупреждала с поразительным высокомерием, что на примере Ирана «развивающиеся страны с богатыми ресурсами получили наглядный урок о том, какую непомерную цену придется заплатить тем из них, которые бездумно играют с фанатичным национализмом» («фанатичным национализмом» в данном случае газета называет патриотизм и стремление к независимости. – Прим. ред.) [38].

Спустя десятилетие Аллен Даллес торжественно блистал в главной роли разоблачителя коммунизма, который «добился контроля над правительством» в Иране [39]. И через десять лет после этого журнал «Форчюн» (Fortune), ссылаясь на один из многих примеров, воскресил историю, написав, что Мосаддык «планировал вместе с коммунистической партией Ирана Туде свергнуть шаха Мохаммеда Резу Пехлеви и примкнуть к Советскому Союзу» [40].

А как насчет иранского народа? Чем «спасение от коммунизма» обернулось для него? Для большинства населения жизнь при шахе состояла из тяжелой нищеты, полицейского террора и мучений. Тысячи были казнены под предлогом борьбы с коммунизмом. Несогласие подавлялось с самого начала нового режима при помощи американцев. Кеннет Лав писал о своей уверенности в том, что офицер ЦРУ Джордж Кэрролл (George Carroll), которого он знал лично, работал вместе с генералом Фархадом Дадсетаном (Farhad Dadsetan), новым военным губернатором Тегерана, «в первые две недели ноября 1953 года над разработкой эффективных способов подавления потенциально опасного диссидентского движения, исходящего от базарной площади и Туде» [41].

Печально известная иранская тайная полиция (САВАК), созданная под руководством ЦРУ и Израиля [42], раскинула свои щупальца по всему миру, чтобы карать иранских диссидентов. По свидетельству бывшего специалиста ЦРУ по Ирану, ЦРУ давало САВАК инструкции по технике пыток [43]. «Международная амнистия» подытожила ситуацию в 1976 году, подчеркнув, что в Иране «самый большой процент смертных приговоров в мире, нет действенной системы гражданских судов, а история пыток превосходит все границы. Нет страны в мире, в которой ситуация с правами человека была бы хуже, чем в Иране» [44].

Если добавить к этому уровень коррупции, который «поражал даже самых опытных свидетелей ближневосточного воровства» [45], становится понятным, почему шах нуждался в огромной военной и полицейской силе, отстроенной при необычайно щедрой американской помощи и программах подготовки [46], – чтобы держать ситуацию под контролем настолько, насколько сможет. Сенатор Хьюберт Хамфри (Hubert Humphrey) сказал, похоже, с некоторым удивлением:

«Знаете, что сказал глава иранской армии одному из наших людей? Он сказал, что армия сейчас в хорошей форме благодаря американской помощи, что сейчас она способна справиться с гражданским населением. Эта армия не собирается воевать с русскими. Она собирается воевать с иранским народом» [47].

Где сила могла не сработать, ЦРУ обращалось к самому надежному оружию – деньгам. Чтобы обеспечить поддержку шаху или, по крайней мере, устранить недовольство, ЦРУ начало платить иранским религиозным лидерам – этой всегда капризной компании. Выплаты аятоллам и муллам начались в 1953 году и продолжались регулярно до 1977 года, когда президент Картер внезапно прекратил их. Один «информированный источник в разведке» оценил эти выплаты примерно в 400 миллионов долларов ежегодно; другие считают эту цифру слишком большой, что возможно. Прекращение выплат святым людям считается одной из причин, предопределивших начало конца «падишаха всех шахов» [48].

10. Гватемала, 1953–1954

Пока мир наблюдал

Старый вопрос – к кому вы обратитесь за помощью, если на вас напала полиция?

К кому обратится бедная банановая республика, если армия ЦРУ продвигается по ее территории и ее самолеты бомбят страну с воздуха?

Руководители Гватемалы перепробовали все средства – ООН, Организацию американских государств, другие страны, каждую по отдельности, мировую прессу, даже пытались обратиться к самим США в отчаянной надежде, что все это – большое недоразумение и что в конце концов разум победит.

Ничего не помогло. Дуайт Эйзенхауэр, Джон Фостер Даллес и Аллен Даллес решили, что законно избранное правительство Хакобо Арбенса (Jacobo Arbenz) – «коммунистическое», поэтому оно должно уйти. И ему пришлось уйти в июне 1954 года.

В самом разгаре американской подготовки к свержению правительства Гватемалы министр иностранных дел страны Гильермо Торьелло (Guillermo Toriello) сокрушался, что США рассматривают «как «коммунистическое» любое проявление самоопределения или экономической независимости-, любое Стремление к социальному прогрессу, любую интеллектуальную любознательность, любую заинтересованность в прогрессивных либеральных реформах» [1].

Торьелло был близок к истине. Но вашингтонские официальные лица достаточно хорошо чувствовали реальность и общественное мнение, чтобы понимать неуместность любых открытых высказываний против самоопределения, независимости или реформ. Именно поэтому госсекретарь Даллес заявил, что гватемальцы живут при «коммунистической разновидности терроризма» [2]. Президент Эйзенхауэр предупредил о «коммунистической диктатуре», создающей «аванпост на континенте для подрыва всех американских наций» [3]. Американский посол в Гватемале Джон Перифуа (John Peurifoy) заявлял: «Мы не можем допустить, чтобы советская республика возникла между Техасом и Панамским каналом» [4]. Другие предупреждали, что Гватемала может стать базой, с которой Советский Союз захватит канал... Сенатор Маргарет Чэйс Смит (Margaret Chase Smith) недвусмысленно намекала, что «неоправданный рост цен на кофе», импортируемый из Гватемалы, вызван коммунистическим контролем над страной, и призвала провести расследование [5]. И пошло-поехало.

Советский Союз можно было бы простить, если он каким-то образом был сбит с толку этой риторикой. СССР не проявлял интереса к Гватемале, не оказывал этой стране никакой военной помощи, даже не поддерживал дипломатических отношений с ней и, следовательно, не имел необходимого в таких случаях посольства, из которого можно было бы плести нечестивые интриги. В этот период расцвета маккартистской «логики», несомненно, находились американцы, которые говорили: «Это все для того, чтобы обмануть нас еще больше!».

За исключением одного случая, страны Восточной Европы имели так же мало отношения к Гватемале, как и Советский Союз. За месяц до переворота, то есть спустя долгое время с начала его подготовки Вашингтоном, Чехословакия продала за наличные деньги Гватемале единственную партию оружия – что чехи сделали бы, без сомнения, в отношении любой другой страны, желающей заплатить наличными. К тому же оружие было, по словам «Нью-Йорк таймс», «ненужным военным хламом». Журнал «Тайм» отнесся с пренебрежением к выводам газеты и процитировал американских военных, которые дали поставленному оружию более высокую оценку. Возможно, ни «Тайм», ни американские военные не могли представить, что один член «международного коммунистического заговора» может послать другому его члену некачественное оружие [6].

Американская пропагандистская мельница много намолотила из этой оружейной сделки. Гораздо меньше освещался тот факт, что Гватемала была вынуждена искать оружие в Чехословакии: потому что с 1948 года США отказались продавать ей какое-либо вооружение из-за реформистского правительства страны и давили на другие страны, чтобы они делали то же самое, несмотря на многократные просьбы Арбенса снять эмбарго [7].

Как и у Советского Союза, у Арбенса были причины удивляться американским санкциям. Гватемальский президент, вступивший в должность в марте 1951 года и выигравший выборы с большим перевесом, не имел особых контактов или духовных/идеологических связей с Советским Союзом и другими государствами коммунистического блока. Хотя американские политики и пресса, напрямую и косвенно, часто вешали на Арбенса ярлык коммуниста, в Вашингтоне были те, кто отлично понимал ситуацию, по крайней мере в менее пристрастные свои моменты. При Арбенсе позиция Гватемалы в ООН была так близка к позиции США по вопросам «советского империализма», что группа Госдепа, занятая планированием свержения Арбенса, пришла к выводу, что пропаганда, касающаяся итогов голосования Гватемалы в ООН, «будет не особо полезной в этом случае» [8]. Аналитическая записка Госдепа сообщала, что президент Гватемалы получал поддержку «не только со стороны руководимых коммунистами профсоюзов и радикального крыла интеллигенции, но также от многих антикоммунистических националистов в городах» [9].

Тем не менее Вашингтон неоднократно и твердо выражал свое недовольство присутствием коммунистов в правительстве Гватемалы и их активным участием в политической жизни страны. Арбенс утверждал, что такова настоящая демократия, однако Вашингтон продолжал настаивать на том, что Арбенс слишком терпим к таким людям, – не потому что они совершили что-то, что могло угрожать интересам США или западной цивилизации, а просто потому, что они принадлежали к породе коммунистов, хорошо известной своей бесконечной способностью к вероломству. Посол Перифуа – дипломат, чей костюм мог быть элегантен, но чьи подходы были вполне дикими, – предупреждал Арбенса, что отношения США и Гватемалы будут натянутыми до тех пор, пока хотя бы один коммунист останется на государственном довольствии [10].

Центральной частью программы Арбенса была аграрная реформа. Ее необходимость была ясно выражена типичной статистикой отсталой страны, близкой к кризису: в аграрной стране 2,2 процента землевладельцев обладали 70 процентами всей пахотной земли; ежегодный доход сельскохозяйственного рабочего составлял 87 долларов. До революции 1944 года, которая свергла диктатуру Убико (Ubico), «солдаты связывали рабочих вместе и доставляли их на фермы в долинах, чтобы отдать в долговое рабство землевладельцам» [11].

Экспроприация больших участков необрабатываемой земли, которую распределили примерно 100 тысячам безземельных крестьян, укрепление прав рабочих профсоюзов и другие социальные реформы были причинами, по которым Арбенс ожидаемо завоевал поддержку коммунистов и других левых. Когда Арбенса критиковали за то, что он принимал поддержку коммунистов, он призывал своих оппонентов доказывать свою лояльность поддержкой его реформ. Но они отвергали это, и становилось ясно, откуда ветер дует [12].

Созданная коммунистами Трудовая партия Гватемалы, получила четыре места в конгрессе и была самой малочисленной фракцией правящей коалиции Арбенса, которая располагала 51 местом в законодательном собрании созыва 1953–1954 годов [13]. У коммунистов было несколько постов в министерствах, но никто из них никогда не достиг уровня министра; коммунисты работали в бюрократическом аппарате, особенно в органах, занимавшихся земельной реформой [14].

Не находя ничего по существу для обвинения гватемальских левых, вашингтонские официальные лица перешли к подмене понятий. Так, коммунисты, в отличие от нормальных людей, не получали работу в правительстве, а «проникали» в него. Коммунисты не поддержи-

вали отдельную программу, а «эксплуатировали» ее. Коммунисты не поддерживали Арбенса, а «использовали» его. Более того, коммунисты «контролировали» рабочее движение и земельную реформу. Но кто в развивающейся стране посвящает себя борьбе за благосостояние рабочих и крестьян? Никто, кроме тех, кого Вашингтон называл «коммунистами».

Основной идеей использования такого языка, который был стандартной пищей Запада во время холодной войны, было отрицание того, что коммунисты могут искренне заботиться о социальных переменах. Американские официальные лица отрицали это друг перед другом и перед всем миром. Вот, например, выдержка из доклада ЦРУ о Гватемале, подготовленного в 1952 году для наставления Белого дома и спецслужб:

«Политический успех коммунистов в целом является производным от способности отдельных коммунистов и сочувствующих им идентифицировать себя с национальными и социальными устремлениями революции 1944 года. Таким способом они успешно проникли в правительство и проправительственные политические партии и установили контроль (!) над рабочими организациями... (Арбенс) – это, в сущности, оппортунист, чья политика – вопрос чистой исторической случайности... Распространение (коммунистического) влияния обеспечивается применимостью марксистских «клише» к антиколониальным и социальным целям гватемальской революции» [15].

Первый план ЦРУ по свержению Арбенса был утвержден президентом Трумэном в 1952 году, но в последний момент госсекретарь Дин Ачесон убедил Трумэна отменить операцию [16]. Однако вскоре после того, как Эйзенхауэр стал президентом в январе 1953 года, план операции откопали снова.

Руководители компании «Юнайтед фрут» (United Fruit) прессовали обе администрации США: правительство Арбенса в рамках земельной реформы экспроприировало их обширные необработанные земли в Гватемале. Компания хотела почти 16 миллионов долларов за землю, а правительство предлагало 525 тысяч долларов – оценку, указанную в налоговой декларации самой «Юнайтед фрут» [17].

«Юнайтед фрут» действовала в Гватемале как государство в государстве. Она владела телефонной и телеграфной сетью страны, управляла единственной важной атлантической гаванью и монополизировала экспорт бананов. Ее дочерняя компания владела почти всеми милями железных дорог страны. Влияние фруктовой компании на элиту в Вашингтоне было столь же внушительным. На деловом и/или личном уровне у нее были тесные связи с братьями Даллесами, с различными чиновниками в Госдепе, конгрессменами, американским представителем в ООН и другими. Энн Уитмен (Anne Whitman), жена директора департамента компании по связям с общественностью, была личным секретарем президента Эйзенхауэра. Заместитель госсекретаря (и бывший директор ЦРУ) Уолтер Бедделл Смит (Walter Bedell Smith) стремился получить руководящую должность в «Юнайтед фрут» в то же время, когда он помогал планировать переворот. Позже он вошел в совет директоров компании [18].

При Арбенсе Гватемала построила порт на Атлантическом побережье и магистраль, чтобы конкурировать с холдингами «Юнайтед фрут», а также ГЭС, чтобы предлагать более дешевую энергию, чем контролируемая США монополия. Стратегия Арбенса была в том, чтобы ограничить власть иностранных компаний с помощью прямой конкуренции, а не национализации. Эта политика, конечно, неосуществима, когда речь идет о таком конечном ресурсе, как земля. В своем обращении при вступлении в должность Арбенс заявил:

«Мы всегда будем приветствовать иностранный капитал, пока он отвечает местным условиям, подчиняется законам Гватемалы, способствует

экономическому развитию страны и строго воздерживается от вмешательства в ее общественную и политическую жизнь» [19].

Деятельность «Юнайтед фрут» вряд ли вписывалась в эти условия. Кроме всего прочего, компания постоянно пыталась срывать реформы Арбенса, дискредитировать его правительство и привести его к падению.

Соответственно, Арбенс относился с недоверием к транснациональным корпорациям, и нельзя сказать, что он ждал их с распростертыми объятиями. Такого отношения, экспроприации земель «Юнайтед фрут» и «терпимости к коммунистам» было более чем достаточно, чтобы Арбенса взяли на заметку в Вашингтоне. США связывали эти проблемы в одну цепь с коммунизмом: это оно, коммунистическое влияние, а не экономические и социальные нужды Гватемалы, ответственно за отношение правительства страны к американским фирмам.

В марте 1953 года ЦРУ сблизилось с недовольными офицерами правого толка в армии Гватемалы и организовало поставку им оружия. «Юнайтед фрут» выделила 64 тысячи долларов наличными. В следующем месяце в нескольких городах вспыхнули восстания, но были быстро подавлены верными войсками. Мятежников отправили под трибунал, и они раскрыли роль фруктовой компании в заговоре, но не роль ЦРУ [20].

Администрация Эйзенхауэра решила довершить работу спустя некоторое время. С циничным усердием почти целый год был потрачен на кропотливую, поэтапную подготовку свержения Хакобо Арбенса Гусмана. Из крупных операций, предпринятых ЦРУ, мало было так хорошо задокументированных переворотов, как в Гватемале. После публикации многих ранее засекреченных документов вырисовывается следующая картина [21].

Штаб по руководству операцией разместился в городе Опа-Лока (Ора Лоска) во Флориде, на окраине Майами. Диктатор Никарагуа Анастасио Сомоса предоставил свою страну под аэродромы, сотни человек – гватемальские эмигранты и наемники из США и Центральной Америки – обучались там владению оружием и радиотехникой, а также приемам саботажа и подрывной деятельности. Для участия в «Освобождении» было выделено тридцать самолетов, базированных в Никарагуа, Гондурасе, в зоне Панамского канала и пилотируемых американскими летчиками. Зона Панамского канала была зарезервирована под склады оружия, которое постепенно доставлялось повстанцам – они должны были соединиться вместе в Гондурасе под командованием полковника Карлоса Кастильо Армаса (Carlos Castillo Armas) перед пересечением гватемальской границы. Для доставки в Гватемалу перед вторжением было приобретено оружие, маркированное как советское, чтобы раздуть американские обвинения в советском вмешательстве. Как оказалось, не менее важным оружием были скрытые радиопередатчики, расположенные по периметру Гватемалы, включая один в американском посольстве.

Была предпринята попытка подорвать поезд с чехословацким оружием, идущие из порта в город Гватемала. Однако обильные ливни вывели из строя детонатор, и тогда диверсионный отряд ЦРУ обстрелял поезд, убив одного гватемальского солдата и ранив троих; тем не менее составы благополучно дошли до места назначения.

После того как чехословацкий корабль прибыл в Гватемалу, Эйзенхауэр приказал останавливать «подозрительные иностранные суда, входящие в воды Гватемалы, и проверять груз» [22]. Юридический советник Госдепа написал короткую записку, в которой однозначно заключил, что «подобные действия будут означать нарушение международного права». Не помогло. По крайней мере, два иностранных судна были задержаны и досмотрены, одно французское и одно голландское. Так действовали британцы во время войны с США в 1812 году.

Гватемальские военные стали объектом пристального внимания. США демонстративно подписали договоры о взаимной безопасности с Гондурасом и Никарагуа, враждебными к Арбенсу странами, и отправили им большие партии оружия в надежде, что это будет ясным сигналом угрозы для гватемальских военных и заставит их отказаться от поддержки Арбенса. Вдобавок к этому ВМФ США отправил две подводные лодки из Ки-Уэст (Key West), скупю

объявив, что они направляются «на юг». Несколько дней спустя ВВС под громкие звуки фанфар отправил три бомбардировщика Б-36 в Никарагуа с «визитом вежливости».

ЦРУ внимательно изучило списки гватемальского офицерского корпуса и предложило некоторым офицерам взятки. Одна из подпольных радиостанций ЦРУ обратилась к военным, а также ко всем остальным, призвав присоединиться к освободительному движению. Радиостанция сообщала, что Арбенс тайно планировал расформировать и разоружить армию и заменить ее народной милицией. Самолеты ЦРУ сбрасывали на Гватемалу листовки с призывом такого же содержания.

Тем временем по настоянию посла Перифуа группа высокопоставленных офицеров призвала Арбенса уволить всех коммунистов, занимающих посты в администрации. Президент заверил их, что коммунисты не представляют угрозы, что они не управляют правительством и было бы недемократично увольнять их. На следующей встрече офицеры потребовали, чтобы Арбенс отказался от создания народной милиции.

В какой-то момент ЦРУ предложило большую сумму денег самому Арбенсу, но он отверг их. Деньги, размещенные в швейцарском банке, предлагались, видимо, для того чтобы подтолкнуть Арбенса к отставке или затем обвинить его в коррупции.

На экономическом фронте были предприняты чрезвычайные меры: прекращение иностранных кредитов и поставок нефти Гватемале, массовое изъятие ее банковских вкладов за рубежом [23]. Но наиболее ярко американское мастерство проявилось на пропагандистском фронте. Поскольку правительство Гватемалы должно было быть свергнуто по причине его коммунистических убеждений, этот факт должен был быть доведен до сознания остальной Латинской Америки. Соответственно, Информационное агентство США (United States Information Agency, USIA) начало в своих зарубежных газетах помещать анонимные статьи, которые развешивали ярлыки коммунистов на гватемальских чиновников и объясняли происками коммунистов различные действия правительства Гватемалы. В течение нескольких недель до падения Арбенса в латиноамериканской прессе вышло более 200 статей о Гватемале.

ЦРУ и Информационное агентство США отладили метод, ставший стандартным во всей Латинской Америке и остальном мире, как мы увидим: статьи, размещенные в одной газете, подхватывались в других странах – в результате оплаты ЦРУ или неосознанно, потому что история была интересная. Кроме очевидной пользы от резкого расширения потенциальной аудитории, эта тактика создавала видимость того, что независимое общественное мнение заняло определенную позицию, и еще больше камуфлировала роль США.

Информационное агентство США распространило более 100 тысяч экземпляров брошюры «Хронология коммунизма в Гватемале» по всему полушарию, а также 27 тысяч экземпляров антикоммунистических карикатур и плакатов. Американское пропагандистское агентство также изготовило для свободного показа в кинотеатрах три фильма с предсказуемым содержанием о Гватемале и новостные ролики, обеляющие США.

Францисканский кардинал Нью-Йорка Спеллман (Spellman) – прелат, одержимый антикоммунизмом, который боялся социальных перемен еще больше, чем Бога, – был удостоен визита ЦРУ. Не смог бы его преподобие установить контакт между ЦРУ и архиепископом Мариано Росселем Арельяно (Mariano Rossell Arellano) в Гватемале? Кардинал был бы рад. Таким образом, 9 апреля 1954 года в гватемальских католических церквях было зачитано пасторское послание, которое призывало всех верующих обратить внимание на дьявола в стране, называемого коммунизмом, и требовало, чтобы все «встали как один против врага Бога и страны» или, по крайней мере, не защищали бы Арбенса. Чтобы оценить значимость этого послания, надо помнить, что гватемальские крестьяне были глубоко религиозны, и в большинстве своем мало кто умел читать, поэтому они могли получать Слово Божье только таким способом. Для тех же, кто умел читать, с самолетов сбрасывались тысячи листовок с посланием архиепископа.

В мае ЦРУ тайно спонсировало Конгресс против советского вмешательства в Латинской Америке в Мехико. В том же месяце Сомоса созвал дипломатический корпус в Никарагуа и сообщил послам – его голос дрожал от гнева, – что полиция нашла тайные советские склады с оружием (организованные ЦРУ) у тихоокеанского побережья, и предположил, что коммунисты хотят превратить Никарагуа в «новую Корею». Несколькими неделями позже самолет без опознавательных знаков сбросил на парашютах на гватемальское побережье оружие с советской маркировкой.

Латиноамериканцев кормили такой пропагандой десятилетиями. Так их учили, что такое «коммунизм».

В конце января 1954 года фотокопии документов «Освобождения» оказались в руках Арбенса. Операция столкнулась с серьезными трудностями. Через несколько дней газеты Гватемалы опубликовали на своих главных полосах переписку Кастильо Армаса с Сомосой и другими. Документы раскрывали планы поэтапной подготовки к вторжению с привлечением, кроме всего прочего, «правительства Севера» [24].

Госдеп назвал обвинения в адрес США «нелепыми и лживыми» и заявил, что не будет их больше комментировать, так как не хочет придавать им значения, которого они не заслуживают. Пресс-секретарь департамента сказал: «Политика США заключается в невмешательстве во внутренние дела других стран. Этот курс неоднократно подтвержден действующей администрацией».

Журнал «Тайм» вообще не поверил в возможность американского участия в таких планах, заключая, что все это «сфабриковано в Москве» [25].

«Нью-Йорк таймс» не была так открыто циничной, но ее публикации не содержали никаких признаний того, что в гватемальских газетах могла быть какая-то правда. «Латиноамериканские обозреватели в Нью-Йорке, – сообщила газета, – говорят, что обвинения в «заговоре» пахнут коммунистическим влиянием». За этой статьей сразу шла другая, озаглавленная «Красные шефы профсоюзов встретились на открытии съезда Гватемальской конфедерации профсоюзов» [26].

ЦРУ продолжало свою подготовку как ни в чем не бывало.

Наступление началось ранним утром 18 июня, когда самолеты сбросили на Гватемалу листовки с требованиями немедленной отставки Арбенса – в противном случае различные цели будут подвергнуты бомбардировке. После полудня самолеты вернулись, обстреляли из пулеметов дома рядом с казармами, сбросили осколочные бомбы и на бреющем полете обстреляли Национальный дворец.

Всю следующую неделю воздушные налеты продолжались ежедневно – бомбардировкам подверглись порты, цистерны с горючим, склады боеприпасов, казармы, международный аэропорт, одна школа, несколько городов. Сообщалось, что девять человек, в том числе трехлетняя девочка, были ранены. Количество домов, сгоревших от зажигательных бомб, неизвестно. Во время одного из ночных налетов через громкоговорители на крыше американского посольства передавалась запись бомбардировки, чтобы усилить страх у жителей столицы. Когда Арбенс вышел в эфир, стараясь успокоить население, специалисты ЦРУ заглушили радиопередачу.

Тем временем подразделения ЦРУ вошли в Гватемалу из Гондураса и захватили несколько поселков. Но их продвижение замедлилось, столкнувшись с сопротивлением гватемальской армии. Однако радио ЦРУ «Голос освобождения» рисовало другую картину: антиправительственные «повстанцы» были везде и всюду, они успешно наступали, их было великое множество, по ходу наступления к ним присоединялись добровольцы, война и беспорядки во всех уголках страны, страшные бои и тяжелые поражения гватемальской армии. Некоторые радиопередачи транслировались через постоянные общественные и даже военные каналы, давая повод некоторым офицерам Арбенса думать, что эти сообщения подлинны. По этим же

каналам ЦРУ отвечало ложными сообщениями на настоящие военные донесения. Распространялись все виды дезинформации, провоцировались слухи. В отдельных районах на парашютах сбрасывались манекены, чтобы заставить верить в масштабность вторжения [27].

Отдел по связям с общественностью «Юнайтед фронт» распространял среди журналистов фотографии массовых захоронений обезображенных трупов в качестве примера зверств режима Арбенса. Фотографии широко разошлись. Томас Макканн (Thomas McCann) из отдела по связям с общественностью компании позже признался, что он понятия не имел, что изображено на этих фотографиях: «Они легко могли быть жертвами каждой из сторон. Или землетрясения. Но штука в том, что их восприняли так, как и предназначалось: в качестве жертв коммунизма».

В таком же стиле Вашингтон сообщал о политических арестах и цензуре в Гватемале, не упоминая тот факт, что правительство находится в осаде, – и, конечно, не говоря о том, кто организовал осаду, – что основную массу арестованных составляли подозреваемые в заговоре и саботаже и что администрация Арбенса обладала хорошей репутацией по части соблюдения гражданских свобод. В этом отношении американская пресса действовала не намного лучше.

Главной целью бомбардировок и дезинформации было показать, что военная оборона дала трещину, что сопротивление бесполезно, и тем самым вызвать смятение и раскол в гватемальских вооруженных силах, а также обратить некоторых военных против Арбенса. Психологическая война, ведомая по радио, шла под управлением Говарда Ханта (E. Howard Hunt), известного позже по Уотергейту, и Дэвида Этли Филипса (David Atlee Phillips), недавно поступившего на службу в ЦРУ. На первом совещании по операции Филипс невинно спросил своего начальника Трэйси Барнса (Tracy Barnes): «Но Арбенс стал президентом на свободных выборах. Какое право мы имеем помогать кому-то свергать его правительство и выкидывать его с должности?».

«На какую-то секунду, – писал Филипс позже, – я заметил на его лице тень беспокойности, сомнения, реакции чувствительного человека». Но Барнс быстро пришел в себя и повторил партийную линию о Советах, создающих «расширяющийся плацдарм» в Центральной Америке [28].

Филипс никогда не оглядывался назад. Когда он ушел из ЦРУ в середине 1970-х годов, он основал Ассоциацию офицеров разведки в отставке для противодействия потоку негативной информации о ЦРУ.

Американские журналисты, освещавшие события в Гватемале, продолжали демонстрировать отсутствие стремления расследовать ситуацию и разобраться в ней. Но то, что было неясным для американской прессы, было очевидным для многих в Латинской Америке. Горячие протесты против США прошли в июне, по крайней мере, в 11 странах и были поддержаны правительствами Эквадора, Аргентины, Уругвая и Чили, которые осудили американскую интервенцию и агрессию.

Журнал «Лайф» отметил эти протесты, заметив, «что мировой коммунизм эффективно использует события в Гватемале, чтобы нанести удар по США». Журнал насмеялся над обвинением в том, что Вашингтон стоит за восстанием [29]. «Ньюсуик» сообщал, что Вашингтон «официально рассматривал» протесты «как показатель глубины проникновения красных в обе Америки» [30]. Однако в то же время секретный меморандум Госдепа признавал, что многие из этих протестов были организованы некоммунистическими левыми и умеренными сторонами США [31].

21 и 22 июня министр иностранных дел Гватемалы Торьелло обратился к ООН со страстным призывом помочь в разрешении кризиса. Американский представитель при ООН Генри Кэбот Лодж (Henry Cabot Lodge) попытался не допустить обсуждения в Совете Безопасности резолюции об отправке в Гватемалу комиссии для расследования и охарактеризовал обращение

ние Торьелло как коммунистические маневры. Но под сильным давлением Генсека ООН Дага Хаммершельда (Dag Hammarskjold) Совбез все-таки был созван. Перед голосованием, когда Лодж работал с маленькими странами, представленными в Совбезе, Эйзенхауэр и Даллес ругались с Францией и Великобританией, которым нравилась резолюция. Президент сказал своему госсекретарю: «Британцы ожидают, что мы дадим им свободу рук на Кипре. Но они даже не хотят нас поддержать в Гватемале! Что ж, дадим им урок» [32].

В результате резолюция была отклонена пятью голосами против четырех. Великобритания и Франция воздержались, хотя это не имело значения, так как для принятия резолюции требовалось семь голосов. Хаммершельд был так раздосадован американскими махинациями, подрывавшими, по его словам, авторитет ООН, что сообщил: он будет вынужден «пересмотреть свое нынешнее положение в ООН» [33].

В то же время ЦРУ приступило к созданию «инцидента». Самолеты Управления сбросили несколько неразрывающихся бомб на территорию Гондураса. Правительство Гондураса обратилось в ООН и ОАГ, заявив, что его страна была атакована самолетами Гватемалы [34].

Наконец, Арбенс получил ультиматум от армейских офицеров: уйти в отставку или же они подпишут соглашение с интервентами. ЦРУ и посол Перифуа предложили офицерам деньги за измену. Сообщалось, что один из командующих армией получил 60 тысяч долларов за капитуляцию своих войск. Прижатый к стене Арбенс сделал попытку вооружить своих гражданских сторонников, но армейские офицеры блокировали раздачу оружия. Президент Гватемалы понял, что конец близок.

«Голос освобождения» тем временем вещал, что два крупных и хорошо вооруженных отряда двигаются в сторону города Гватемала. Через несколько часов поступило сообщение о дальнейшем продвижении мифических сил, хотя Кастильо Армас и его маленькая банда на самом деле не сильно продвинулись от гондурасской границы. Американская дезинформация и слухи продолжали распространяться и другими путями. Арбенс, которому было уже некому доверять в получении достоверной информации, не мог быть более уверен, что в этих радиосообщениях нет хотя бы зерна правды.

Ничто не должно было угрожать победе, такой близкой. Британский грузовой корабль, стоявший в гватемальском порту и попавший под подозрение в поставках топлива для военной техники Арбенса, был разбомблен и потоплен самолетом ЦРУ, после того как команду призвали покинуть судно. Оказалось, что корабль прибыл в Гватемалу за грузом кофе и хлопка.

Отчаявшийся Торьелло неоднократно умолял посла Перифуа прекратить бомбардировки, предложив даже возобновить переговоры по компенсациям «Юнайтед фрут». В длинной телеграмме Джону Фостеру Даллесу министр иностранных дел описал воздушные налеты на гражданское население, подчеркнул незащищенность своей страны перед бомбардировками и призвал США проявить добрую волю и остановить их. Выполняя эту глубоко унижительную миссию, Торьелло высказал все это без единого намека на то, что США участвовали или могли участвовать во всем этом. Просьба была не просто запоздалой. Она была запоздалой еще до того, как события начались.

Силы Кастильо Армаса не могли победить численно превосходящие войска Гватемалы, но атаки с воздуха вместе с верой в непобедимость врага привели к тому, что гватемальские офицеры заставили Арбенса уйти в отставку. Никакие коммунисты, внутренние или внешние, не пришли к нему на помощь. Он только попросил главу офицеров, начальника штаба армии полковника Карлоса Диаса (Carlos Diaz), о том, чтобы тот дал слово не вести переговоры с Кастильо Армасом. Диас, который презирал командира мятежников не меньше, чем Арбенс, с готовностью согласился. Чего не осознавал Диас, так это то, что США не удовлетворятся простым свержением Арбенса. Кастильо Армаса намечали на пост главы правительства, и это назначение обсуждению не подлежало.

Сотрудник ЦРУ Энно Хоббинг (Enno Hobbing), который прибыл в Гватемалу для помощи в составлении новой конституции нового режима, сказал Диасу, что он «сделал большую ошибку», взяв на себя руководство правительством. «Полковник, – сказал Хоббинг, – вы просто не отвечаете требованиям американской внешней политики».

Теперь Перифуа потребовал от Диаса, чтобы он имел дело непосредственно с Кастильо Армасом. Заодно посол показал гватемальскому полковнику длинный список имен, потребовав, чтобы Диас расстрелял их всех в течение 24 часов. «Но почему?» – спросил Диас. «Потому что они коммунисты», – ответил Перифуа [35].

Хотя Диас не сочувствовал коммунистам, он отказался выполнять оба требования и указал, что борьба против вторжения будет продолжаться [36]. Перифуа побагровел от гнева. Он отправил в штаб ЦРУ во Флориде простую телеграмму: «Нас жестоко обманули. БОМБИТЕ!». Через несколько часов из Гондураса вылетел самолет ЦРУ, разбомбил военную базу и уничтожил правительственную радиостанцию. Полковник Кастильо Армас, антикоммунизму которого США могли доверять, скоро стал новым лидером Гватемалы.

Но пропагандистское шоу на этом не закончилось. По приказу ЦРУ гватемальские офицеры нового режима устроили для иностранных корреспондентов экскурсию по бывшей резиденции Арбенса, где они смогли увидеть комнаты, заполненные школьными учебниками, изданными – да, в Советском Союзе. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Пол Кеннеди (Paul Kennedy), настроенный против Арбенса, пришел к выводу, что «книги были подброшены» и не стал возиться с этой сфабрикованной историей [37]. «Тайм» никак не упомянул о книгах, но каким-то образом вышел на историю о том, что толпа разграбила дом Арбенса и нашла «груды коммунистической пропаганды и четыре ящика с землей из России, Китая, Сибири и Монголии» [38]. Статья «Тайм» давала понять, что изданию известно об американской роли в свержении Арбенса (хотя, очевидно, известно не все), но журнал ничего не сказал о правомерности насильственного свержения демократически избранного правительства.

Кастильо Армас отпраздновал освобождение Гватемалы несколькими способами. За один лишь июль тысячи людей были арестованы по подозрению в коммунистической деятельности. Многих пытали и убили. В августе был принят закон и создан комитет, который мог объявлять любого коммунистом без права защиты. Тех, кого таким образом объявляли коммунистом, можно было арестовать на срок до шести месяцев. Они не могли иметь радио или занимать государственный пост. В течение четырех месяцев комитет зарегистрировал 72 тысячи «коммунистов». Чиновник комитета сказал, что они планировали довести список до 200 тысяч [39]. Дальнейшая реализация земельной реформы была остановлена законом, а все уже выполненные мероприятия по экспроприации земли были объявлены недействительными [40]. «Юнайтед фрут» не только получила все свои земли обратно, но вдобавок правительство также запретило деятельность профсоюзов сборщиков бананов. Семь работников компании, которые были активными профсоюзными деятелями, были таинственным образом убиты в городе Гватемала [41].

Новый режим лишил голоса три четверти избирателей Гватемалы, исключив неграмотных из избирательных списков, и запретил все политические партии, профсоюзные конфедерации и крестьянские организации. К этому можно добавить закрытие оппозиционных газет (чего Арбенс не делал), сжигание «подрывных» книг, включая «Отверженных» Виктора Гюго, романов Достоевского, работ гватемальского нобелевского лауреата писателя Мигеля Анхеля Астуриаса (Miguel Angel Asturias), резко критиковавшего «Юнайтед фрут» [42].

Тем временем Джон Фостер Даллес, которого Торьелло обвинил в попытках создания «бананового занавеса» в Центральной Америке [43], был обеспокоен тем, что некоторые «коммунисты» могли избежать кары. В телеграммах, которыми Даллес обменивался с послом Перифуа, он настаивал, чтобы правительство арестовало тех гватемальцев, которые нашли убежище

в иностранных посольствах, и предъявило им «уголовные обвинения», чтобы они не могли покинуть страну, – например, обвинения в том, что они были «тайными агентами Москвы». Госсекретарь утверждал, что коммунисты должны быть автоматически лишены права на политическое убежище, потому что они связаны с международным заговором. Единственным путем, которым они могли воспользоваться, утверждал он, была их отправка в СССР. Но Кастильо Армас отказался удовлетворить требования Даллеса по этому конкретному вопросу. Вероятно, на него повлияло то, что он, как и многие его соратники, время от времени получал политическое убежище в иностранных посольствах [44].

Одним из тех, кто искал убежища в аргентинском посольстве, был 25-летний аргентинский врач по имени Эрнесто Че Гевара. Че Гевара, живший в Гватемале с 1953 года, пытался организовать вооруженное сопротивление вторжению, но безуспешно. Опыт Че Гевары в Гватемале оказал сильное влияние на его политические убеждения. Его первая жена, Ильда Гадеа (Hilda Gadea), которую он встретил там, писала позже:

«Он часто говорил, что до этого момента он был одиноким охотником, критикующим с теоретических позиций политическую панораму нашей Америки. После этого он убедился, что борьба против олигархической системы и главного врага, империализма янки, должна быть вооруженной, поддерживаемой народом» [45].

В результате переворота США конфисковали огромное количество документов гватемальского правительства, несомненно, в надежде наконец-то выявить руку «международного коммунистического заговора», манипулировавшую Арбенсом. Если что-то и было найдено, оно так и не стало достоянием гласности.

30 июня, когда пыль еще не улеглась, Даллес подытожил ситуацию в Гватемале в речи, которая стала памятником холодной войны:

«(События в Гватемале) выявили дьявольские планы Кремля по разрушению внутриамериканской системы... захвату контроля над тем, что они называют массовыми организациями; (коммунистам) удалось захватить официальную прессу и радио гватемальского правительства. Они доминировали в организациях общественной безопасности и проводили аграрную реформу, диктовали конгрессу и президенту свои условия. Лидеры коммунистов открыто манипулировали Арбенсом. Гватемальский режим пользовался полной поддержкой Советской России. Гватемальцы сами испортили ситуацию» [46].

Когда дело дошло до переписывания истории, речь Даллеса не имела ничего общего с докладом ЦРУ для внутреннего пользования, написанным в августе 1954 года: «Когда коммунисты под внешним давлением попытались захватить всю власть в Гватемале, они заставили Арбенса уйти в отставку (удалено). Потом они приступили к созданию коммунистической хунты полковника Карлоса Диаса» [47].

В октябре Джон Перифуа, выступая перед комитетом конгресса, говорил:

«Моя роль в гватемальской революции строго ограничивалась ролью дипломатического наблюдателя. Революция, которая свергла правительство Арбенса, была организована и вдохновлена теми людьми в Гватемале, кто восстал против политики и беспощадного давления со стороны правительства, подконтрольного коммунистам» [48].

Позже Дуайт Эйзенхауэр написал о Гватемале в своих мемуарах. Бывший президент предпочел не делать намеков на то, что США как-то участвовали в планировании или осу-

ществлении переворота, и упомянул, что администрация имела только самое косвенное отношение к его осуществлению [49]. Когда на Западе были опубликованы мемуары Никиты Хрущева, издатель счел нужным нанять видного советолога для написания аннотации к книге и отметить ошибки, вызванные умолчаниями и предвзятостью.

Так уважаемые джентльмены из Госдепа, ЦРУ и «Юнайтед фронт», получившие высокое образование в Принстоне и Гарварде, построившие карьеру на Уолл-стрит, элегантно куря трубки, убеждали друг друга, что неграмотные крестьяне Гватемалы не заслужили землю, которую им дали, что рабочим не нужны профсоюзы, что голод и страдания были малой ценой за избавление от бед коммунизма.

Террор, развязанный Кастильо Армасом, был только началом. Как мы увидим, со временем он ужесточится. Террор продолжался без перерыва более 40 лет.

В 1955 году «Нью-Йорк таймс» сообщила из ООН, что «США начали борьбу за удаление раздела предлагаемого Пакта о правах человека, который представлял угрозу их деловым интересам за рубежом». Проблемный раздел касался права народа на самоопределение и постоянный суверенитет над своими природными богатствами и ресурсами. Газета говорила, что этот раздел пакта «фактически провозглашает право страны на национализацию ее ресурсов...» [50]

11. Коста-Рика, середина 1950-х В попытках свергнуть союзника

Часть I

Хосе Фигереса (Jose Figueres), трижды главу государства Коста-Рика, ЦРУ любило и ненавидело одновременно.

С одной стороны, Фигерес, по собственному признанию в 1975 году, работал на ЦРУ «двадцатью тысячами способов... по всей Латинской Америке» на протяжении тридцати лет [1]. «Я сотрудничал с ЦРУ, когда мы пытались свергнуть Трухильо», – разгласил он свою тайну, говоря о диктаторе Доминиканской Республики [2].

Но в то же время, признавался Фигерес, управление дважды пыталось убить его [3]. Он не уточнил, когда именно, хотя тогда же уточнил, что пытался на протяжении двух лет добиться отмены операции в заливе Свиной. Возможно, это и вызвало покушения в одном или обоих случаях.

Кроме того, ЦРУ пыталось свергнуть правительство Фигереса. В 1964 году произошло первое громкое разоблачение управления, по поводу чего Невидимое правительство (спецслужбы США. – Прим. ред.) сообщило:

«В середине 1950-х агенты ЦРУ глубоко внедрились в политическую жизнь Коста-Рики, самой стабильной и демократической республики в Латинской Америке».

Осведомленные костариканцы знали о роли ЦРУ. Его целью было «способствовать отставке Хосе (Пепе) Фигереса, умеренного социалиста, который стал президентом в честных и открытых выборах 1953 года» [4].

Первый президентский срок Фигереса продолжался до 1958 года; в конце 1940-х он возглавлял либеральную хунту.

«Основное огорчение» ЦРУ вызывал тот факт, что «Фигерес упорно признавал право на политическое убежище в Коста-Рике как некоммунистов, так и коммунистов. Большой приток сомнительных лиц усложнял работу управления по слежке и вынуждал его увеличить свой штат» [5].

На самом деле проблемы ЦРУ с Фигересом зашли куда глубже. Коста-Рика стала убежищем для сотен изгнанников из разных латиноамериканских стран, где установились правые диктатуры, – Доминиканской Республики, Никарагуа, Венесуэлы. Фигерес оказывал этим группам материальную и моральную поддержку в их планах по свержению правых режимов [6]. С позиции Фигереса это полностью соответствовало его антитоталитарным убеждениям, направленным как против левых, так и против правых. Проблемой было то, что правые диктаторы состояли на хорошем счету у американского антикоммунистического клуба «Свободного мира» (отношение США к Трухильо позже было пересмотрено). Более того, Фигерес иногда высказывал критику американской политики, которая поддерживала правые диктатуры, но не принимала во внимание экономические и общественные проблемы полушария.

Такое поведение могло с легкостью перевесить известность Фигереса как антикоммуниста, хотя и не «ультра»; и «социалистом» он был не большим, чем сенатор США Хьюберт Хамфри (Hubert Humphrey). Хотя Фигерес и высказывался порою резко против зарубежных инвестиций, но как президент он отлично ладил с международными фруктовыми компаниями – предметом всеобщей ненависти в Центральной Америке [7].

Помимо оказания поддержки политическим оппонентам [8] Фигереса, ЦРУ пыталось:

«...вызвать неразбериху внутри Коммунистической партии Коста-Рики и связать Фигереса с коммунистами. Попытки создать видимость того, что Фигерес вступал в контакт с лидерами коммунистов во время поездки в Мексику, не увенчались успехом. Но агентам ЦРУ повезло больше с первой частью их стратегии – создавать трудности для коммунистов. Им удалось поместить письмо в коммунистической газете. Это письмо, якобы написанное ведущим костариканским коммунистом, ставило автора в разрез с партийной линией по поводу Венгерской (1956) революции. Будучи не в курсе того, что письмо является фальшивкой ЦРУ, чиновники американского посольства созвали экстренное совещание для обсуждения его значения. Американский агент в Коста-Рике отправил надолго засекреченный после этого доклад в Вашингтон, предупреждая высших политических деятелей о возможности поразительного разворота в политике коммунистов в Латинской Америке» [9].

В 1955 году управление организовало операцию против Фигереса, которая представляла прямую и непосредственную угрозу. Глубокая личная и политическая неприязнь между Фигересом и никарагуанским диктатором Анастасио Сомосой переросла в насилие: в ответ на покушение на жизнь Сомосы, организованное в Коста-Рике при поддержке Фигереса, Никарагуа вторглась в эту страну на суше и в воздухе. Биограф Фигереса Чарлз Амерингер (Charles Ameringer) писал:

«Фигерес обвинил Центральное разведывательное управление США в содействии Сомосе против него. Он утверждал, что ЦРУ чувствует себя должником Сомосы за помощь, которую он предоставил при свержении режима Арбенса. Он заявил, что те же самые пилоты и самолеты (Ф-47), которые участвовали в налете на Гватемалу, «после этого прилетели из Никарагуа и обстреляли одиннадцать беззащитных городов на нашей территории». Согласно Фигересу, в то время как Госдепартамент США готовил продажу истребителей для Коста-Рики, самолеты и пилоты ЦРУ совершали полеты в интересах мятежников» [10].

Интересно заметить, что в этот период, когда практически ничего не было известно о вопиющих тайных операциях ЦРУ, оно было поймано с поличным при прослушке телефона Фигереса. Этот факт был удостоен осуждающего редакторского комментария «Вашингтон пост» и заявления в подобном же тоне в сенате США сенатора Майка Мэнсфилда (Mike Mansfield) [11].

Хосе Фигерес вернулся на пост президента Коста-Рики в 1970 году; ЦРУ вновь предприняло попытки свергнуть его по тем же самым причинам.

12. Сирия, 1956–1957

Покупка нового правительства

«Нейтралитет, – объявил Джон Фостер Даллес в 1956 году, – постепенно стал устаревшим понятием, и кроме разве что исключительных обстоятельств, это аморальная и близорукая концепция» [1].

Близорукость нейтральных правительств заключается скорее в их неспособности понять, что их нейтралитет приведет к попыткам Джона Фостера Даллеса свергнуть их.

Сирия вела себя не так, как, по мнению Вашингтона, должна себя вести страна третьего мира. Начнем с того, что она была единственной страной в регионе, которая отказалась от любой экономической или военной помощи США. Дамаск не желал брать на себя обременяющие условия – принятие военной помощи обычно означало присутствие американских военных советников и специалистов; более того, Акт совместной безопасности США от 1955 года уточнял, что принимающая страна соглашалась вносить свой вклад в «оборонную силу свободного мира» и что политика США должна «поощрять усилия других свободных государств... развитие частной инициативы и конкуренции (иными словами – капитализма)» [2].

Сирийское правительство в предшествовавшие годы вело более или менее консервативную политику и воздерживалось от неприятных левых привычек, таких как национализация компаний, которыми владели американцы. Это, однако, не мешало американским официальным лицам, страдавшим недугом под названием «антикоммунистическая паранойя» или ставшим жертвами собственной пропаганды, постоянно видеть самые зловещие надписи на стенах – и это в Вашингтоне считали проблемой Сирии. Чтобы оценить эту логику, стоит прочесть некогда секретные, а ныне рассекреченные документы Совета по национальной безопасности, основанные частично на докладах, полученных от американского посольства в Дамаске в 1955–1956 годах:

«Если популярные левые тенденции в Сирии будут продолжаться длительное время, существует реальная угроза того, что Сирия окончательно подпадет под контроль левых либо посредством государственного переворота, либо через узурпацию власти»; «фундаментальная антиамериканская и антизападная ориентация сирийцев стимулируется неизбежными политическими спектаклями на тему палестинской проблемы»; «четыре сменяющих друг друга краткосрочных правительства в Сирии разрешали последовательную и возрастающую коммунистическую активность»; «коммунисты поддерживают левые клики в армии»; «апатия к коммунизму со стороны части политиков и офицеров армии» является угрозой безопасности... Партия арабского социалистического возрождения (БААС) и Коммунистическая партия Сирии способны привести к дальнейшему разрушению сирийской внутренней безопасности»; «опасность государственного переворота БААС» и «усилившееся коммунистическое проникновение в правительство и армию»; «из всех арабских государств Сирия в настоящем является наиболее искренне преданной политике нейтралитета с сильными антизападными тонами»... «если нынешняя тенденция сохранится, есть большая вероятность того, что в результате мы получим управляемую коммунистами Сирию, угрожающую миру и стабильности в регионе и ставящую под удар наши достижения на Ближнем Востоке»; мы «должны сделать приоритетным разработку планов действий на Ближнем Востоке, с тем чтобы усилить влияние на положение в Сирии

и предпринять специфические шаги по противодействию коммунистической подрывной деятельности» [3].

Может показаться, что мысль о военных, которые были левыми и/или апатичными к коммунизму, действительно была нелепым феноменом мышления официальных лиц США. Но нигде, ни в каких документах не было упоминания о том, что левые/коммунисты/БААС действительно совершили что-то незаконное и нехорошее, хотя применяемый тон близок к тому, что мы видели в главе о Гватемале: эти люди не присоединяются к чему-либо, а «внедряются», «проникают»; они «контролируют», они – «оппортунисты». В принципе, описанное поведение подобно поведению других политических игроков: попытки влиять на ключевые сектора общества и завоевать союзников. Но для людей, занимающих ответственные посты в Совете по национальной безопасности и Госдепартаменте, злые намерения и опасность таких людей были настолько очевидны, что даже не нуждались в разъяснении.

Существует одно исключение, видимо, высказанное для объяснения неудобного наблюдения:

«На самом деле, похоже, что у коммунистической партии немедленный захват власти не стоит на повестке дня. Скорее всего, она стремится к разрушению национального единства, усиливая при этом поддержку советской политики и противодействие западной политике, а также обостряя напряженность в арабском мире. В этом плане они существенно продвинулись вперед» [4].

Нет ни единого намека на то, что автор имеет в виду под «национальным единством».

Левоориентированное или подконтрольное коммунистам сирийское правительство, делал выводы посол США в Сирии Джеймс Мус-младший (James Moose Jr.), «явно угрожает американским интересам в соседней Турции, что, в свою очередь, может коснуться всех государств НАТО, и так далее и тому подобное» [5]. Было очевидно, что если на сирийское правительство нельзя полагаться по поводу надвигающейся левой катастрофы, то с ним нужно что-то делать.

К этому нужно добавить обычную ближневосточную интригу: замыслы Ирака с британцами свергнуть правительство Сирии и Насера в Египте; давление британцев на американцев, чтобы те присоединились к заговору [6], и компромиссное предложение ЦРУ – оставьте в покое Насера на время, и мы разберемся с Сирией [7].

Невероятный сценарий, скандальный, но в духе проверенных временем традиций Ближнего Востока. Британцы давно занимались такими делами. Даллес и американцы, до сих пор ликующие по поводу сотворения ими шаха в Иране, стремились продолжить переделывание нефтеносного региона по собственной задумке.

Уилбур Крэйв Ивленд (Wilbur Crane Eveland) был членом Совета по национальной безопасности, межведомственной структуры высокого уровня, которая, теоретически, отслеживает и осуществляет контроль над скрытыми действиями ЦРУ. Ивленд обладал многолетним опытом на Ближнем Востоке, и ЦРУ попросило направить его к ним для серии заданий в регионе.

Арчибальд Рузвельт (Archibald Roosevelt), как и его двоюродный брат Кермит Рузвельт, был высокопоставленным кадровым сотрудником ЦРУ; оба были внуками Теодора Рузвельта. Кермит разработал план свержения иранского правительства в 1953 году. Арчи надеялся повторить то же самое в Сирии.

Михаил Бей Илаин (Michail Bey Ilyan) когда-то был министром иностранных дел Сирии. В 1956 году он был лидером консервативной Народной партии.

Во время встречи этих трех людей в Сирии, в Дамаске, 1 июля 1956 года, как описано Ивлендом в его мемуарах, Рузвельт спросил у Илаина, «что необходимо сделать, чтобы дать

сирийским консерваторам достаточную возможность очистить страну от коммунистов и их левых сторонников. Илаин перечислил имена и города; радиостанции в Дамаске и Алеппо, несколько ключевых старших офицеров... достаточно денег для подкупа газет, на тот момент находившихся в египетских и саудовских руках». Рузвельт нажимал далее. «Могли бы эти мероприятия, – спросил он Илаина, – быть осуществлены деньгами и силами одних США, без помощи других западных или ближневосточных стран?» «Без проблем», – отвечал Илаин, мрачно кивая.

26 июля президент Египта Гамаль Абдель Насер объявил, что его правительство берет под свой контроль деятельность Суэцкого канала. Реакция британцев и французов была быстрой и бурной. А реакция Соединенных Штатов оказалась менее агрессивной на публике, хотя все же осуждающей, и счета египетского правительства в США были заморожены. Неожиданный инцидент стал помехой в планах ЦРУ: как в отчаянии объяснял Илаин Ивленду, Насер стал героем арабского мира, и взаимодействие с какой-либо западной державой в целях свержения арабского правительства было политически неоправданно.

По времени переворот был запланирован на 25 октября. Разработчики, как подчеркивал Илаин, призвали старших полковников сирийской армии:

«...взять под контроль Дамаск, Алеппо, Хомс и Хаму. Приграничные посты с Иорданией, Ираком и Ливаном также должны быть захвачены для того, чтобы закрыть границы Сирии на замок до того момента, когда радиостанции объявят о взятии правительства под контроль полковником Каббани; он расставит вооруженные посты в ключевых точках Дамаска. Как только будет установлен контроль, Илаин скажет избранной группе гражданских людей, что они станут членами нового правительства, но во избежание утечки этот разговор состоится только за неделю до переворота».

Для этой операции деньги должны были сменить хозяев. Илаин запросил и получил полмиллиона сирийских фунтов (примерно 167 тысяч долларов). Далее сирийцы поставили условием своего участия в перевороте гарантию американским правительством на высшем уровне того, что США поддержат переворот и немедленно признают новое правительство. По словам Илаина, это можно было сформулировать таким образом: в апреле президент Эйзенхауэр заявил, что Соединенные Штаты будут противодействовать агрессии на Ближнем Востоке, но только с одобрения конгресса. Он спросил, мог бы президент повторить это заявление в свете Суэцкого кризиса в определенный день, когда коллегам Илаина будет сказано ожидать этого? Слова Эйзенхауэра и стали бы гарантией, которую они ждали.

Утвердительный ответ на план Илаина поступил из Вашингтона в Дамаск на следующий день. Соответствующий повод для требуемого заявления должен был быть найден, и секретарь Даллес объявит его. План заключался в том, что Даллес публично сошлется на заявление Эйзенхауэра между 16 и 18 октября, тем самым предоставляя Илаину неделю для формирования его гражданской команды.

Вскоре Джон Фостер Даллес организовал пресс-конференцию. В свете недавних израильских атак на Иорданию один из присутствующих репортеров спросил, могут ли Соединенные Штаты прийти на помощь Иордании в соответствии с «нашим заявлением от 9 апреля».

«Да», – ответил госсекретарь, повторяя ссылку на апрельское заявление. Это было 16 октября.

Но вскоре после этого последовало сообщение от Илаина из Дамаска Ивленду в Бейрут, согласно которому дата переворота откладывалась на пять дней – до 30 октября, так как полковник Каббани информировал, что его люди не совсем готовы.

Перенос имел решающее значение. Рано утром 30 октября Михаил Илаин вне себя появился в дверях Ивленда. «Этой ночью, – кричал он, – израильтяне вторглись в Египет и

сейчас выдвигаются к Суэцкому каналу! Как вы могли просить нас свергнуть наше правительство в тот момент, когда Израиль развязал войну с арабским государством?» [8]

В Вашингтоне продолжали бить в набат о левых тенденциях в Сирии. «В январе 1957 года, – писал позже президент Эйзенхауэр, – директор ЦРУ Аллен Даллес предоставил доклады, показывающие, что новый сирийский кабинет взял левый уклон» [9]. Два месяца спустя Даллес подготовил «Доклад о положении в Сирии», в котором писал о «возрастающей тенденции правительства к намеренно левому, просоветскому курсу». Даллес был озабочен «организованной группой левых офицеров, принадлежащих к Партии арабского социалистического возрождения» [10]. В этот же месяц внутренний документ Госдепартамента констатировал:

«Считается, что британцы активно стимулируют изменения в нынешнем режиме Сирии, пытаясь обеспечить прозападную ориентацию будущих сирийских правительств. Соединенные Штаты разделяют обеспокоенность британского правительства по поводу положения в Сирии» [11].

Позже, в июне, внутренний меморандум министерства обороны указывал на возможный «левый государственный переворот». Согласно ему, это должно было быть осуществлено против «левого правительства Сирии» [12].

Именно поэтому в Бейруте и Дамаске чиновники ЦРУ снова пытались режиссировать сирийский переворот. Теперь Кермит Рузвельт дергал за ниточки активнее, чем его двоюродный брат Арчибальд. Он организовал перевод Говарда (Рокки) Стоуна из Судана в Дамаск для того, чтобы «разработка» была осуществлена «профессионалом». Стоун в свои 32 года уже был легендой секретных служб ЦРУ из-за того, что помог Киму Рузвельту свергнуть иранское правительство четырьмя годами ранее, но в чем именно состоял вклад Стоуна, остается неясным.

Предполагаемым победителем этого конкретного заговора был Адиб Шишакли (Adib Shishakly), бывший правый диктатор Сирии, нелегально проживавший в Ливане. Бывший глава безопасности Шишакли, полковник Ибрагим Хуссейни (Ibrahim Hussein), ныне военный атташе Сирии в Риме, тайно проник в Ливан с паспортом, сфабрикованным ЦРУ. Хуссейни должен был быть переправлен через сирийскую границу в багажнике дипломатического автомобиля США, чтобы встретиться с ключевыми сирийскими агентами ЦРУ и предоставить гарантии, что Шишакли вернется к власти после того, как сирийское правительство будет свергнуто.

Но переворот был раскрыт еще до того, как начался. Офицеры сирийской армии, которым были поручены важные роли в операции, пришли в кабинет главы сирийской разведки полковника Сараджа (Sarraj), сдали полученные ими в качестве взятки деньги и назвали имена чиновников ЦРУ, заплативших им. Подполковник Роберт Моллой (Robert Molloy) – американский военный атташе, Франсис Жетон – кадровый сотрудник ЦРУ, официально вице-консул при посольстве США, легендарный Говард Стоун, выполнявший обязанности второго секретаря по политическим делам, были объявлены персонами нон-грата и высланы из страны в августе.

Подполковник Моллой намеревался покинуть Сирию эффектно. Когда его автомобиль приблизился к ливанской границе, он сбил сопровождавший его сирийский мотоциклетный эскорт и крикнул упавшему водителю, что «полковник Сарадж и его друзья-коммуняки» должны знать, что Моллой «одной рукой выбьет всю дурь из них, если они когда-либо снова попадутся на его пути».

В заявлении сирийского правительства, которое последовало за приказом о выдворении, говорилось, что Стоун сначала установил контакт с запрещенной социал-националистической партией, а потом с армейскими офицерами. Когда военачальники доложили о заговоре, им

приказали продолжить контакты с американцами и позже встретиться с Шишакли и Хуссейни дома у штатных сотрудников американского посольства. Согласно отчетам, Хуссейни заявил военачальникам, что Соединенные Штаты были готовы перечислить новому сирийскому правительству от 300 до 400 миллионов долларов помощи, если оно заключит мир с Израилем.

Забавное отступление от этого дела случилось, когда министр обороны Сирии и посол Сирии в Италии оспаривали участие Хуссейни в заговоре. Посол указал, что Хуссейни не был в Сирии с 20 июля и его паспорт не содержал свидетельств его пребывания вне Италии с того момента.

Госдепартамент охарактеризовал сирийские обвинения как «абсолютно сфабрикованные» и ответил той же монетой – выдворением сирийского посла и второго секретаря и отзывом американского посла из Сирии. Это изгнание главы дипмиссии иностранного государства из США случилось впервые с 1915 года [13].

На волне разногласий «Нью-Йорк таймс» писала:

«Существуют многочисленные теории о том, почему сирийцы выступили против Соединенных Штатов. Одна из них – они действовали по подстрекательству Советского Союза. Другая – правительство создало антиамериканскую шпионскую историю, чтобы отвлечь общественное внимание от важности сирийских переговоров с Москвой» [14].

В том же номере редакция «Нью-Йорк таймс» рассуждала и о других правдоподобных версиях [15]. Однако ни в новостных выпусках, ни в редакционной колонке газета даже не рассматривала возможность того, что сирийские обвинения могли быть и правдой.

Президент Эйзенхауэр, вспоминая этот инцидент в своих мемуарах, не представил никаких доводов против обвинений. Его единственным комментарием по поводу выдворения американских дипломатов было: «Все действие сокрыто загадками, но было сильное подозрение, что коммунисты получили контроль над правительством. Более того, у нас есть свежие данные о том, что советский блок поставлял вооружение в Сирию» [16].

Одержимость нейтралитетом/«левизной» сирийской политики не оставляла Соединенные Штаты. Спустя пять лет, когда Белый дом занимал уже Джон Кеннеди, он встретился с британским премьер-министром Макмилланом, и оба лидера, согласно докладам ЦРУ, согласились с необходимостью «проникновения и культивирования разрушительных элементов в сирийских вооруженных силах, в частности в сирийской армии, для того чтобы Сирия могла быть управляема Западом» [17].

Спустя десятилетия Вашингтон все еще был обеспокоен, хотя Сирия так и не «свернула к коммунизму».

13. Ближний Восток, 1957–1958 «Доктрина Эйзенхауэра» – Америке нужен еще один задний двор

9 марта 1957 года Конгресс США утвердил президентскую резолюцию, ставшую известной как «доктрина Эйзенхауэра». Этим листком бумаги, как ранее «доктриной Трумэна» и «доктриной Монро», американская администрация утверждала за собой примечательное и завидное право на военное вторжение в другие страны. Одним росчерком пера Ближний Восток был присоединен к Европе и Западному полушарию – американской игровой площадке.

В резолюции говорилось, что «Соединенные Штаты считают жизненно необходимым как для национальных интересов, так и для интересов мира во всем мире сохранение независимости и единства стран Ближнего Востока». Хотя в этот же период, как мы видели, ЦРУ начало операцию по свержению правительства Сирии.

Деловая часть резолюции заключалась в лаконичном заявлении о том, что США «готовы использовать вооруженные силы для оказания помощи» любому государству Ближнего Востока, «взывающему о защите против вооруженной агрессии со стороны любого государства, контролируемого международным коммунизмом». О некоммунистической или антикоммунистической агрессии, угрожающей миру во всем мире, не было сказано ни слова.

Уилбур Крэйн Ивленд (Wilbur Crane Eveland), специалист по Ближнему Востоку, работавший в то время на ЦРУ, присутствовал на встрече в Госдепартаменте, созванной двумя месяцами ранее для обсуждения резолюции. Ивленд был ознакомлен с проектом резолюции, в котором говорилось, что «многие, если не все», страны Ближнего Востока «осознают опасность, исходящую от международного коммунизма». Позже он писал:

«Я был шокирован. Мне было интересно: кому в голову пришла идея именно таким образом сформулировать опасность для арабов? Израильская армия только что вторглась в Египет и до сих пор занимает весь Синайский полуостров и сектор Газа. И если бы не угроза СССР вмешаться на стороне египтян, то британские, французские и израильские вооруженные силы могли бы сейчас занять Каир и праздновать унизительное лишение Насера власти» [1].

Упрощенный и поляризованный взгляд на мир, отраженный в «доктрине Эйзенхауэра», игнорировал не только антиизраильские настроения, но и патриотические течения, тенденции панарабизма, нейтралитета и социализма, превалировавшие во многих влиятельных ближневосточных кругах. Авторы резолюции видели перед собой только один из фронтов холодной войны и, явив ее миру, тем самым преуспели в создании такого фронта.

В апреле король Иордании Хусейн отправил в отставку премьер-министра Сулеймана Набулси (Suleiman Nabulsi). Послухам, причем небезосновательным, Набулси был замешан в готовящемся против короля перевороте, подстрекаемом Египтом, Сирией и проживавшими в Иордании палестинцами. Это был ключевой момент в продолжавшемся конфликте между Хусейном с его прозападной политикой и склонным к политике нейтралитета Набулси. Так, Набулси заявил, что в соответствии с его политикой нейтралитета, Иордания готова наладить близкие дружественные отношения с Советским Союзом и принять его помощь, если СССР ее предложит. При этом он отверг американскую помощь, поскольку по его словам, Соединенные Штаты сообщили ему, что экономическая помощь будет оказана лишь после того, как «Иордания прекратит свои контакты с Египтом» и «согласится принять палестинских беженцев на

поселение в Иордании». Госдеп эти обвинения отрицал. Набулси также добавил, что «коммунизм для арабов не опасен».

Хусейн же, наоборот, обвинил «международный коммунизм и его последователей» в прямой ответственности за «попытки уничтожить его страну». Когда к нему обратились за уточнениями по его обвинению, он отказался представить какие-либо факты.

Когда в нескольких городах Иордании начались мятежи и появились признаки начала гражданской войны, Хусейн продемонстрировал, что является достойным противником, способным справиться с надвигающейся угрозой для своего правления. Он ввел военное положение, очистил правительство и армию от пронасеровских и левых тенденций, а также запретил какую-либо политическую оппозицию. Иордания вскоре снова вернулась к относительно спокойному состоянию.

Тем не менее США воспользовались выражением Хусейна «международный коммунизм», чтобы оправдать скорейшую переброску кораблей Шестого флота на восток Средиземноморья. В их числе были авианосец, два крейсера, 15 эсминцев, за которыми последовали другие военные суда и батальон морских пехотинцев, высадившихся в Ливане для «подготовки к возможной будущей интервенции в Иорданию» [2].

Несмотря на то что ничего даже отдаленно напоминавшего «вооруженную агрессию со стороны любого государства, контролируемого международным коммунизмом», не имело места, Госдепартамент открыто призвал короля сослаться на «доктрину Эйзенхауэра» [3]. Однако Хусейн, который даже не просил о демонстрации силы, отказался, понимая, что такой шаг только подольет масла в огонь, уже пылавший в политической жизни Иордании. Он выжил и без этого.

В том же году ЦРУ начало тайно выплачивать королю Хусейну денежные суммы, изначально составлявшие миллионы долларов в год. Это продолжалось 20 лет, при этом Управление также предоставляло Хусейну женщин-компаньенок. Чтобы оправдать платежи, ЦРУ позже заявило, что Хусейн позволял американской разведке свободно действовать на территории Иордании. Хусейн сам снабжал ЦРУ разведанными и распределял часть выплат среди других чиновников, тоже подготавливавших информацию и сотрудничавших с Управлением [4].

Спустя несколько месяцев на авансцену мелодрамы Вашингтона под названием «международный коммунизм» вышла Сирия. Сирийцы установили тесные контакты с Советским Союзом в форме торговых отношений, экономической помощи, военных закупок и обучения. США стали рассматривать это как угрозу, хотя такое состояние дел во многом было вызвано Джоном Фостером Даллесом (John Foster Dulles), в чем мы убедились в прошлой главе. Антипатия Америки по отношению к Сирии достигла своего апогея в августе, после того как Дамаск обнародовал разработанный в ЦРУ антиправительственный заговор, нацеленный на свержение правительства Сирии.

Представители Вашингтона и американских СМИ с легкостью стали называть Сирию «советским сателлитом» или «квазисателлитом». Эти обвинения не были ни объективными, ни спонтанными. Кеннет Лав (Kennett Love), корреспондент «Нью-Йорк таймс», тесно сотрудничавший с ЦРУ (см. главу об Иране), позже раскрыл ряд обстоятельств, стоявших за этим:

«Посольство США в Сирии сквозь пальцы смотрело на лживые отчеты, публиковавшиеся в Вашингтоне и Лондоне через дипломатические каналы и прессу, в которых говорилось, что русское оружие рекой поставлялось в сирийский порт Латакию, что в Сирию прибыло «не более 123 МиГов» и что начальник сирийской разведки подполковник Абдель Хамид Сарадж (Abdel Hameed Serraj) взял в свои руки контроль над государственным переворотом, к которому подстрекали коммунисты. Я беспрепятственно путешествовал по всей Сирии в ноябре и декабре (1956) и выяснил, что там действительно было

«не более 123 МиГов». Их там вообще не было. И на протяжении нескольких месяцев никаких вооружений от русских не поступало. И не было никакого государственного переворота, хотя некоторые корреспонденты в Бейруте, что в двух часах езды от Дамаска, пересказывали без ссылки на источник лживую информацию, скормленную им посетителями посольства в Дамаске и странствующим агентом ЦРУ, работавшим под прикрытием сотрудника Казначейства США. Сарадж, который был антикоммунистом, только что сорвал неумело спланированный британо-американо-иракский заговор (по свержению сирийского правительства). В Сирии было тихо, беспокойство лишь вызывало предчувствие нового государственного переворота или прозападного вторжения» [5].

Чтобы убедить оставшихся скептиков, Эйзенхауэр послал своего личного представителя Лоя Хендерсона (Loy Henderson) в поездку по Ближнему Востоку. Неудивительно, что Хендерсон вернулся со следующим выводом: «Во всех странах Ближнего Востока присутствуют опасения, что Советы могут сместить существующие в их странах режимы, используя кризис в Сирии» [6]. Он не представил информации о том, считали ли сами сирийцы, что они переживают кризис.

Чтобы понять, насколько искусственным был кризис, объявленный Белым домом, насколько произвольными были мрачные предсказания о Советском Союзе, давайте рассмотрим следующую выдержку из докладной записки министерства обороны, датированной июлем 1957 года, то есть за два месяца до поездки Хендерсона на Ближний Восток:

«СССР не проявил намерений напрямую вмешиваться в существовавшие на Ближнем Востоке кризисные ситуации, и мы считаем, что, скорее всего, СССР не будет вмешиваться напрямую для обеспечения успеха левого переворота в Сирии» [7].

В начале сентября, за день до возвращения Хендерсона, США объявили о том, что Шестой флот снова направляется в Средиземноморье и что вооружение и боевая техника срочно перебрасываются в Иорданию, Ливан, Ирак и Турцию. Спустя несколько дней Саудовская Аравия также вошла в этот список. Советский Союз ответил поставкой вооружений в Сирию, Египет и Йемен.

Сирийское правительство обвинило США в том, что те направили группу военных кораблей к побережью, бросив «открытый вызов», и в том, что неопознанные самолеты на протяжении четырех суток днем и ночью совершали полеты над Латакией. Именно в порт Латакии приходили советские суда.

Сирия также утверждала, что США спровоцировали Турцию сконцентрировать около 50 тысяч солдат на границе с Сирией. Сирийцы не восприняли всерьез объяснений о том, что турецкие войска выполняли учебные маневры. Эйзенхауэр позже писал, что войска у границы были «готовы к действию» и что Соединенные Штаты уже заверили лидеров Турции, Ирака и Иордании в том, что, если те «почувствуют необходимость действовать против агрессии сирийского правительства, США ускорят поставки вооружений, уже выделенных для стран Ближнего Востока, и в дальнейшем США будут восполнять потери этих стран как можно быстрее». Президент не сомневался, что такое действие может быть предпринято для отражения, по его словам, «ожидаемой агрессии» Сирии, а значит, будет, «в сущности, оборонительным по своей природе» [8].

Роль Америки могла быть более активной, нежели это предлагал Эйзенхауэр. Один из его советников, Эммет Джон Хьюз (Emmet John Hughes), писал о том, что помощник госсекретаря Кристиан Гертер (Christian Herter), который позже заменил ушедшего по состоянию здоровья Джона Фостера Даллеса (John Foster Dulles) на посту госсекретаря, «рассматривал

в мельчайших деталях... некоторые недавние неумелые подпольные попытки Америки подстегнуть турецкие вооруженные силы на какое-нибудь неопределенное боевое столкновение с Сирией» (9).

Даллес в публичных заявлениях дал понять, что США с нетерпением ждут возможности применить «доктрину Эйзенхауэра», которая послужила бы «оправданием» дальнейших действий против Сирии. Но он не предлагал никаких объяснений того, как это возможно осуществить. Конечно, Сирия не собиралась просить о помощи в рамках «доктрины Эйзенхауэра».

Единственно возможным решением была атака Сирии на другую арабскую страну, которая потом, в свою очередь, обратится за помощью к США. Это было единственным разумным объяснением американскому шквалу военных и дипломатических усилий, направленных на Сирию. Исследование, проведенное для Пентагона спустя несколько лет, пришло к заключению: «В 1957 году во время сирийского кризиса... Вашингтон, похоже, добивался изначального применения силы самой целью» [10] (под «целью» понималась Сирия).

На протяжении этого периода представители Вашингтона, с одной стороны, пытались рассчитывать на заявления других арабских государств о том, что Сирия действительно была разновидностью советского сателлита и представляла для региона угрозу, а с другой стороны, заверяли мировое сообщество в том, что США получили достаточно таких заявлений. Но Иордания, Ирак и Саудовская Аравия отрицали, что ощущают на себе угрозу со стороны Сирии. Египет, ближайший союзник Сирии, конечно же, вторил этому. На пике «кризиса» король Иордании Хусейн отправился на отдых в Европу. Иракский премьер-министр объявил, что его страна и Сирия достигли «полного взаимопонимания», а король Саудовской Аравии Сауд в сообщении Эйзенхауэру отметил, что озабоченность США по поводу Сирии «преувеличена» и попросил президента предоставить «обновленные гарантии того, что Соединенные Штаты воздержатся от любого вмешательства во внутренние дела арабских государств». Сауд добавил, что «попытки свергнуть сирийский режим лишь сделают сирийцев более податливыми советскому влиянию» – это мнение разделяли несколько наблюдателей от каждой из сторон.

В то же время «Нью-Йорк таймс» сообщала:

«С самого начала кризиса, возникшего из-за смещения Сирии влево, он вызвал куда меньше беспокойства среди арабских соседей, нежели в Соединенных Штатах. Зарубежные дипломаты в регионе, в том числе и многие американские дипломаты, ощущают, что шумиха, вызванная в Вашингтоне, непропорциональна своей причине».

В конечном счете Даллес, вероятно, признал факт отсутствия поддержки для американского тезиса, потому что когда его попросили конкретно «охарактеризовать соотношение между советскими целями в регионе и той частью, которую занимает в них Сирия», он ответил, что «ситуация внутри Сирии неясна в полной мере и несколько неустойчива». Сирия, по его заявлениям, еще не попала в лапы международного коммунизма.

На следующий день Сирия, не желавшая изолироваться от Запада, также умерила свой тон, объявив, что американские военные корабли находятся в 15 милях от берега и «спокойно продолжают движение по своему курсу» [11].

Оказалось, что все в том же беспокойном 1957 году Соединенные Штаты были вовлечены в заговор по свержению Насера с его назойливым национализмом, хотя подробности этой попытки полностью не восстановлены. В январе, когда король Сауд и иракский наследный принц Абдул Иллах (Abdul Illah) посещали ООН в Нью-Йорке, с ними связывался директор ЦРУ Аллен Даллес и один из его главных помощников Кермит Рузвельт (Kermit Roosevelt). Американцы предложили при содействии ЦРУ скрытно спланировать и профинансировать свержение египетского лидера, чья радикальная риторика, хотя и в зачаточном состоянии, рассматривалась королевскими гостями как угроза самой идее монархии. Насер и другие вое-

начальники сместили короля Египта Фарука в 1952 году. Парадоксальным образом Кермиту Рузвельту и ЦРУ традиционно приписывается роль в разработке этого переворота. Однако нельзя сказать с точностью, действительно ли они это сделали [12].

«Абдул Иллах, – писал Ивлэнд, – настаивал на британском участии во всех тайных операциях, но саудовцы оборвали все связи с Британией и отказались от этой идеи. В результате ЦРУ работало отдельно с каждым, согласившись финансировать короля Сауда в новой региональной схеме для противостояния Насеру и устранения его влияния в Сирии; с той же целью ЦРУ координировало в Бейруте тайную рабочую группу из представителей британской, иракской, иорданской и ливанской разведок» [13].

Разработка заговора началась в середине весны, в доме Госна Зогби (Ghosn Zogby) в Бейруте. Зогби, выходец из Ливана, был главой резидентуры ЦРУ в Бейруте. Он и Кермит Рузвельт, живший тогда у него, провели в доме несколько тайных совещаний по планированию. «Их «скрытные» перемещения, – продолжал Ивлэнд, – были настолько очевидными, что когда британские, иракские, иорданские и ливанские связные приходили и уходили по ночам, египетский посол в Ливане, согласно отчетам, делал ставки на место и время следующего переворота с участием США». На одной из таких встреч человек из британской секретной разведывательной службы (SIS) проинформировал собрание о том, что были высланы команды специалистов для убийства Насера.

Вскоре Ивлэнд узнал от представителя ЦРУ о том, что Джон Фостер Даллес со своим братом Алленом направили Рузвельта сотрудничать с англичанами в деле свержения Насера. Теперь, когда речь шла о Египте, Рузвельт высказывался в духе «дворцовых переворотов» [14].

С этого момента начинается неопределенность, поскольку последующие события содержат больше вопросов, чем ответов. При участии шести вышеупомянутых стран, а также Турции и Израиля, очевидно, присоединившихся к действию по ходу пьесы, а также в условиях менее чем доверительной и дружелюбной обстановки в отношениях между некоторыми правительствами, множество сюжетных линий, интриг и контринтриг неминуемо воплотилось в жизнь. Местами это граничило с комедией, хотя некоторые называли это нормальной ближневосточной «дипломатией».

В период между июлем 1957 и октябрём 1958 года египетские и сирийские правительства и СМИ объявили о раскрытии по меньшей мере восьми отдельных заговоров, направленных на свержение того или иного правительства, на физическое устранение Насера и/или на предотвращение ожидавшегося объединения двух стран. Чаще всего заговорщиками назывались Саудовская Аравия, Ирак и США, но из-за хитросплетения интриг, оказавшихся на поверхности, практически невозможно распутать нити, указывающие на роль США [15].

Типичным и близким к фарсу стал факт, что братья Даллесы, авторы, по крайней мере, одного покушения на Насера, сочли приказом на совершение убийства Насера фразу Эйзенхауэра о том, что «проблема с Насером может быть устранена». Президент же, согласно истории, имел в виду улучшение американо-египетских отношений. После осознания своей ошибки, госсекретарь Даллес отдал приказ о прекращении операции [16] (тремя годами позже Аллен Даллес снова «неверно истолковал» слова Эйзенхауэра как приказ на уничтожение Патриса Лумумбы в Конго).

Официальные заявления США того периода преследовали цель заставить мир поверить в то, что Советский Союз был «серым кардиналом», стоявшим за междоусобицами в Иордании, «кризисом» в Сирии и в целом волнениями на Ближнем Востоке. По заявлениям Вашингтона, целью Советов было доминирование в регионе, в то время как единственной целью США были отражение этого советского стремления и сохранение независимости арабских стран. И все же по трем отдельным случаям в феврале, апреле и сентябре 1957 года Советский Союз призывал к принятию четырехсторонней (СССР, США, Великобритания, Франция) декларации об отказе от применения силы и вмешательства во внутренние дела ближневосточных стран.

В февральском обращении также прозвучал призыв к введению четырехстороннего эмбарго на поставки вооружений в регион, выводу всех иностранных войск, ликвидации всех военных баз, а также к проведению конференции для достижения всеобщего равновесия в ближневосточном регионе.

Советской стратегией было явное стремление нейтрализовать Ближний Восток, устранить давно ощущавшуюся угрозу от потенциально враждебного контроля Франции и Великобритании над нефтедобывающим регионом, а теперь и от США, стремившихся заполнить «вакуум власти», возникший в результате утраты этими двумя европейскими государствами своего влияния на Ближнем Востоке.

История не знает, каким бы стал Ближний Восток, будь он свободен от великодержавных манипуляций, – ведь ни Франция, ни Великобритания, ни США даже не были готовы назвать предложение Советского Союза «блефом», если оно действительно им было. Газета «Нью-Йорк таймс» обобщила отношения трех западных держав к первым двум инициативам. Они «энергично возражали против предложений Советов, посчитав их попытками получить признание права СССР на прямое участие в делах Ближнего Востока. Они посоветовали русским обратиться со своими жалобами в ООН».

После сентябрьских предложений Джон Фостер Даллес, отвечая на вопрос во время пресс-конференции, сказал, что «Соединенные Штаты скептически относятся к договоренностям с Советским Союзом о невмешательстве. То, о чем Советы склонны думать, – это наше невмешательство и их скрытое участие». Это единственный публичный комментарий по данному вопросу, который правительство США сочло уместным сделать [17].

Полезно было бы поразмышлять о реакции западных стран в том случае, если бы Советский Союз принял «доктрину Хрущева», оставляя за собой право на такой же спектр действий на Ближнем Востоке, какой оговорен в «доктрине Эйзенхауэра».

В январе 1958 года Сирия и Египет озвучили свои планы по объединению, формируя новое государство – Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Инициатива по слиянию принадлежала Сирии, которая была в немалой степени движима опасением дальнейшей силовой игры против нее самой со стороны Америки. По иронии судьбы, согласно условиям объединения, коммунистическая партия, уже запрещенная в Египте, была распущена в Сирии – так была достигнута цель, которой ЦРУ не добилось за полтора года своих тайных операций.

Через две недели после появления ОАР Ирак и Иордания в качестве прямого ответа сформировали Арабский союз. «Повивальной бабкой» этого союза стали США. Союз был недолговечным, поскольку в июле кровавый переворот в Ираке свергнул монархию, новый режим установил республику и скоро отказался от пакта. Трубы Армагеддона снова были разборчиво слышны в Овальном кабинете. «Этот печальный исход событий, – писал Эйзенхауэр в своих мемуарах, – мог без стремительной реакции с нашей стороны вылиться в полную потерю западного влияния на Ближнем Востоке» [18]. Беспокойство американского президента, скорее всего, было вызвано тем фактом, что одно из самых больших нефтяных месторождений в мире отошло под контроль правительства, которое могло оказаться не таким верным союзником, как предыдущий режим, и слишком независимым от Вашингтона.

Время, когда просто демонстрации силы было достаточно, подошло к концу. На следующий день морские пехотинцы вместе с американскими ВМФ и ВВС были направлены в регион – но не в Ирак, а в Ливан.

Из всех арабских стран Ливан был самым близким союзником Соединенных Штатов. Только Ливан поддерживал «доктрину Эйзенхауэра» с некоторым энтузиазмом и определенно разделял панические настроения Вашингтона в отношении Сирии. Точнее, разделяли их президент Ливана Камиль Шамун (Camille Chamoun) и министр иностранных дел Шарль Малик (Charles Malik), доктор философских наук, выпускник Гарварда, который целиком и полностью присоединился к США во время холодной войны. Шамун имел все резоны быть предан-

ным сторонником США. ЦРУ, очевидно, сыграло свою роль в его выборах в президенты в 1952 году [19], а в 1957 году ЦРУ подготовило для Шамуна щедрую денежную поддержку для использования на июньских выборах кандидатов в палату представителей (парламент). Нужно было выбрать тех, кто поддержит Шамуна и американскую политику. Также денежные средства выделялись для противодействия кандидатам, которые ушли в отставку в знак протеста против приверженности Шамуна «доктрине Эйзенхауэра».

Как и принято в таких операциях, ЦРУ направило в Бейрут вместе с деньгами «специалиста по выборам» для оказания помощи в деле планирования. Официальные лица США и Ливана действовали исходя из предположения, что Египет, Сирия и Саудовская Аравия тоже финансово вмешаются в выборы. Американский посол в Ливане Дональд Хит (Donald Heath) не без иронии аргументировал, что «вместе с президентом и новой палатой представителей, поддерживаемыми американские принципы, мы получили бы подтверждение того, что представительная демократия может работать» на Ближнем Востоке.

Неизвестно, насколько помогло американское финансирование и как были потрачены деньги, но результатом стала полная победа проправительственных депутатов. Она была настолько явной, что вызвала большой протест в Ливане, включая обвинения в том, что Шамун собрал парламент для того, чтобы изменить конституцию и разрешить себе идти на еще один, незаконный, шестилетний срок на выборах в следующем году [20].

В конце апреля 1958 года напряжение в Ливане достигло «точки кипения». Чрезмерная проамериканская ориентация правительства Шамуна и его отказ развеять слухи о том, что он пойдет на второй срок, разгневали как ливанских националистов, так и представителей арабского национализма, продвигаемого Насером по всему Ближнему Востоку. Были выдвинуты требования, чтобы правительство вернулось к строгому нейтралитету, зафиксированному в Национальном пакте 1943 года во время объявления независимости Ливана от Франции.

Начались демонстрации с применением оружия, бомбардировки и столкновения с полицией. Когда в начале мая был убит редактор антиправительственной газеты, в нескольких частях страны вспыхнуло вооруженное восстание, а в Триполи и Бейруте были разгромлены библиотеки Информационного агентства США (USIA). В Ливане появились все признаки гражданской войны.

«За всем этим, – писал Эйзенхауэр, – стояло наше глубокое убеждение в том, что коммунисты были ответственными за беспорядки и что президент Шамун был движим исключительно сильным чувством патриотизма».

Президент не разъяснил, кого или что он имел в виду под «коммунистами». Однако в следующем параграфе он без объяснений заявляет, что Советский Союз «провоцирует беспорядки на Ближнем Востоке». А на следующей странице старый солдат пишет, что «мы не сомневались» в обвинениях Шамуна в том, что «Египет и Сирия подстрекали восстания и вооружали повстанцев» [21].

В разгар боев Джон Фостер Даллес объявил о том, что считает «международный коммунизм» источником конфликта, и в третий раз за год Шестой флот был отправлен в Восточное Средиземноморье. Поставки полицейской техники для помощи в подавлении мятежей, а также танки и другая тяжелая техника были переброшены в Ливан по воздуху.

На последовавшей пресс-конференции Даллес объявил, что даже если международный коммунизм здесь не замешан, «доктрина Эйзенхауэра» все равно применима, так как в одном из ее положений сказано, что «независимость этих стран жизненно важна для мира и национальных интересов США». «Это, безусловно, мандат, – сказал он, – для выполнения необходимых действий, если, по нашему мнению, наш мир и наши жизненно важные интересы находятся под угрозой, и неважно, откуда эта угроза исходит» [22]. Так один из авторов доктрины наделил себя мандатом.

Египет и Сирия как могли поддерживали дело повстанцев оружием, людьми и деньгами, в дополнение к подстрекательским радиопередачам из Каира, хотя точный объем материальной поддержки трудно установить. По запросу министра иностранных дел Малика в июне в Ливан отправилась группа наблюдателей ООН. В отчете группы было сказано, что не было найдено каких-либо значимых свидетельств вмешательства ОАР. Второй отчет ООН подтвердил эту информацию. Однако остается открытым вопрос: насколько верными могут быть эти отчеты, если они были основаны на противоречивых оценках и составлены организацией, профессионально занимающейся поиском компромиссов?

Был ли конфликт в Ливане проявлением логичной, вызванной внутренними причинами гражданской войны, или все же это было результатом профессиональной «внешней агитации»? По этому поводу историк Ричард Барнер (Richard Barner) сделал следующее замечание:

«Без сомнения, группа наблюдателей минимизировала степень участия ОАР. Но по сути они были правы. Насер пытался использовать политическую неразбериху в Ливане, но он не создавал ее. Ливан, который всегда изобилует тайными арсеналами и рынком оружия, не нуждался в иностранном оружии для внутреннего насилия. Вмешательство египтян не было ни стимулом, ни поддержкой гражданской борьбы. В очередной раз правительство, потерявшее способность эффективно управлять, возложило вину в своей неудаче на иностранных агентов» [23].

Президент Эйзенхауэр, продолжая свои разноплановые размышления по данному вопросу, писал, что теперь Насер, казалось, «был бы рад увидеть временное окончание борьбы... и связался с нашим правительством, предложив использовать его влияние для решения проблемы» [24].

Камиль Шамун пожертвовал независимостью и нейтралитетом Ливана ради личных амбиций и обширной помощи от Америки, последовавшей после того, как он согласился с «доктриной Эйзенхауэра». Ливанские мусульмане, составлявшие большинство оппозиции Шамуна, также были возмущены действиями президента-христианина, снова выставившего свою страну за рамки общего потока, которым следовал арабский мир, как он это сделал в 1956 году, отказавшись разорвать отношения с Францией и Великобританией после их вторжения в Египет.

Шамун сам признал большое значение своей проамериканской ориентации в разоблачающем комментарии Уилбуру Крэйну Ивленду. Ивленд пишет, что в конце апреля он предлагал ему снизить трения, заявив о своем отказе от переизбрания:

«Шамун усмехнулся и предложил мне взглянуть на календарь: прошел месяц после 23 марта, и никакие поправки, разрешающие еще один срок, не могли быть приняты после этой даты. Очевидно, он указал, что тема президентства не была реальной причиной: отказ от «доктрины Эйзенхауэра» – вот чего желали его оппоненты» [25].

Вместо отказа от доктрины Шамун способствовал ее осуществлению. Несмотря на то что в Ливане продолжались бои, местами ожесточенные, именно переворот в Ираке 14 июля изменил ситуацию, и Шамун решил официально обратиться за военной помощью. И США ее немедленно предоставили. Отчет ЦРУ о заговоре против короля Иордании Хусейна, произошедшем примерно в то же время, еще более усилил, казалось бы, непрекращающееся чувство беспокойства Вашингтона в отношении Ближнего Востока.

К этому времени Шамун уже объявил, что покинет свой пост по истечении полномочий в сентябре. Он был заинтересован в том, чтобы американские войска помогли ему остаться в живых до этого дня и, кроме того, предприняли операции против повстанцев. За последние несколько месяцев страх быть убитым не позволял ему не только покинуть президентский

дворец, но даже близко подойти к окну. Убийство иракского короля и премьер-министра во время переворота не давало ему чувствовать себя в безопасности.

«Доктрина Эйзенхауэра» была приведена в действие не только несмотря на сопротивление со стороны ливанской оппозиции, но и вопреки тому, что ситуация в Ливане даже не подходила под ее сомнительные положения. Нельзя было сказать, что Ливан страдал от «вооруженной агрессии со стороны другого государства, контролируемого международным коммунизмом». Если тому требовались доказательства, они были представлены ветераном дипломатической службы Робертом Мерфи (Robert Murphy), направленным в Ливан Эйзенхауэром спустя несколько дней после высадки американских войск. Мерфи пришел к выводу, о чем писал позже, что «коммунизм не играл прямой или существенной роли в восстании» [26].

И все же Эйзенхауэр написал, что американское правительство «действовало согласно положениям резолюции по Ближнему Востоку («доктрине Эйзенхауэра»); но если бы конфликт разросся до состояния, которое не было предусмотрено резолюцией, я при наличии времени обратился бы к конгрессу за дополнительными санкциями» [27]. Очевидно, президент закрыл глаза на тот факт, что Джон Фостер Даллес уже принял решение о неограниченности мандата.

Так американские вооруженные силы были введены в Ливан. В операции участвовали около 70 военных кораблей и сотни самолетов и вертолетов, многие из которых оставались частью видимого американского присутствия. К 25 июля силы США на побережье составляли 10 600 человек. К 13 августа их численность увеличилась до 14 тысяч – больше, чем вся ливанская армия и жандармерия вместе взятые [28].

«В моих (теле— и радио-) обращениях, – писал Эйзенхауэр, – я осторожно использовал термин «размещенные в Ливане» вместо «оккупировавшие Ливан» [29]. Эта разница, скорее всего, была упущена многими ливанцами в правительстве и в народе, поддерживавшими повстанцев и правительство, включая правительственные танковые войска, которые были готовы заблокировать войскам США входение в Бейрут. Только посредничество американского посла, оказавшегося на месте в последнюю минуту, позволило избежать вооруженного столкновения [30].

На встрече Роберта Мерфи с ливанским главнокомандующим генералом Фаудом Шехабом (Faud Chehab), о которой позднее рассказал Ивленд со слов Мерфи, американского дипломата предупредили, что ливанский народ был «нетерпелив, непреклонен и настроен на то, чтобы Шамун ушел в отставку, а войска США немедленно покинули страну. В противном случае генерал не мог отвечать за последствия. На протяжении пятнадцати лет офицеры действовали за его спиной, и сейчас он опасался, что они могут восстать и атаковать американские вооруженные силы».

По слова Ивленда, Мерфи терпеливо слушал, а затем подвел генерала к окну с видом на море:

«Указывая на большой авианосец «Саратога», покачивавшийся на якоре на горизонте, представитель президента тихо объяснил, что всего один самолет с этого корабля, вооруженный ядерным оружием, может стереть с лица земли Бейрут вместе с его окрестностями. Затем Мерфи быстро добавил, что его послали для того, чтобы удостовериться, что у американских войск не будет необходимости давать залп. Он выразил уверенность в том, что Шехаб обеспечит отсутствие провокаций с ливанской стороны. Это была, как сказал мне Мерфи, заключительная фраза их диалога. Теперь, похоже, генерал «восстановил контроль» над своими войсками» [31].

Ни одна из сторон, казалось, не брала в расчет, какой была бы судьба тысяч американских солдат в Бейруте, стертом с лица земли.

В течение двух недель после американского вторжения гражданская война в Ливане разгорелась с еще большей силой. Радиопередатчики ЦРУ на Ближнем Востоке были заняты распространением американской пропаганды, замаскированной под неамериканские источники. Это была тактика, которой часто пользовалось ЦРУ. Так, очевидной задачей одной из передач было перенаправление антиамериканских настроений в сторону Советского Союза и других целей. Но граждане ближневосточных стран были не единственными, кто мог попасться на удочку фальшивых трансляций. Американские СМИ тоже следили за эфиром и передавали такие сообщения неосведомленной американской публике. В американских газетах, в частности, появилась следующая новость:

«Бейрут, 23 июля (UPI) – Вторая по счету загадочная арабская радиостанция вышла в эфир, называя себя «Голосом справедливости» и утверждая, что вещает из Сирии. Ее программа, которую мы слышали, состояла из жесткой критики в адрес Советской России и советского премьера Хрущева. Ранее «Голос Ирака» вышел в эфир с нападками на иракское революционное правительство. «Голос справедливости» назвал Хрущева «палачом Венгрии» и предупредил народы Ближнего Востока, что они пострадают так же, как и венгры, если русские получат плацдарм на Ближнем Востоке» [32].

31 июля Палата представителей без промедлений выбрала генерала Шехаба на пост президента на смену Шамуну. Это событие вскоре привело к прекращению боев в Ливане и положило начало завершению конфликта, который при тщательном анализе оказался скорее жестоким протестом, нежели гражданской войной. Напряжение еще более спало в связи с прозвучавшим вскоре заявлением США о своем стремлении отозвать батальон морских пехотинцев в качестве первого шага к последующему выводу войск.

Последние американские солдаты покинули Ливан в конце октября, не произведя от злости ни единого выстрела. Чего они добились своим присутствием?

Американские военные исследователи пришли к выводу, что «дать сбалансированную оценку поведению США во время ливанского кризиса тяжело из-за подозрений в том, что итог конфликта мог быть таким же в случае отсутствия действий со стороны США. Даже Эйзенхауэр выразил некоторые сомнения по этому поводу» [33].

Американское вмешательство, направленное против нового иракского правительства, было более завуалированным. Тайный план совместного американо-турецкого вторжения в страну (операция носила кодовое название «Берцовая кость» – Cannon bone) был разработан Объединенным комитетом начальников штабов ВС США вскоре после государственного переворота 1958 года. Согласно отчетам, только угроза со стороны СССР заступиться за Ирак вынудила Вашингтон воздержаться от его исполнения. Но в 1960 году Соединенные Штаты начали финансировать курдских партизан в Ираке, которые боролись за автономию [34].

В то же время иракцы под руководством бригадного генерала Абдула Карима Кассема (Abdul Karim Kassem) приступили к работе над созданием международной организации для противодействия нефтяным монополиям Запада. Такой организацией стала ОПЕК. Ее появление не было встречено с радостью в определенных западных кругах. В феврале 1960 года ближневосточное отделение секретных служб ЦРУ запросило Управление найти способ «вывести из строя» Кассема за его «продвижение политических интересов Советского блока в Ираке». «Мы настаиваем на окончательном устранении объекта со сцены, – говорилось от имени ближневосточного отделения. – Мы также не возражаем, если такое развитие событий будет иметь место».

Как показал дальнейший ход событий, ЦРУ отправило по почте из одной азиатской страны платок с монограммой, содержащий «выводящее из строя отравляющее вещество».

Если иракский лидер действительно получил платок, он его точно не убил. Убит он был своими согражданами, казнившими его спустя три года [35].

Важность вмешательства в ливанский конфликт, а также демонстрация силы, использованной в отношении Иордании и Сирии, имели далеко идущие последствия. В период до и после вмешательства Эйзенхауэр, Даллес и другие официальные лица в Вашингтоне предлагали множество разнообразных оправданий американским военным действиям в Ливане, таким как защита жизни американцев; защита американского имущества; «доктрина Эйзенхауэра» в ее различных интерпретациях; защита ливанского суверенитета, неприкосновенности и независимости; национальные интересы США; мир во всем мире; коллективная самооборона; справедливость; международное право; закон и порядок; борьба с «насеризмом»; необходимость «что-либо делать». [36].

Подводя итоги по этому вопросу в своих мемуарах, президент Эйзенхауэр, похоже, пришел к одному разумному объяснению. И это объяснение, пожалуй, является наиболее близким к истине. Это было сделано для того, чтобы поставить мир и, в частности Советский Союз и Насера, перед фактом, что у Соединенных Штатов имеется фактически неограниченная сила, которая может быть молниеносно переброшена в любой уголок мира, и что эта сила может быть применена и будет применена для решительного разрешения любой ситуации, вызывающей недовольство Соединенных Штатов, независимо от ее причины [37].

В то же время это было посланием для Великобритании и Франции, говорившим о том, что в послевоенном времени существует только одна западная сверхдержава, а их дни в качестве великих держав в нефтеносных землях сочтены.

14. Индонезия, 1957–1958 Война и порнография

«Я думаю, пора задать Сукарно жару», – сказал Фрэнк Уиснер (Frank Wisner), заместитель директора планирования секретных операций ЦРУ, осенью 1956 года [1]. Уиснер говорил о человеке, который управлял Индонезией со времен вооруженной борьбы за независимость от Голландии. Несколькими месяцами ранее, в мае, пытаясь донести проблемы и нужды развивающихся наций, Сукарно выступил с пламенной речью перед Конгрессом США [2].

За этим последовала американская кампания, нацеленная на свержение яркого лидера пятой по численности населения страны в мире, задействовавшая все рычаги давления – от масштабных военных учений до грязных сексуальных интриг.

Годом ранее в ответ на создание Организации договора Юго-Восточной Азии (SEATO), проамериканского военно-политического альянса, нацеленного на «сдерживание коммунизма», Сукарно созвал Бандунгскую конференцию. В индонезийском городе Бандунг в качестве позиции стран третьего мира была провозглашена доктрина о нейтралитете. С точки зрения сотрудников ЦРУ в Индонезии эта позиция была такой ересью, что при разработке планов по саботажу Бандунгской конференции дело доходило до планирования покушения.

В 1975 году сенатский комитет, проводивший расследование действий ЦРУ, заслушал показания о том, что работавшие в Индонезии офицеры ЦРУ предлагали убить лидера с целью «сорвать предстоящую коммунистическую конференцию в 1955 году» [3]. По всей вероятности, речь шла либо о Сукарно, либо о Чжоу Энлае. Но, по словам комитета, в штабе ЦРУ в Вашингтоне возобладал разум, и предложение было решительно отвергнуто.

Тем не менее самолет, перевозивший членов китайской делегации, вьетнамского и двух европейских журналистов на конференцию в Бандунг, при загадочных обстоятельствах разбился. Китайское правительство заявило, что это был акт саботажа со стороны Соединенных Штатов и Тайваня, провалившаяся попытка убийства Чжоу Энлая. Этот чартерный рейс компании «Эйр Индия» вылетел из Гонконга 11 апреля 1955 года и потерпел крушение в Южно-Китайском море. Перелет Чжоу Энлая, который также должен был быть осуществлен компанией «Эйр Индия», был запланирован на день или два позже. Китайское правительство ссылалось на сообщение в «Таймс оф Индия» (Times of India), в котором сообщалось что авария была вызвана двумя бомбами с часовым механизмом, заложенными на борту самолета в Гонконге. Часовой механизм был позже найден среди обломков самолета, полиция Гонконга назвала это «хорошо спланированным массовым убийством». Несколькими месяцами позже британская полиция в Гонконге заявила, что пыталась арестовать китайского националиста, который был организатором крушения, но он бежал в Тайвань [4].

В 1967 году в Индии вышла заслуживающая внимания книга «Я был агентом ЦРУ в Индии» (I Was a CIA Agent in India), написанная американцем Джоном Диско Смитом (John Discoe Smith). Опубликованная Коммунистической партией Индии книга была сделана на основе статей автора для «Литературной газеты» в Москве после того, как он перешел на сторону Советского Союза – примерно в 1960 году. Смит родился в Квинси (Quincy), штат Массачусетс, в 1926 году; работал техником связи и шифровальщиком в посольстве США в Дели с 1954 по 1959 год – эта информация подтверждается в Биографическом регистре Государственного департамента США [5].

В рамках другого расследования сенатский комитет сообщил, что «были получены доказательства того, что ЦРУ участвовало в планах по убийству президента Индонезии Сукарно» и что планирование дошло до стадии выбора агента для исполнения этого задания [6]. Комитет сената отметил, что одно время агенты ЦРУ, занимавшиеся убийствами и другими подобными

методами, внутри управления входили в «Комитет по изменению состояния здоровья» (Health Alteration Committee).

Вдобавок к беспокойству американских лидеров Сукарно посетил СССР и Китай (хотя и Вашингтон тоже), закупил оружие в странах Восточной Европы (но только после того, как в этом ему отказали Соединенные Штаты) [7]. Он национализировал многие голландские частные предприятия. Но больше всего беспокойства вызывали впечатляющие успехи Коммунистической партии Индонезии (КПИ) на выборах и в организации профсоюзного движения, что позволило партии занять видное место в коалиционном правительстве.

Это было типичное для государств третьего мира развитие событий, и реакция Вашингтона была такая же типичная. И снова они не смогли или не захотели отличить патриотический национализм от прокоммунизма и нейтралитет от зла. Какое бы значение не имело слово «коммунист», Сукарно им не был. Он был индонезийским патриотом-националистом и «сукарноистом», победившим мощь Коммунистической партии Индонезии в 1948 году после обретения страной независимости [8]. Он шел своим путем, предоставляя преференции как КПИ, так и армии, маневрируя от одних к другим. Об изгнании коммунистической партии, насчитывавшей более миллиона членов, из правительства, Сукарно заявил: «Я не могу и не буду ездить верхом на трехногой лошади» [9].

Для США балансирование Сукарно было слишком сомнительным, чтобы оставить политическую жизнь Индонезии наедине со своими капризами. Для Вашингтона не имело никакого значения, что коммунистическая партия шла своим мирным и легальным путем – как и то, что никакого «кризиса» или «хаоса» в Индонезии не было. Интервенция должна была состояться.

Это было не первое вмешательство во внутреннюю политику Индонезии. В 1955 году во время избирательной кампании в Индонезии ЦРУ выделило партии Масджуми (Masjumi), центристской коалиции мусульманских организаций, проигрывавшей на выборах, миллион долларов с целью помешать Националистической партии Сукарно и Коммунистической партии Индонезии. По словам бывшего офицера ЦРУ Джозефа Буркхолдера Смита (Joseph Burkholder Smith), проект подразумевал «полное списание средств, то есть не требовалось никакой бухгалтерии и отчетности по расходам. Не могу даже предположить, как Масджуми потратила этот миллион долларов» [10].

В 1957 году в ЦРУ решили, что ситуация требует больше «прямого действия». Найти единомышленников внутри страны сложности не представляло. Такая группа людей уже существовала: клика армейских офицеров и прочие, кто в силу своих персональных амбиций и неприязни к влиянию КПИ не хотел власти Сукарно или хотел независимости своих островов. (Индонезия – крупнейший в мире архипелаг, состоящий из 3000 островов.)

Военная операция ЦРУ была такого масштаба, что требовала значительной помощи со стороны Пентагона, которая для политических действий могла быть получена только с одобрения «Особой группы» Совета национальной безопасности. «Особая группа» состояла из руководства Совета национальной безопасности, которое действовало от имени президента; с целью защитить его репутацию и репутацию страны группа оценивала предлагаемые секретные операции, следя за тем, чтобы ЦРУ не заходило слишком далеко. В разное время эта группа была известна как «Комитет 5142», «Комитет 303», «Комитет 40» и Группа советников по операциям (Operations Advisory Group).

Подход, использованный ЦРУ для получения этого одобрения, является хрестоматийным примером того, как ЦРУ определяет американскую внешнюю политику. Джозеф Буркхолдер Смит, возглавлявший действия ЦРУ в Вашингтоне с середины 1956 по начало 1958 года, описал этот процесс в своих мемуарах:

Вместо того чтобы предложить план действий для утверждения в Вашингтоне, где «преждевременные упоминания могут положить конец операции, «мы начали скармливать Государственному департаменту и

министерству обороны развединформацию, которая была полезна для понимания Индонезии – этого никто не мог отрицать. Когда они достаточно начитались тревожных сообщений, мы предложили свой план по поддержке полковников для того, чтобы урезать власть Сукарно. Это был метод работы, который лег в основу многих политических авантур 1960—1970-х годов. Иными словами, неправильно утверждать, что ЦРУ проводило вмешательства в дела таких стран, как Чили, только после получения приказа от «Особой группы». Во многих случаях мы принимали программы действий сами, предварительно собрав достаточно развединформации для того, чтобы они выглядели так, как будто бы их требуют обстоятельства. Наша деятельность в Индонезии в 1957–1958 годах был одним из таких случаев» [11].

После того как в июле коммунистическая партия в очередной раз добилась хороших результатов на выборах, ЦРУ увидело в этом «огромный козырь, чтобы убедить правительство в серьезности ситуации в Индонезии. Единственный человек, который не видел ничего ужасного в победах КПИ, был посол Эллисон (John Allison). И этого было достаточно для того, чтобы наконец доказать Джону Фостеру Даллесу, что этот пост в Индонезии занимает неправильный человек. Закрутилось колесо, чтобы убрать это последнее препятствие на пути нашей операции» [12]. Как писал Смит, Джон Эллисон не был сторонником операции ЦРУ. И поэтому в начале 1958 года, не успев пробыть в своей должности и года, он был заменен на Говарда Джонса (Howard Jones), что порадовало работавших по Индонезии сотрудников ЦРУ [13].

30 ноября 1957 года в тот момент, когда Сукарно выходил из школы, в него было брошено несколько ручных фанат. Сукарно не пострадал, но 10 человек были убиты и 48 детей получили ранения. Сотрудники ЦРУ в Индонезии не имели понятия, кто это совершил, но быстренько придумали историю, что за этим стоит КПИ, «по рекомендации из СССР, чтобы выставить противников Сукарно дикими и отчаявшимися людьми». Как выяснилось позже, террористами оказались мусульманские группы, не связанные ни с КПИ, ни с военными заговорщиками ЦРУ [14].

Аргумент о приятельских отношениях Сукарно с коммунистами выдвигался при любой возможности. В ЦРУ решили нажать капитал на сообщениях о том, что на борту самолета Сукарно во время его визита в Советский Союз находилась привлекательная белокурая стюардесса, которая повсюду сопровождала его, и что она прибыла в Индонезию вместе с председателем Президиума Верховного Совета СССР Климентом Ворошиловым и была несколько раз замечена в компании Сукарно. Замысел ЦРУ заключался в том, чтобы представить Сукарно любителем женского пола, который попал под влияние советской женщины-агента и поддался советскому влиянию в результате ее обольщения, шантажа – или одновременно того и другого.

«Это легло в основу нашей фантазии, – пишет Смит, – и в итоге мы добились значительного успеха. В мировой прессе появились соответствующие сообщения, и когда в 1958 году в мартовском номере серьезного британского ежеквартального журнала «Раунд тейбл» (Round Table), освещавшего международную политику, появился анализ причин возникновения индонезийского восстания, одной из них был назван шантаж Сукарно со стороны советской шпионки.

Видимо, успех операции вдохновил офицеров ЦРУ в Вашингтоне продвинуть эту идею еще на один шаг вперед. Значительные усилия были приложены для того, чтобы снять порнографический фильм или хотя бы несколько фотографий, где Сукарно и его русская любовница занимаются «любимым занятием». Когда после тщательного изучения всех имеющихся в наличии порнофильмов (предоставленных шефом полиции Лос-Анджелеса) не было найдено подходящей пары, походившей на Сукарно (смуглый и лысый) и прекрасную русскую блондинку, ЦРУ решило спродюсировать собственные фильмы – создали маску индонезийского

лидера, которая была отправлена в Лос-Анджелес, где полиция заплатила какому-то порноактеру, чтобы тот надел ее во время съемок. В итоге было сделано несколько снимков, но они так никогда и не были использованы [15].

Еще одним итогом попыток шантажа был фильм, снятый для ЦРУ Робертом Майо (Robert Maheu), бывшим агентом ФБР и близким другом Говарда Хьюза (Howard Hughes). В фильме Майо снимался актер, напомилавший Сукарно. Судьба фильма, названного «Счастливые дни», осталась неизвестной [16].

В других частях света и в другое время съемка порнофильмов удавалась ЦРУ лучше, когда дело происходило на явочных квартирах ЦРУ, куда объекты были заманены агентами-женщинами.

В 1960 году полковник в отставке Труман Смит (Truman Smith), описывая в журнале «Ридерс дайджест» (Reader's Digest) деятельность КГБ, заявил: «Для большинства из нас трудно оценить угрозу, которую он (КГБ) собой представляет, так как его методы настолько унижительные, что находятся за гранью понимания добра и зла простого человека». Один из методов КГБ, перенятых этим «хорошим» полковником, было создание порнофильмов для шантажа. «Люди достаточно развратные для использования данного метода, – писал он, – не находят ничего предосудительного и в более жестоких методах» [17].

Для достижения целей американской внешней политики сексом можно было заниматься и дома. Под прикрытием американской программы помощи зарубежным странам, в то время называвшейся Администрацией экономического сотрудничества (Economic Cooperation Administration), индонезийские полицейские были наняты и обучены для того, чтобы поставлять информацию о действиях СССР, Китая и КПИ в Индонезии. Некоторые из этих людей, отмеченные за особые заслуги на этой работе, были отправлены в Вашингтон для специального тренинга, где они были обучены и обработаны для вербовки. Как и Сукарно, этих офицеров постоянно преследовало навязчивое желание переспать с белой женщиной. Соответственно, во время пребывания в Америке их доставляли в секс-квартал Балтимора для удовлетворения желаний [18].

В ноябре 1957 года разрешение на политические операции от «Особой группы» должно было вот-вот прийти [19], и военизированная машина ЦРУ была запущена. В этом деле, как и в других, ЦРУ пользовалось ресурсами широко раскинувшейся военной империи США. Штаб-квартира руководства операцией была оборудована с разрешения британских властей в соседнем Сингапуре, тренировочные базы – на Филиппинах, аэродромы для самолетов транспортной и бомбардировочной авиации находились в разных частях Тихого океана. Живая сила – индонезийцы вместе с тайваньцами, филиппинцами, американцами и другими «солдатами удачи», – а также масса вооружения и техники были сосредоточены на Окинаве и Филиппинах.

На тот момент это была самая амбициозная военная операция ЦРУ: десятки тысяч повстанцев были вооружены, экипированы и обучены американской армией. Подводные лодки США патрулировали побережье Суматры, главного острова архипелага, и небольшими партиями высаживали повстанцев вместе со снабжением и средствами связи. Военно-воздушные силы США задействовали значительное количество воздушного транспорта, который сбрасывал оружие в глубине территории Индонезии. Для участия в операции была подготовлена эскадрилья из 15 бомбардировщиков В-26: предварительно бомбардировщики «санировали», чтобы причастность к США была не доказуема.

В первые месяцы 1958 года одно за другим начали вспыхивать восстания в разных частях архипелага. Летчики ЦРУ поднимались в воздух для ведения бомбардировок и транспортировки грузов для мятежников. В Вашингтоне ЦРУ завербовало индонезийского военного атташе полковника Алекса Кавиларунга (Kawilarung). Вскоре он объявился в Индонезии и взял на себя командование силами мятежников. Тем не менее уже весной стало понятно, что мятеж-

ники не способны выигрывать решающие сражения и переходить в наступление, даже при поддержке с воздуха, которая наносила урон правительственной стороне. Сукарно в апреле объявил, что в воскресное утро бомбардировщик уничтожил корабль, стоявший в гавани острова Амбон, – все, кто был на борту, погибли. Также во время налета была разрушена церковь – здание обрушилось, а все, кто был внутри, погибли. Он подчеркнул, что жертвами того налета стали 700 человек.

15 мая самолет ЦРУ разбомбил рынок Амбона, убив множество мирных жителей, направлявшихся в церковь на службу в День вознесения Господня. Правительству Индонезии пришлось принять меры, чтобы сдержать публичные выступления.

Тремя днями позже во время очередного налета на Амбон пилот ЦРУ Ален Лоуренс Поуп (Allen Lawrence Pope) был сбит и схвачен. Тридцатилетний уроженец Перрина, штат Флорида, Поуп уже совершил 55 ночных полетов над линиями коммунистов в Корее. Позже на протяжении двух месяцев он летал под огнем зенитной артиллерии, сбрасывая продовольствие для французов во время битвы при Дьен-Бьен-Фу. В Индонезии удача покинула его. Ему пришлось провести четыре года в индонезийской тюрьме, пока Сукарно не удовлетворил просьбу Роберта Кеннеди о его освобождении.

Когда Поуп был взят в плен, при себе у него были обнаружены компрометирующие документы, среди них такие, по которым было установлено, что он является пилотом ВВС США и одновременно пилотом ЦРУ в авиакомпании САТ (Civil Air Transport). Как и все летчики, выполнявшие тайные операции, Поуп и его самолет прошли через сложный процесс «санитования». Но он пронес на борт самолета документы втайне, так как понимал, что оказаться в плену «неизвестным гражданином, без гражданства», означало не иметь никаких юридических прав и быть подверженным риску расстрела по подозрению в шпионаже. Живой американский военнослужащий является ценным товаром для тех, кто взял его в плен.

Правительство Индонезии после инцидента сразу же получило доказательства американского вмешательства. Хотя индонезийцы согласились не оглашать историю Поупа, 27 мая пилот и его документы были представлены миру на пресс-конференции. Присутствие американских военных в Индонезии резко противоречило предшествовавшим заявлениям высоких американских чиновников [20]. Среди заявлений выделялась декларация президента Эйзенхауэра по Индонезии от 30 апреля: «Наша политика – тщательно придерживаться нейтралитета и соблюдать осторожность на всем протяжении конфликта, чтобы не принимать ни одну из сторон, пока это нас не касается» [21].

9 мая редакционная колонка «Нью-Йорк таймс» тем не менее писала:

«К сожалению, власти Индонезии продолжают передавать ложные сообщения о том, что правительство США санкционирует поддержку повстанцев. Позиция США разъяснялась неоднократно. В своем заявлении госсекретарь особенно подчеркнул, что страна не откажется от своей нейтральной позиции... США не готовы вмешиваться... для оказания помощи в свержении конституционного правительства. Таковы факты. Джакарта не воспринимает доказательства и тем самым ухудшает свое положение».

Поуп был выставлен на обозрение, мятежники терпели поражения – и в ЦРУ решили, что игра не стоит свеч и начали сворачивать поддержку. К концу июня верные Сукарно части успешно подавили военный бунт.

Индонезийский лидер продолжал балансировать между коммунистами и армией до 1965 года, когда военные, не без помощи ЦРУ, свергли его.

15. Западная Европа, 1950-1960-е Ширмы за ширмами

В 1960 году на собрании лейбористской партии ее глава Хью Гайтскел (Hugh Gaitskell) назвал Майкла Фута (Michael Foot), будущего лидера партии и члена левого крыла, «попутчиком», что означало сочувствие коммунистам. Фут ответил, имея ввиду Гайтскела и других членов правого крыла партии: «А с кем путешествуют они?» [1].

Они, как оказалось, на протяжении уже нескольких лет работали на ЦРУ. Попутчиками были французы, немцы, датчане, итальянцы и многие другие европейцы. Все они были участниками операций ЦРУ, ставивших целью «завоевать умы и сердца» либералов, социал-демократов и разных социалистов – чтобы те не попали в лапы русского медведя.

Это была масштабная операция. В течение двадцати лет Управление использовало десятки американских фондов, благотворительных организаций и прочих подобных учреждений, включая созданные ими самими, в качестве каналов для финансирования множества организаций в Соединенных Штатах и за границей. Многие из них, в свою очередь, финансировали другие структуры. Число вовлеченных организаций было столь велико, переплетения и связи столь запутаны, что маловероятно, чтобы кто-нибудь в ЦРУ обладал полной картиной, не говоря уже о надлежащем управлении и финансовой отчетности. (См. Приложение 1: Организационная схема, неполная.)

Конечными потребителями этого денежного потока были политические партии, журналы, новостные агентства, союзы журналистов, различные трудовые организации и союзы, студенты и молодежные группы, ассоциации адвокатов и прочие учреждения, поддерживающие «свободный мир», – на них, при надлежащем финансировании, можно было рассчитывать для распространении своих взглядов.

Главной зонтичной организацией, основанной ЦРУ в тот период, была структура с торжественным названием Конгресс за свободу культуры (КСК).

В июне 1950 года в театре «Титиана Палас» в американской зоне Берлина перед многочисленной аудиторией собрались наиболее известные американские и европейские ученые и литераторы и объявили о создании организации «для защиты свободы и демократии от захватывающей мир тирании». Скоро Конгресс за свободу культуры уже проводил семинары, конференции и целые программы политической и культурной направленности в Западной Европе, Индии, Австралии, Японии, Африке и во многих других местах. Кроме этого, под финансовым покровительством Конгресса состояли более 30 периодических изданий, включая европейские:

– в Великобритании: «Социалистические комментарии» (Socialist Commentary), «Цензура» (Censorship), «Наука и свобода» (Science and Freedom), «Минерва» (Minerva), «Советское обозрение» (Soviet Survey, или просто Survey), «Китай ежеквартально» (China Quarterly), «Встреча» (Encounter);

– во Франции: «Доказательства» (Preuves), «Цензура против искусства и мысли» (Censure Contre les Artes et la Pensee), «Новый мир» (Mundo Nuevo) и «Тетрадь» (Cuadernos) – два последних были на испанском языке и предназначались для Латинской Америки;

- Perspektiv в Дании;
- Argumenten в Швеции;
- Irodalmi Ujsag в Венгрии;
- Der Monat в Германии;
- Forum в Австрии;
- Tempo Presente в Италии;

– Vision в Швейцарии.

Конгресс за свободу культуры также был связан с изданиями «Новый лидер» (The New Leader), «Африканский доклад» (Africa Report), «Восточная Европа» (East Europe) и «Атлас» (Atlas) в Нью-Йорке [2].

В основном периоду КСК составляли хорошо написанные политические и культурные журналы, которые, по словам бывшего высокопоставленного сотрудника ЦРУ Рэя Клайна (Ray Cline), «не смогли бы существовать без финансовой поддержки ЦРУ» [3].

Среди других связанных со средствами массовой информации организаций, субсидируемых ЦРУ в Европе, в то время были западногерманское новостное агентство DENA (позже известное как DPA) [4], международная ассоциация писателей PEN в Париже, некоторые французские газеты [5], Международная федерация журналистов, Форум мировых новостей – новостная служба в Лондоне, чьи материалы покупали более 140 газет во всем мире, включая около 30 в Соединенных Штатах, среди них «Вашингтон пост» и четыре другие влиятельные газеты. Комитет Черча (The Church Committee – названный по имени сенатора Черча в 1975 году комитет расследовал деятельность спецслужб США на предмет легальности. – Прим. ред.) докладывал, что основные американские ежедневные издания, пользующиеся материалами Форума мировых новостей, были информированы о том, что тот «контролируется ЦРУ». Британские «Гардиан» и «Сандэй таймс» также пользовались текстами Форума мировых новостей. В 1967 году, по словам одного из основных писателей Форума, новостная служба стала «главным медийным проектом ЦРУ в мире» – это было значительным достижением, учитывая, что ЦРУ на пике успеха тратило 29 процентов своего бюджета на средства массовой информации и пропаганду [6].

Еще одним важным получателем благотворительной помощи ЦРУ был Аксель Спрингер (Axel Springer), западногерманский медиамагнат, которому в начале 1950-х годов было передано 7 миллионов долларов для построения его огромной медиаимперии. Вплоть до своей смерти в 1985 году Спрингер был главой самого большого в Западной Европе издательского конгломерата, служившего маяком прозападным и антикоммунистическим настроениям. Издатель влиятельного западногерманского еженедельника «Шпигель» (Der Spiegel) Рудольф Огстейн (Rudolph Augstein) говорил: «Никто в Западной Германии, ни до, ни после Гитлера, за исключением Бисмарка или пары императоров, не обладал такой властью, как Спрингер». По имеющимся сведениям, его взаимоотношения с ЦРУ продолжались, по крайней мере, до начала 1970-х годов [7].

Основатель американской программы, глава международного отдела ЦРУ Том Брейден (Tom Braden), позже писал, что Управление поставило кадрового сотрудника в руководство Конгресса за свободу культуры; другой служил редактором «Встречи», одного из наиболее влиятельных журналов КСК [8].

По всей видимости, в каждой финансируемой организации служил, по крайней мере, один агент или офицер ЦРУ. Брейден заявлял, что «агенты предлагали антикоммунистические программы официальным руководителям организаций». Однако, добавлял он, действовало правило «защищать репутацию независимости организации, не требуя от нее поддерживать каждый аспект официальной американской политики» [9].

Журналы Конгресса за свободу культуры взывали к немарксистским левым (Форум, напротив, был консервативным), уклоняясь от обсуждения вопросов классовой борьбы и национализации промышленности. Пресса КСК придерживалась тезиса Даниеля Белла (Daniel Bell) о «конце идеологии». Его смысл заключался в том, что поскольку никто не может всерьез призывать умереть за капитализм, то и идея умереть за социализм или любую другую идеологию должна быть дискредитирована. При этом журналы продвигали реформированный капитализм, «капитализм с человеческим лицом».

Но платящим по счетам вашингтонским воинам холодного фронта идея реформирования капитализма была неинтересна. Их интересовала работа журналов на построение сильной, хорошо вооруженной, единой Западной Европы, дружественной Соединенным Штатам. Европы, которая будет бастионом на пути советского блока; будет поддерживать общий рынок и НАТО; критиковать интеллектуальное содержание «международной коммунистической диверсии»; скептически относиться к разоружению, пацифизму и нейтралитету, которые продвигали организации вроде известной британской кампании за ядерное разоружение (Campaign for Nuclear Disarmament).

Критика американской внешней политики была позволена строго в рамках идеологии холодной войны. Например, можно было критиковать конкретную американскую интервенцию как не самый эффективный способ решить проблему в конкретной стране. Легитимность собственно интервенции или диктаторская сущность поддерживаемой США стороны не могли стать предметом критики.

«Частные» публикации могли продвигать взгляды, которые американские официальные источники вроде «Голоса Америки» озвучить не могли – и при этом звучали правдоподобно. Это касалось многих других частных организаций, помимо прессы, работавших на деньги ЦРУ.

В 1960 году кампания за ядерное разоружение и другие организации левого крыла лейбористской партии преуспели в привлечении симпатий партийной конференции к проведению политики полного одностороннего ядерного разоружения и нейтралитета в холодной войне. В довершение, две резолюции в поддержку НАТО были отклонены. Хотя лейбористская партия и не была сильна в то время, ее действия имели значительную психологическую и пропагандистскую силу. Вашингтон наблюдал за событиями с опасением, поскольку подобные настроения могли легко распространиться и на другие страны НАТО.

Правое крыло лейбористской партии, имевшее близкие, если не сказать задушевные, связи с Конгрессом за свободу культуры, с журналами «Встреча» и «Новый лидер», а также с другими «ресурсами» и подставными организациями ЦРУ, начало кампанию за отмену резолюции о разоружении. Комитет, основанный для этой цели, подал жалобу на финансирование и вскоре рапортовал, что наряду с множеством мелких пожертвований была получена крупная сумма от источника, пожелавшего остаться неизвестным. В течение следующего года последовало значительное финансирование на оплату постоянного офиса, работы председателя и сотрудников, кадров на местах, расходов на поездки, рассылку тонн литературы по обширному списку членов движения, составление регулярного бесплатного бюллетеня и т. д.

Левое крыло партии не могло ответить на такой массивный пропагандистский натиск. И на конференции 1961 года одностороннее разоружение и нейтралитет были отменены большинством голосов, и лейбористская партия вернулась в лоно НАТО [10].

Сторонники ЦРУ неизменно поддерживали разнообразные планы Управления в Западной Европе, объясняя это тем, что военные действия с русскими начнутся именно здесь. На самом деле, как заявлял Том Брейден, американское влияние распространялось в тех местах, «где они [Советы] даже не начали действовать» [11]. Брейден не уточняет, в каких местах, но, похоже, речь идет о политических партиях: ЦРУ поддерживало рабочие и финансовые отношения с ведущими членами западногерманской социал-демократической партии, двумя партиями в Австрии, христианскими демократами в Италии, с либеральной и лейбористской партиями в Британии [12]. Вероятно, такие отношения были, по крайней мере с одной партией, в каждой западноевропейской стране. Все эти партии единогласно утверждали свою независимость от обеих супердержав. От коммунистических партий, независимо от наличия поддержки Советского Союза или отсутствия таковой, такие заявления не принимались.

Ситуация со СМИ складывалась аналогично. Ни Брейден, ни кто-либо другой из ЦРУ не приводят примеров издательств или новостных агентств в Западной Европе – прокоммунистических или антинаатовских, – которые утверждали бы свою независимость в холодной войне, но секретно финансировались Советским Союзом.

Важно помнить, что подобные западноевропейским организации и проекты ЦРУ вело во всем третьем мире на протяжении десятилетий на постоянной основе – даже в тех случаях, когда Советского Союза и на горизонте видно не было. Растущее влияние левых в послевоенной Европе было достаточным поводом для того, чтобы ЦРУ развернуло секретные программы по всему миру. Но популярность левых была следствием их героизма во время Второй мировой войны и экономических реалий, а не результатом советской пропаганды и операций.

Операция «Гладио»

Источником операции «Гладио» стала стандартная паранойя холодной войны: русские вторгнутся в Западную Европу. И если они сокрушат западные армии и заставят их отступить, то специально подготовленные люди должны остаться в тылу и изматывать русских диверсионной войной и саботажем, а также поддерживать связь с границей.

Люди, которым предстояло действовать в тылу, должны были быть обеспечены деньгами, оружием, оборудованием для связи и пройти специальную подготовку. Создание этой секретной сети, под кодовым названием операция «Гладио» (что означало «меч» по-итальянски), началось в 1949 году при участии британцев, американцев и бельгийцев. Позднее были созданы подразделения в каждой некоммунистической стране Европы – включая Грецию, Турцию и нейтральную Швейцарию. Исключением были Ирландия и Финляндия. Вопрос о том, кому подчинялись подразделения – национальным правительствам или НАТО, до сих пор неясен, хотя с оперативной точки зрения похоже, что приказы отдавали ЦРУ и другие разведывательные службы.

При полном отсутствии советского вторжения операция служила исключительно для нанесения политического ущерба левым движениям.

Скандал по поводу «Гладио» разразился в Италии осенью 1990 года. В ходе судебного расследования взрыва машины в 1972 году выяснилось, что взрывчатка была взята с одного из 139 секретных складов, существовавших в Италии для подразделений «Гладио». Впоследствии глава итальянского парламентского расследования этого дела рассказал, что «когда «Гладио» начиналась, американцы часто настаивали на использовании организации для противодействия повстанцам». Отставной греческий генерал Никос Курис (Nikos Kouris) рассказал подобную историю: греческие подразделения были созданы с помощью ЦРУ в 1955 году для действий в случае внешней или внутренней коммунистической угрозы. «В них состояли бывшие военные, специально обученные солдаты и гражданские лица. Всех их объединяла одна общая политическая цель – ультраправый уклон».

Так же, как и в Германии (см. главу 8), операции в Италии были тесно связаны с террористами. Бывший агент «Гладио» Роберто Кавалеро (Roberto Cavallero) выступил публично с обвинениями о прямой связи «Гладио» с волной террористических актов в Италии в 1970-х и в начале 1980-х годов, в результате которых погибли около 300 человек. Он рассказал, что в рамках операции «Гладио» он и многие другие были обучены «готовить группы, которые в случае продвижения левых сил в нашу страну заполнят улицы, создавая такую высокую напряженность, что потребуются военное вмешательство». Кавалеро, конечно, имел в виду успех итальянской коммунистической партии на выборах, а не вторжение Советского Союза.

Самым кровавым террористическим актом был взрыв на железнодорожной станции Болонья в августе 1980 года, когда погибли 86 человек. Лондонский «Обсервер» (Observer) написал:

«Ответственность за взрыв на итальянской железной дороге приписали крайним левым с целью убедить избирателей, что страна находится в тяжелом положении и у них нет другого выбора, кроме как голосовать за христианских демократов. Но все улики указывали на тот факт, что за этим стояла «Гладио».

Один из разыскиваемых в Италии по делу о взрыве в Болонье, Роберто Фиоре (Roberto Fiore), живет в Лондоне, и британское правительство отказывается его экстрадировать. По всей видимости, он находился под защитой МИ6 (британское ЦРУ), которой он предоставлял ценную информацию.

Похищение и убийство в 1978 году лидера христианских демократов Альдо Моро (Aldo Moro), приписанное «Красным бригадам», также было работой агентов-provokаторов «Гладио», внедрившихся в организацию. Незадолго до похищения Моро объявил о намерении создать коалиционное правительство вместе с коммунистической партией.

В Бельгии в 1983 году для того, чтобы убедить общественность в существовании опасности, кадры «Гладио» совместно с полицией организовали серию перестрелок в супермаркетах. При этом, случайно или нет, погибли несколько человек. Годом позже группа американских морских пехотинцев была десантирована в Бельгии с целью атаковать полицейский участок. Во время операции один бельгийский гражданин был убит и один морской пехотинец потерял глаз. Предполагалось, что такая операция повысит состояние боевой готовности бельгийской полиции и покажет дремлющему населению, что страна находится на грани «красной революции». Использованное при операции оружие позже было подброшено в брюссельский дом одной из фракций коммунистической партии.

В некоторых странах до конца 1990-х годов можно было обнаружить большие запасы оружия и взрывчатки, приготовленные для операции «Гладио». Согласно утверждению итальянского премьер-министра Джулио Андреотти (Giulio Andreotti), более 600 человек в Италии все еще находятся на финансировании «Гладио».

В 2001 году в ходе судебного процесса в Милане бывший глава итальянской военной контрразведки свидетельствовал, что в 1970-е годы спецслужбы США подстрекали и способствовали ультраправому терроризму в Италии. Генерал Джанаделио Малетти (Gianadelio Maletti) заявил, что «ЦРУ, следуя приказам своего правительства, стремилось создать итальянский национализм, способный остановить сползание влево, и для этой цели могло использовать ультраправый терроризм. Я считаю, что именно это произошло и в других государствах» [13].

16. Британская Гвиана, 1953–1964

Международная профсоюзная мафия ЦРУ

В течение 11 лет две старейшие мировые демократии – Великобритания и Соединенные Штаты – делали все возможное, чтобы не дать демократически избранному лидеру занять свой кабинет.

Этим человеком был доктор Чедди Джаган (Cheddi Jagan). Внук индийских иммигрантов, работавших по контракту, Джаган работал в Соединенных Штатах дантистом. Позже он вернулся на свою родину в Гвиану. В 1953 году, в возрасте 35 лет, он и Народная прогрессивная партия (НПП) возглавили правительство британской колонии при поддержке большинства. Победа Джагана частично была обеспечена тем фактом, что индийцы составляли 46 процентов населения, африканцы – 36 процентов.

В программе НПП во время его правления не было ничего революционного. Они поощряли инвестиции в горнорудном секторе, старались провести либеральные реформы вроде усиления прав профсоюзов и фермеров, создавали систему государственного общего образования, которая ослабила бы влияние церкви на обучение, снимали запрет на импорт «нежелательных» публикаций, фильмов и музыки. Но британское консервативное правительство не желало мириться с политикой, которую отстаивал человек, говоривший подозрительно – как социалист. Правительство и британские средства массовой информации, а также и американские СМИ, обвинили администрацию Джагана в «красной угрозе» в стиле сенатора Маккарти (McCarthy), чьей доктриной повально увлекались в Соединенных Штатах.

Спустя четыре с половиной месяца после того, как Джаган занял офис, правительство Уинстона Черчилля отстранило его от власти. Британцы направили морские и сухопутные силы, приостановили действие гвианской конституции и сняли все гвианское правительство. Тем временем адвокаты состряпали документы, которые подписала королева, чтобы все было красиво и имело законную силу [1].

«Правительство Ее Величества», сказал британский секретарь по делам колоний во время дебатов в парламенте, «не готово принять установление коммунистического государства в Британском содружестве» [2].

Отношение американцев к подобной пощечине по лицу демократии характеризует тот факт, что правительство США отказало Джагану в транзите через американскую территорию, когда он пытался отправиться в Лондон для участия в парламентских дебатах. Согласно Джагану, авиакомпания «ПанАм» (Pan American) даже не продала ему билет. «ПанАм» имела длинную историю сотрудничества с ЦРУ. Эта практика зародилась при президенте авиакомпании Хуане Триппе (Juan Trippe), который был зятем госсекретаря Эдварда Стеттиниуса (Edward R. Stettinius) в администрации Рузвельта [3].

К этому моменту ЦРУ уже проникло в профсоюзное движение Британской Гвианы через Американскую федерацию профсоюзов в Соединенных Штатах (American Federation of Labor), «женившуюся» на ЦРУ. Одним из ранних ростков этого союза стала Межамериканская региональная организация профсоюзов (Inter-American Regional Labor Organization, ОРИТ — на испанском языке). В начале 1950-х годов ОРИТ была инструментом превращения ведущей конфедерации профсоюзов в Гвиане, Совета профессиональных союзов, из активной трудовой организации в орудие антикоммунизма. Серафино Ромуальди (Serafino Romualdi), одно время бывший главой АИСТР (см. ниже) и долго сотрудничавший с ЦРУ, писал: «Со времени моего первого визита в Британскую Гвиану в 1951 году я делал все, что в моих силах, для усиления демократических (то есть антикоммунистических) профсоюзных сил, противодействующих ему (Джагану)» [4].

Впоследствии у Джагана из-за этого были серьезные неприятности.

В 1957 году Джаган, используя программу четырехлетней давности, снова выиграл выборы. Теперь британцы решили, что применение более тонких методов для его смещения будет разумнее, и на арену вышло ЦРУ – один из редких случаев, когда Управлению было официально позволено действовать в британской сфере интересов. ЦРУ уже неоднократно действовало в британских сферах неофициально, чем вызвало неудовольствие британских властей.

ЦРУ приступило к работе и занялось усилением профсоюзов, которые уже каким-либо образом поддерживали противника Джагана – Форбса Бернхэма (Forbes Burnham) из Народного национального конгресса (People's National Congress). Одним из наиболее влиятельных был профсоюз госслужащих, в котором доминировали чернокожие.

Как следствие, ЦРУ обратилось к Международному объединению работников общественного обслуживания (МОРОО, Public Service International) в Лондоне – международному секретариату профсоюзов госслужащих. Эта всемирная сеть специализировалась на экспорте профсоюзных ноу-хау из развитых индустриальных стран в менее развитые.

Согласно исследованию, проведенному лондонской «Сандэй таймс», к 1958 году «финансы МОРОО подходили к концу, и ее репутация обесценилась в глазах материнской компании – Международной конфедерации свободных профсоюзов (The International Confederation of Free Trade Unions, организованной ЦРУ в 1949 году в противовес находящейся под влиянием Советского Союза Всемирной федерации профсоюзов – World Federation of Trade Unions). МОРОО был нужен какой-нибудь успех. Финансовый кризис разрешился совершенно неожиданно с помощью главного американского партнерского профсоюза МОРОО – Американской федерации государственных, районных и муниципальных работников (American Federation of State, County and Municipal Employees)». Директор федерации, доктор Арнольд Зандер (Arnold Zander), информировал руководство МОРОО, что он «поискал» и нашел донора.

«Первоначальные вливания, в 1958 году, были скромными, всего несколько сотен тысяч фунтов. Деньги предназначались для Латинской Америки и пошли на «вербовочную кампанию» МОРОО в северной части Латинской Америки под руководством Вильяма Доэрти-младшего (William Doherty, Jr.), человека, давно знакомого с ЦРУ». Позже Доэрти стал генеральным директором Американского института свободного профсоюзного развития (American Institute for Free Labor Development), основной профсоюзной организацией в Латинской Америке, созданной ЦРУ.

«Очевидно, донор остался доволен, потому что в следующем, 1959 году Зандер сказал МОРОО, что они могут открыть от своего имени постоянно действующую латиноамериканскую секцию. МОРОО было очаровано».

По словам Зандера, представителем МОРОО должен был стать Уильям Говард Маккэйб (William Howard McCabe), профсоюзный ученик ЦРУ. «Сандэй Таймс» продолжает:

«Маккэйб, низкорослый твердолобый американец, не имел опыта профсоюзной работы, но МОРОО любило его. Приходя на собрания, он распространял зажигалки и свои фотографии, на которых раздавал продуктовые наборы крестьянам. На зажигалках и наборах была надпись «С наилучшими пожеланиями от МОРОО» [5].

В 1967 году, на волне многочисленных откровений о секретном финансировании со стороны ЦРУ, новый глава Американской федерации государственных, районных и муниципальных работников признал, что вплоть до 1964 года профсоюз получал большие суммы от Управления через благотворительные каналы (см. Приложение 1). Стало известно, что Отде-

лом международных отношений федерации, отвечавшим за операцию в Британской Гвиане, на самом деле управляли два «помощника» из ЦРУ [6].

Работа ЦРУ внутри профсоюзов третьего мира часто предусматривала значительные усилия по обучению. Обучение зиждилось на том, что все решения рабочие найдут в свободе предпринимательства, классовом сотрудничестве и коллективных переговорах, а также неприятию коммунизма совместно со своими управляющими и правительством, если только, конечно, правительство не «коммунистическое». Подающие надежды студенты, отмеченные как будущие лидеры, выбираются для отправки в школы ЦРУ в Соединенных Штатах для дальнейшего обучения.

ЦРУ, по словам «Сандэй таймс», также, «по-видимому, преуспело в поощрении выхода политиков из партии Джагана и из правительства. Их способ финансирования сочувствующих фигур заключался в предоставлении для них очень выгодных страховок» [7].

Во время избирательной кампании 1961 года штаб-квартира ЦРУ дополнила текущие операции специальной операцией. Информационная служба США (US Information Service, USIA) предприняла необычные шаги начала показывать на улицах Британской Гвианы фильмы, изображающие ужасы режима Кастро и коммунизма. Политико-религиозная организация Христианский антикоммунистический крестовый поход (The Christian Anti-Communist Crusade) привезла свое передвижное шоу, которое вполне соответствовало названию организации, и потратила на предвыборную пропаганду 76 тысяч долларов [8]. Один из историков назвал это «сомнительной для частной организации деятельностью, для осуждения которой Государственный департамент ничего не сделал» [9]. С другой стороны, деятельность американского правительства была не менее сомнительной.

Несмотря на организованную против него кампанию, Джаган был переизбран достаточным большинством законодательного собрания и относительным большинством голосов избирателей.

В октябре по его просьбе Джагана приняли в Белом доме в Вашингтоне. Он приехал обсудить содействие своим программ по развитию. Однако, прежде чем оказать какую-либо помощь, президент Кеннеди и его советники хотели разобраться в политических убеждениях Джагана. Странно, но встреча, по описанию присутствовавшего на ней помощника Кеннеди Артура Шлезингера (Arthur Schlesinger), проходила так, как будто люди Кеннеди были абсолютно не осведомлены об американской дестабилизирующей деятельности в Британской Гвиане.

На выраженное Джаганом одобрение политики британского лидера профсоюзов Эньюрина Бивена (Aneurin Bevan), присутствовавшие в комнате «ответили одобрительно».

По поводу приверженности Джагана социализму Кеннеди заявил, что «мы не участвуем в крестовом походе по навязыванию частного предпринимательства в тех частях света, где оно не уместно».

Но когда Джаган, скорее по наивности, упомянул свое восхищение научным, левых убеждений журналом «Ежемесячное обозрение» (Monthly Review), он перешел идеологическую границу, что тихо и эффективно определило судьбу его страны. «Джаган, – писал позже Шлезингер, – без всякого сомнения, был марксистом» [10].

Во время правления Джагана Британская Гвиана так и не получила экономической помощи, при этом администрация Кеннеди оказала давление на британцев, чтобы не допустить предоставления стране независимости, которое было запланировано на следующий год [11]. Британская Гвиана стала независимой страной Гайаной только в 1966 году, когда Джагана уже не было у власти. В 1962 году ЦРУ организовывало и финансировало протесты против Джагана, предлогом для которых стал только что опубликованный бюджет. Последовавшие за этим забастовки, беспорядки и поджоги были совершенно не пропорциональны обвинениям.

Комиссия Содружества, расследовавшая события, пришла к заключению – вероятно, к неудовольствию назначившего ее Британского колониального офиса (British Colonial Office), – что:

«Нет никаких сомнений в том, что, несмотря на громкие протесты лидеров профсоюзов, политические связи и убеждения сыграли большую роль в разработке политики и программы по противодействию бюджету и настойчивых усилий по смене существующего правительства» [12].

ЦРУ организовало, как часто делало в подобных случаях, для связанных с Управлением североамериканских и латиноамериканских профсоюзных организаций поддержку забастовок посланиями солидарности и едой, создавая тем самым видимость настоящей трудовой борьбы. Управление также выпустило в эфир не известные ранее радиостанции и напечатало газеты с фальшивыми публикациями о приближающихся кубинских военных кораблях [13].

Гвоздем программы ЦРУ в Британской Гвиане стала всеобщая забастовка – если можно ее назвать таковой, поскольку ее поддержка была далека от всеобщей, – которая началась в апреле 1963 года. Длилась она 80 дней, и, как утверждается, стала самой продолжительной в истории всеобщей забастовкой [14].

Эта забастовка, как и в 1962-м, была организована Советом профсоюзных союзов (СПС, Trade Union Council), который, как мы уже видели, был членом международной мафии ЦРУ. Главой СПС был некий Ричард Ишмаел (Richard Ishmael), прошедший вместе со многими другими гвианскими профсоюзными лидерами подготовку в США – в Американском институте развития свободных профсоюзов, принадлежащем ЦРУ. Во время забастовки были нередки случаи насилия и провокаций, включая нападение на жену Джагана и некоторых из его министров. Сам Ишмаел был упомянут в секретном докладе британской полиции как участник террористической группы, осуществлявшей во время забастовки взрывы и поджоги правительственных зданий [15].

По отношению к Ишмаелу и другим членам группы британскими властями не было применено никаких санкций в надежде, что напряженная ситуация ускорит падение Джагана.

Между тем, по сообщениям «Нью-Йорк таймс», агенты ЦРУ давали «местным профсоюзным лидерам советы, как организовывать и поддерживать» забастовку. «Они также обеспечивали финансирование и предоставляли еду, чтобы поддержать забастовщиков, а также медикаменты для раненых в беспорядках рабочих Бернхэма. В какой-то момент агент ЦРУ даже участвовал в переговорах с доктором Джаганом как член комитета гвианского профсоюза работников». Позднее этот агент был разоблачен Джаганом и выслан из страны [16]. Это, вероятно, был Джин Микинс (Gene Meakins) – один из основных профсоюзных агентов ЦРУ, который работал в качестве советника по связям с общественностью и офицером по общеобразовательной подготовке в СПС. Микинс редактировал еженедельную газету и ежедневную программу радиостанции, через которые сумел распространить немалый объем пропаганды против Джагана [17].

Исследование, проведенное газетой «Сандэй таймс», показало, что:

«Похоже, Джаган рассчитывал на то, что профсоюзы смогут продержаться не более месяца. Но Маккэйб давал много денег за забастовку плюс деньги фондов для нуждающихся, деньги за ежедневные 15-минутные выступления бастующих на радио и другую пропаганду и значительные суммы на дорожные расходы. Казалось, что братские профсоюзы по всему миру сплотились в это время».

Из Лондона был прислан посредник Роберт Уиллис (Robert Willis), генеральный секретарь Лондонского типографского общества, известный своей строгостью в переговорах с управляющими газет. Он был шокирован обстановкой и сказал: «Мне сразу стало очевидно, что забастовка

была исключительно политической. Джаган уступал всем требованиям забастовщиков, но как только он соглашался, они выдвигали новые требования» [18].

Финансовые траты только на забастовку, переведенные ЦРУ через МОРОО и другие профсоюзные организации, составили около одного миллиона долларов.

Американские нефтяные компании стали еще одним примером того, какое большое число способов имеется в арсенале США, чтобы повлиять на выбранную цель. Компании, действуя заодно с забастовщиками, отказывались поставлять бензин, что заставило Джагана обратиться за нефтью к Кубе. Из-за американского общего экономического эмбарго Джаган в последний год своего правления все больше склонялся в сторону советского блока. Эта практика, конечно же, обеспечивала оружием тех критиков Джагана в Британской Гвиане, Соединенных Штатах и Великобритании, которые настаивали на том, что он коммунист и поэтому чреват всеми опасностями, какими опасны коммунисты.

Забастовку в основном поддерживали чернокожие сторонники Форбса Бернхэма и работодатели, уволившие многих индийских сторонников Джагана.

Как следствие, это обострило уже существовавшую расовую напряженность. «Сандэй таймс» утверждала, что «хотя расовое разделение до 1963 года было довольно дружественным, забастовка поделила страну на два лагеря». В конце концов трения переросли в кровопролитие с сотнями убитых, раненых и «наследием расовой жестокости» [19].

Джаган был, конечно же, осведомлен, по крайней мере в какой-то степени, о том, что происходило вокруг него во время забастовки. После того как все закончилось, он предъявил обвинения:

«Соединенные Штаты, несмотря на отрицания некоторых их лидеров, не готовы позволить существовать в этом полушарии социалистическому правительству или правительству, преданному решительным и серьезным реформам, даже если это правительство уже свободно избрано... Совершенно очевидно, что Соединенные Штаты будут поддерживать только то демократическое правительство, которое одобряет классическую систему частного предпринимательства» [20].

Пытаясь преодолеть навязчивую идею США в отношении Советского Союза и «еще одной Кубы в западном полушарии», Джаган предложил, чтобы Британская Гвиана стала «нейтральной» посредством соглашения между Соединенными Штатами и Советским Союзом, потому же принципу, как две державы поступили в случае с Австрией. Официальный Вашингтон никак не прокомментировал данное предложение [21].

Правительство Чедди Джагана смогло выстоять, несмотря на все провокации и унижения. Приближающиеся выборы в 1964 году снова свели вместе британского и американского братьев.

Британский министр по делам колоний Дункан Сэндис (Duncan Sandys), игравший главную роль в соглашении Британии и ЦРУ по Джагану, использовал забастовку и беспорядки как доказательство неспособности Джагана управлять страной и обеспечивать стабильность. А это было необходимым условием британского правительства для предоставления Британской Гвиане независимости. (В 1948 году Сэндис основал «Европейское движение» – финансируемую ЦРУ организацию эпохи холодной войны) [22].

Без всякого сомнения, это была надуманная позиция. Американский обозреватель Дрю Пирсон (Drew Pearson), писавший о встрече президента Кеннеди и британского премьер-министра Макмиллана летом 1963 года, сказал, что «главное, в чем они согласились, это то, что британцы откажутся предоставить независимость Гвиане из-за всеобщей забастовки против прокоммунистического премьер-министра Чедди Джагана. Забастовка была секретно органи-

зована при помощи денег ЦРУ и британской развединформации. Это дало Лондону необходимый предлог» [23].

Предлог был затем использован еще раз для принятия поправки в конституцию Британской Гвианы, создавшую систему пропорционального представительства на выборах, что превратило абсолютное большинство законодательных мест Джагана в относительное большинство. Впоследствии назначенный британцами губернатор Британской Гвианы объявил, что он не обязан просить лидера партии большинства сформировать правительство, если она не имеет большинства мест, – процедура, поразительно отличающаяся от того, чему следовали в Великобритании.

Когда в октябре 1964 года в Великобритании власть от консервативной партии перешла к лейбористской партии, у Джагана появилась надежда, что заговор против него будет прекращен. Несколько высокопоставленных лидеров лейбористской партии заявили публично и лично Джагану о неприятии секретной и антидемократической политики своих соперников из консервативной партии. Однако через несколько дней после занятия офиса лейбористская партия разрушила эти надежды [24].

«Уступая желаниям Соединенных Штатов, – писала «Нью-Йорк таймс», – лейбористская партия «отказалась от предоставления независимости Британской Гвиане» и одобрила выборы по пропорциональному представительству. Как стало известно, госсекретарь Дин Раск (Dean Rusk) дал понять новому британскому министру иностранных дел Патрику Гордону-Уокеру (Patrick Gordon-Walker), что «Соединенные Штаты, вне всяких сомнений, будут противодействовать становлению Британской Гвианы как независимого государства подобного кубинскому» [25]. Ранее Раск уговаривал предшественника Гордона-Уокера от консервативной партии лорда Хоума (Lord Home), снова приостановить действие конституции Британской Гвианы и «вернуться к прямому колониальному правительству» [26].

Интенсивная американская лоббистская кампания против Британской Гвианы (в дополнение к подрывным действиям) привела к тому, что член парламента от консервативной партии и бывший министр по делам колоний Ян Маклеод (Iain Macleod) заметил в палате общин: «Все мы признаем иронию того факта, что Америка подталкивает нас к колониальной свободе по всему миру, кроме мест, близких к ее границам» [27].

За день до выборов, 7 декабря, в одной из газет Британской Гвианы было опубликовано фальшивое прокоммунистическое письмо – обычная тактика ЦРУ во всем мире. Письмо было якобы написано Джанет (Janet), женой Джагана, членом коммунистической партии, и в нем говорилось: «Мы можем быть спокойны, зная, что НКК (партия Бернхэма) недолго продержится у власти... наши друзья за границей будут продолжать помогать нам одержать полную победу».

Госпожа Джаган быстро ответила, что не может быть настолько глупа, чтобы написать такое письмо, но, как бывает в подобных случаях, отрицание звучит слабее, чем обвинения [28].

Как и ожидалось, Джаган получил только относительное большинство законодательных мест – 24 из 53. После этого губернатор попросил Форбса Бернхэма, ставшего вторым, сформировать новое правительство. В британском полицейском докладе, упомянутом ранее, Бернхэм и несколько новых министров из его правительства были названы террористами.

Джаган отказался оставить власть. Британские войска в столице Джорджтаун были приведены в полную боевую готовность. Неделю спустя правительство Ее Величества еще раз подписало бумагу с новой поправкой к конституции Британской Гвианы, закрыв тем самым лазейку, позволявшую Джагану тянуть время. В конце концов он подчинился неизбежности [29].

На конференции в Нью-Йорке в 1990 году Артур Шлезингер публично извинился перед присутствовавшим там же Чедди Джаганом. Шлезингер сказал, что это была его рекомен-

дация британцам, приведшая к тактике пропорционального представительства. «Я чувствую себя неловко за свою роль тридцать лет назад, – признался бывший советник Кеннеди. – Мне кажется, что с Чедди Джаганом поступили несправедливо» [30].

Спустя четыре года Джаган снова стал президентом, выиграв в 1992 году первые в стране после его свержения свободные выборы. Администрация Клинтона выбрала нового посла в Гайану – Уильяма Доэрти (William Doherty). Джаган был поражен решением и так четко выразил свое мнение, что США отказались от кандидатуры Доэрти [31].

Когда в 1994 году, по истечении 30 лет, пришло время для американского правительства рассекретить документы по действиям в Британской Гвиане, Госдепартамент и ЦРУ отказались это сделать, чтобы «избежать неловкости», писала «Нью-Йорк таймс». Газета также добавила:

«Все еще закрытые документы описывают в деталях прямой приказ президента о смещении доктора Джагана, говорит один из правительственных чиновников, читавший секретные документы. Хотя многие президенты приказывали ЦРУ дискредитировать зарубежных лидеров, документы по Джагану являются неопровержимой уликой – четко сформулированный, без закамуфлированных фраз приказ Президента США о смещении премьер-министра» [32].

«Они сделали ошибку, выдвинув Бернхэма, – сказала Жанет Джаган, вспоминая прошлое. – К сожалению, страна откатилась назад». Будучи самой успешной страной в регионе 30 лет назад, в 1994 году Гайана оказалась среди самых бедных. Основной статьей ее экспорта стали люди.

17. Советский Союз, конец 1940-х – 1960-е От самолетов-шпионов до книгоиздания

Информация... Сотни молодых американцев и русских эмигрантов отдали свои жизни ради сбора для Соединенных Штатов огромного количества информации о Советском Союзе – любой информации о стране, которую Черчилль назвал «загадкой, завернутой в тайну, спрятанную в головоломке».

Однако не существует доказательств того, что эта информация спасла чью-то жизнь или послужила на пользу мира. По сей день тонны папок, набитых отчетами, горы компьютерных распечаток, магнитных лент и фотографий лежат в шкафах, пылясь на складах в США и Германии. Возможно, большая часть материалов уже уничтожена. Многие из этого никогда не читали и никогда не прочитают.

Начиная с конца 1940-х годов, американские военные, ЦРУ и Агентство национальной безопасности (АНБ) регулярно посылали курсировать вдоль границ Советского Союза самолеты для сбора визуальных, фотографических и электронных данных военного или промышленного характера, в частности связанных с советскими ракетно-ядерными возможностями. Оснащенные сложнейшим оборудованием самолеты, а также спутники, подводные лодки и станции электронного прослушивания в Турции и Иране производили огромное количество компьютерных данных. Иногда самолеты непреднамеренно залетали в воздушное пространство Советского Союза. В других случаях они делали это намеренно, чтобы сфотографировать определенную цель, или активировать радарные установки для записи сигналов, или оценить реакцию советских ПВО на атаку. Это была опасная игра, и во многих случаях самолеты были встречены зенитным огнем и советскими истребителями.

За годы холодной войны произошли десятки воздушных инцидентов, связанных с американскими самолетами и ответной военной реакцией коммунистических стран, в результате сотен, если не тысяч разведывательных полетов. В 1950 и 1951 годах советские войска сбили по одному разведывательному самолету с десятью членами экипажа. В живых не осталось никого.

В 1969 году, на этот раз северокорейским истребителем, над Японским морем был сбит самолет с экипажем из 31 человека. Некоторые самолеты-разведчики после того, как в них стреляли или даже попадали, благополучно возвращались на базы (расположенные в Турции, Иране, Греции, Пакистане, Японии, Норвегии), другие были сбиты, легчики погибали или попадали в плен [1].

Существует большая путаница относительно числа и дальнейшей судьбы летчиков США, попавших в советский плен после совершения ими вынужденной посадки или катапультирования в 1950—1960-х годах. Президент России Борис Ельцин заявил в 1992 году, что в начале 1950-х было сбито девять американских самолетов, двенадцать выживших американцев находились в плену, их дальнейшая судьба остается неизвестной. Пять месяцев спустя после заявления президента Дмитрий Волкогонов, советский генерал в отставке и сопредседатель Российско-американской комиссии, расследовавшей судьбы пропавших без вести американцев, сообщил комитету Сената США, что 730 летчиков были взяты в плен во время разведывательных полетов во время холодной войны; их судьба также неясна [2].

Наиболее известным из этих инцидентов был, конечно, сбитый 1 мая 1960 года самолет У-2, пилотируемый Фрэнсисом Гэри Пауэрсом (Francis Gary Powers). У-2 был разработан для полетов на большой высоте. Благодаря этому он был неуязвим для самолетов-перехватчиков. Исчезновение Пауэрса и его У-2 над Советским Союзом заставило правительство Соединенных Штатов публично придумывать ложные оправдания, опровержения и поправки к оправданиям и опровержениям. Наконец, когда Советский Союз представил Пауэрса и его

самолет мировой общественности, у президента Эйзенхауэра не было другого выхода, кроме как признать правду. Однако он многозначительно добавил, что такие полеты, как полет У-2, были «неприятны, но жизненно важны», поскольку русские страдают «фетишизмом секретности и скрытности» [3]. Один из советников Эйзенхауэра – Эммет Джон Хьюз (Emmet John Hughes) позднее заметил, что администрации потребовалось всего шесть дней, чтобы «превратить немислимую ложь в суверенные права» [4].

В ряде случаев Соединенные Штаты заявляли протест Советскому Союзу в связи с советскими атаками на американские самолеты, которые на самом деле пролетали не над советской территорией, а над Японским морем, например. Хотя и спланированные с целью сбора разведывательных сведений, такие полеты, по всей видимости, приемлемы в соответствии с международным правом.

Наиболее серьезными последствиями истории с У-2 явился провал переговоров на высшем уровне между Эйзенхауэром и Хрущевым, состоявшихся через две недели после инцидента в Париже, на которые люди по всей планете возлагали так много надежд на мир и разрядку.

Был ли инцидент с У-2 простой случайностью именно в тот момент времени? Полковник ВВС США в отставке Л. Флетчер Праути (L. Fletcher Prouty) предполагает, что нет. С 1955 по 1963 год Праути служил офицером по связи и взаимодействию между ЦРУ и Пентагоном по вопросам, касающимся военной поддержки специальных операций. В своей книге «Секретная группа» (The Secret Team) Праути пишет о том, что ЦРУ и некоторые его коллеги из Пентагона способствовали тому, чтобы данный полет У-2 – последний запланированный до встречи Эйзенхауэра с Хрущевым – состоялся и привел к трагическим последствиям. Они сделали это предположительно потому, что не желали ослабления напряженности в холодной войне, которая стала их смыслом жизни.

Использованный метод, по догадке Праути, был удивительно прост. Двигателю У-2 необходима подача жидкого водорода для поддержания высоты полета, обеспечивающей недостижимость самолета для средств ПВО и самолетов-перехватчиков. Если водородные баллоны были заполнены лишь частично, то после взлета из Турции У-2 был бы вынужден спуститься на более низкую высоту, и момент спуска можно было рассчитать так, чтобы он пришелся именно на территорию СССР. Вопрос, был ли самолет сбит или Пауэрс катапультировался, позволив ему упасть, не является бесспорным. Советский Союз утверждал, что У-2 был сбит на обычной для него высоте ракетой, но это было, вероятнее всего, ложью – после четырех лет тщетных попыток сбить хоть один У-2 на такой высоте. Как бы то ни было, Советский Союз смог представить миру частично уцелевший самолет-разведчик вместе с полностью уцелевшим пилотом-разведчиком, в комплекте с различными компрометирующими его документами и неиспользованной иглой для самоубийства. По словам Праути, наличие у летчика удостоверяющих личность документов не было случайным недосмотром. Сознательно «ни летчик, ни самолет не были проверены перед вылетом, как это требуется для других полетов» [5].

Пауэрс в своей книге вообще не обсуждает количество жидкого водорода в баках. Он считал, что его самолет был поврежден взрывной волной советской ракеты, после чего он был вынужден снизиться. Но он рассказывает о технических проблемах с самолетом, существовавших еще до предполагаемого взрыва [6].

В 1983 году Советский Союз сбил южнокорейский пассажирский самолет, который, как утверждали советские ведомства, осуществлял разведывательный полет. В свете вызванного этим событием фурора на Западе интересно отметить, что Праути также упоминает об использовании Соединенными Штатами «внешне незапятнанной национальной коммерческой авиакомпании» неопределенного иностранного государства «для шпионской фотосъемки и реализации других тайных операций» [7].

Для Советского Союза самолеты-разведчики представляли нечто большее, чем просто нарушителей воздушного пространства, и Москва отвергла выдвинутые Вашингтоном объяснения, что полеты были всего лишь одной из форм шпионажа, «разведывательной деятельностью, практикуемой во всех странах», как заявил Вашингтон [8]. В то время не было никаких намеков на полеты советских самолетов над Соединенными Штатами [9]. СССР считал такие полеты особенно провокационными: самолеты являются средствами ведения вооруженной борьбы, их использование можно рассматривать как начало военных действий, и они могут нести бомбы на борту. В Москве не могли забыть, что нацистскому вторжению в СССР предшествовали частые разведывательные полеты немецкой авиации. Не могли они забыть и тот факт, что в апреле 1958 года американские самолеты с ядерным оружием на борту летели над Арктикой в направлении СССР из-за ложного сигнала тревоги на американских радарх. Самолеты были отозваны, когда их отделяло от Советского Союза всего два часа полета [10].

Ни один американский самолет не сбросил бомбы на Советский Союз, но многие из них сбрасывали людей с заданиями выполнять враждебные миссии. Обычно это были русские, эмигрировавшие на Запад, где они вербовались ЦРУ и другими западными разведслужбами.

Ведущая организация эмигрантов была известна как Народно-трудовой союз русских солидаристов, или Народно-трудовой союз (НТС). Она состояла из двух больших групп: сыновей русских эмигрантов, бежавших на Запад после революции, и тех русских, кто по различным причинам попал в Западную Европу в конце Второй мировой войны. Члены обеих групп сотрудничали с нацистами во время войны. Хотя НТС в целом стоял на правом фланге эмигрантских организаций, их коллаборационизм был мотивирован скорее антисталинизмом, чем пронацистскими настроениями.

НТС базировался в Западной Германии. В 1950-е годы ЦРУ было главным благодетелем организации, часто ее единственной опорой. В школе ЦРУ, созданной в Германии, под звучным названием Институт по изучению СССР (Institute for the Studies of the USSR), а также в школах в Великобритании и Соединенных Штатах Управление проводило разностороннюю подготовку членов НТС перед их заброской на советскую территорию. Диверсанты приземлялись на родную землю в полной экипировке – от оружия до складных велосипедов, боевых костюмов пловцов и резиновых ковриков для пересечения колючей проволоки под напряжением.

Диверсанты возвращались на родину по разным причинам: для сбора информации о военных и технологических сооружениях; совершения убийств; получения современных образцов документов, удостоверяющих личность; оказания помощи западным агентам в бегах; совершения актов саботажа, которым они были хорошо обучены (пуск под откос поездов и подрыв мостов, диверсии на оружейных заводах и электростанциях и т. д.) либо для раздувания вооруженной политической борьбы против коммунистической власти силами движений сопротивления – совершенно нереальная задача, учитывая слабое состояние таких движений.

Мы никогда не узнаем, сколько всего агентов ЦРУ проникло в Советский Союз – не только по воздуху, но и на лодках, и другими путями – по меньшей мере, многие сотни. Что же касается их судеб... В 1961 году в Советском Союзе была опубликована книга под названием «Пойманный на месте преступления» – Caught In the Act, сокращенно CIA (ЦРУ), – в которой перечислялись имена и другие подробности о двух десятках русских диверсантов, многие из которых были схвачены почти сразу по прибытии в СССР. Некоторые из них были казнены, остальные получили тюремные сроки, среди них был человек, который принимал участие в массовых расстрелах евреев на оккупированной немцами территории СССР. В книге утверждается, что число пойманных диверсантов было гораздо больше. Это, возможно, слишком громкое заявление, но для советских спецслужб было сравнительно простым делом проник-

нуть в ряды эмигрантов в Западной Европе и узнать все необходимое про готовящиеся операции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.